

ЕЛЕНА ВЕРНЕЕР

● САМОЕ ЯРКОЕ ОТКРЫТИЕ 2015 ГОДА ●

Ты моя
половинка

Annotation

Их любовь родилась сразу после сотворения мира. Под разными именами и в разное время их видели то здесь, то там – красная Москва, вересковый Корнуолл, зачарованный Монреаль... Они меняли облик и имя, чтобы с разных концов света раз за разом возвращаться друг к другу, в особняк на засыпанной осенними листьями аллее. Будет ли им, как Маргарите и ее Мастеру, дарован покой – или эти мужчина и женщина погубят себя и свою любовь, совершив самый страшный грех, которому нигде нет прощения? Им предстоит многое пережить, но главное – понять, что, если ты не предаешь свою любовь, она способна на чудо.

- [Елена Вернер](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Часть четвертая-](#)
 - [Часть пятая](#)
 - [Часть шестая-](#)
 - [Часть седьмая-](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

Елена Вернер

Ты – моя половинка

Только любящим даруется вечность...

Часть первая

Она огляделась, мучительно стараясь вспомнить, как оказалась в этом странном месте.

Кругом было безмолвие и увядание. Наверное, середина пасмурного, но теплого октябрьского дня... Сад стоял, словно колдовскими чарами окутанный легким туманом, и в тумане тонули окончания разбредающих в разные стороны тропинок. С деревьев тихо осыпались пожелтевшие листья и с легким шелестом ложились на влажную землю, траву и аккуратную мощенную камнем аллею, на которой и стояла сейчас она, медленно осматриваясь вокруг.

Она втянула носом прохладный воздух и прикрыла глаза, стараясь почувствовать все оттенки запаха. Прелая листва, звонкий аромат поздних яблок, повлажневшей пыли и древесины. Вкусно. Умиротворяет. И волнует.

Пройдя по замостившим аллею камням несколько шагов, она в нерешительности остановилась у скамейки, засыпанной кленовыми листьями. Провела рукой по сиденью, сбрасывая листья вниз, и почувствовала, что рука стала мокрой. Все вокруг было покрыто тончайшим слоем влаги – это оседал и никак не мог осесть туман. Но ее это не смутило, и она присела на краешек скамейки, продолжая жадно вдыхать запахи. Опустила взгляд, пытаясь рассмотреть одежду, в которую была одета, и вдруг заметила маленький круглый шрам на левой руке. Она не помнила, откуда возник этот шрамик, но, увидев его, почувствовала себя спокойнее. Как будто заново познакомилась со своим телом, признала его.

В это мгновение ей в голову пришла мысль, что она соскучилась. Она не понимала, по кому и чему именно она так сильно скучает, но это чувство захватило всю ее, хлынуло со всех сторон и наполнило душу странной дрожью, которую было не унять. Какая-то неведомая сила гнала ее прочь, дальше, дальше... Ей пришлось вцепиться пальцами в тонкую чугунную вязь кованых подлокотников, чтобы усидеть на месте. Она должна была понять.

Но понять было невозможно. Она не знала ничего: ни как оказалась в этом саду, ни кто она, ни как ее зовут. Она ничего не помнила. Но страха не было, и тревоги не было. Нетерпение зашевелилось под ребрами, легкая улыбка тронула губы.

Ну и пусть! Пусть она не знала ничего о себе и этом месте, но все ее существо, от корней волос до кончиков подрагивающих пальцев,

стремилось куда-то, летело, плыло. Она легко поднялась на ноги и заспешила по аллее вперед, туда, откуда ее звал чей-то неслышимый голос, куда ее тянуло с невероятной силой, где она должна была быть. Тоска с каждым шагом все слабела и уступала место сметавшему все на пути радостному волнению. И предвкушению встречи.

Ноги почти не касались гладкого булыжника, набухшая от влаги длинная юбка нисколько не затрудняла их быстрый бег.

Если бы она могла знать, сравнивать – она бы сравнила себя с парусником, чьи паруса наполнил попутный ветер, и вот он несется в сверкающую даль по гладким упругим волнам. Но она не могла сравнивать. Она не знала, что на свете бывают парусники, и волны, и ветер – ведь ничего этого не было сейчас вокруг нее. Эта аллея, этот туман и булыжник, запах яблок и павшей листвы – вот и все, что она знала о мире. Этого было вполне довольно.

Она была не в силах сдерживать нетерпение, хотелось крикнуть, прыгнуть на двадцать шагов вперед, чтобы скорее сократить невероятное расстояние до... Она только бежала, не чувствуя ни биения сердца, ни боли в ступнях. Потому что сердце и ступни – что это, как не иллюзия?

И вот она остановилась. Чувства захлестывали ее, чуть не сбивая с ног. Не было только страха.

Она, задохнувшись, смотрела на ступени перед собой и не могла наглядеться.

Перед ней стоял Дом. Высокий двухэтажный каменный особняк. Часть фасада оплетали густой плющ и каприфоль. Шершавые серые стены потемнели от влаги и казались созданными не из камня, а из темно-жемчужного бархата. Высокие окна в резных переплетах были глазами, обращенными внутрь.

Из приоткрытого на первом этаже окна в осенний сад лились дивные звуки музыки: кто-то играл на фортепиано. Мелодия вилась, задумчива и нежна, иногда почти затихала, но тотчас вспыхивала снова и улетала ввысь, срываясь на высокой ноте. Три величественных аккорда, трель волнительного стаккато... Она словно рассказывала какую-то историю, и долгожданной гостье, стоящей в саду у края аллеи, эта история казалась знакомой. Томительной. Неоконченной. «Не забывай», – настойчиво и ласково твердила музыка раз за разом.

Тяжелая входная дверь чуть скрипнула на петлях, приглашая войти. И теперь она явственно поняла, что не зря бежала сюда, словно ветром подхваченная. Этот же ветер, невидимый, неосязаемый, приоткрывал ей дверь. И не было в эту минуту ничего более желанного, чем потянуть на

себя медную витую ручку и шагнуть внутрь.

К высокому крыльцу вели шесть мраморных ступеней.

Первая почти ушла в рыхлую осеннюю землю, на нее со всех сторон напозвала неугомонная трава.

Вторая немного покосилась влево. Но гостя шагнула на нее без опаски.

Третья треснула ровно посередине, и из трещины торчал чахлый на вид подорожник.

Четвертая была слегка щербата, и щербинки, при известном воображении, можно было принять за чью-то лукавую мордашку. Гостя мельком улыбнулась ей.

Пятая ступень была образцовой, ровной и гладкой.

А шестая... была уже не ступенью, а широкой придверной плитой на крыльце.

И желание исполнилось. За медную ручку она распахнула дверь и шагнула навстречу. Музыка в глубине Дома замерла.

Он улыбался, вставая из-за рояля и направляясь к ней с едва сдерживаемым нетерпением. А она не могла говорить и дышать. Ей не надо было ни секунды на то, чтобы узнать его. Глаза его, волосы, губы – она не видела ничего, ей это было не нужно, она и так знала, кто перед ней. Все молчаливо пело вокруг. Сейчас она осознала, что он рядом, что она достигла конца своего пути и нашла его снова. Что та потеря, тот ужас, который она пережила, его смерть – это ничего, пустяк. Что он снова рядом с ней, и иначе не может и быть.

– Ты... – вздохнула она.

– Ты, – кивнул он.

Их лбы соприкоснулись, пальцы сплелись. Времени не существовало, потому что души, созданные друг для друга, встретились. Снова.

Часть вторая

Цвет черемухи

Москва, СССР 1936–1937

На левой руке был шрам от ожога, розоватый, недавний. Это она в котельной ударилась о трубу. Марина поморщилась: всего-то небольшой полумесяц ранки, а мешает все время, болит.

В комнате бурлило оживление. Света и Марина то и дело сменяли друг друга у небольшого овального зеркала, висящего за входной дверью, толкались, взвизгивали и в шутку оттирали друг друга локтями, вместе с тем пытаясь приложить к себе очередной наряд.

– Цыц! – донеслось до них из угла. – Ну девчата, я же просила...

Задумчивая Оля, крупноватая девушка с русой косой в руку толщиной, смотрела на них с укором. Она сидела в углу на кровати, прислонившись к стене спиной, обложенная листами бумаги и потрепанными библиотечными книжками.

Егоза Марина быстро прыгнула на кровать к Оле и схватила ее в охапку. Оля постаралась высвободиться.

– Мариш...

– Да все ты сдашь! Глупенькая! Стоит ли так мучиться?

– Это ты на всех занятиях отвечала. А я... Ни за что бы не подумала, что материаловедение такое сложное... – вздохнула Оля.

Марина скорчила устрашающую физиономию, поддразнила:

– Ох-ох-ох, такое сложное материаловедение...

И звонко рассмеялась, увидев, что Оля тоже улыбается. В ответ Оля взъерошила Маринины короткие волосы.

– Тебе хорошо говорить, – снова вздохнула она, когда Марина вернулась к нарядам. – Мадам Валевская в тебе души не чает. А Валевская – это... Устроенность, уверенность. Работа. А работа – это труд. А труд...

– А труд – это май. А в мае надо гулять!

– Слышали бы тебя экзаменаторы...

Марина пожалала плечами и не ответила. Оля снова уткнулась в учебники.

Пока Марина отвлеклась на Олю, Света полностью завладела шкафом и зеркалом и уже заканчивала сборы. Она оглядела себя в ситцевом платье

цвета чайной розы в мелкий черный горошек, повернулась к зеркалу спиной и чуть не свернула шею, пытаясь разглядеть наряд сзади. Марина прыснула.

– Ты, Светка, ну точно гусыня. Такая шея у тебя... длинная, – озорно закончила она.

Бледная блондинка Света нахмурилась, кровь прилила к лицу.

– Скажешь тоже. Шея длинная, значит, лебедь, – подняла голову Оля, заступаясь.

– Ну да, лебедь. А я что сказала? – И Марина приняла такой невинный вид, что надувшаяся была Света усмехнулась и покачала головой:

– На тебя, Маринка, решительно невозможно сердиться.

– Решительно! – кивнула та, вытащила из-под стула небольшую сумочку, открыла ее и выудила на свет маленький тюбик губной помады. Подошла к Свете и решительно скомандовала:

– Давай открывай рот. Красить буду.

Света с готовностью выпятила губки. Ей эта процедура была не впервой. Раньше она сама просила Марину накрасить ее, и причин тому было несколько. Во-первых, никто больше не умел так красить губы, как Марина. Они казались одновременно невинными и такими восхитительными после нескольких касаний ее тюбика помады. А во-вторых, из всех обитательниц общежития у Марины помада была лучшей, иногда даже торгсиновской^[1], подаренная щедрыми клиентками в благодарность за сшитое платье или костюм.

Сегодняшняя помада пахла как-то иначе, богаче и вкуснее, и сердце у Светки предательски заныло.

– Что это, Мариш? Дай сюда! – Она быстро выхватила тюбик и прочла название на золотистом тюбике. – Вот это да! Это ж «Коти», с самого Парижу? Мамочка родная, а как пахнет! Ммм...

От неожиданности Светка совсем перестала следить за речью и тут же выдала с головой свое кристальное рабоче-крестьянское происхождение. Косметика от «Коти», иностранного производства, такая знаменитая и недоступная, что о ней не могли даже мечтать, – не то что держать в руках и красить свои пролетарские губы большинство москвичек. И тут эта маленькая драгоценность, прямо на третьем этаже общежития Текстильного института. Света не сводила с тюбика глаз.

– Ну да, «Коти», – улыбнулась Марина, глядя на покрасневшее от волнения лицо Светы. – Хочешь, отдам? Да ты бери, бери.

Света испуганно протянула тюбик обратно.

– Ты что?

– А что?

– Это ж...

– Ну да. Мне клиентка отдала. Ей муж привез, а ее такой цвет старит. Вот мне и отдала. А мне этот колер тоже не нравится. А тебе идет. Честное комсомольское!

Света долго стояла молча, на ее лицо набегала то тень, то почти благоговение. Наконец она кивнула и бросилась Марине на шею.

– Мариш! Ты золото! Золото настоящее. Проси что хочешь, ни в чем не откажу.

– Тогда... Буду петь – ты не торопись, – улыбнулась Марина и рассмеялась, глядя на обескураженную Свету.

– Я тороплюсь?

– Нет, это я так, – подмигнула Марина и начала перебирать ворох одежды. Света отошла от зеркала и, сев на стул, стала крутить в руках вожделенную помаду.

Марина тем временем погрузилась в раздумья, покусывая губу и тербя сизую юбку плиссе, лежащую на ее кровати. Потом покосилась на портреты Ленина и Сталина, словно великие вожди могли ей чем-то помочь.

Наконец Марина решилась. Белое крепдешиновое платье с пышным шифоновым подъюбником и синий-синий шелковый пояс вокруг талии. Примерила, подошла к зеркалу.

Оттуда на нее смотрела миленькая брюнетка, стройная, миниатюрная, с большими карими глазами и непокорными растрепанными волосами. И этой брюнетке определенно шло платье. Марина ни разу еще не пожалела, что сшила себе его, хоть Валевская и говорила, что пышная юбка сейчас не так актуальна, как струящаяся или узкая. На ткань ушла зарплата за два месяца. Зато пояс достался бесплатно, из обрезков ткани в пошивочной.

Она деловито повертелась перед зеркалом, завела руку за спину, чтоб не видеть шрам от ожога, подкрасила губы и проворно взбила волосы. Раньше она мечтала о длинных волосах...

Первый раз волосы Марише остригли, когда она только оказалась в приюте. Ей тогда было восемь, и теперь она уже смутно помнила то время. Воспитывал ее отец, мать умерла, произведя малышку на свет. Папа, Иван Тимофеевич, был инженером на заводе, Героем труда, и однажды слег с тифом. А через три дня, как говорится, преставился. Сама Марина тоже заболела, но как-то выдержала, выздоровела и была отправлена в Замоскворецкий приют. Там-то ее и остригли – вшей побоялись. Она до сих пор, вспоминая, ощущала ту наступившую невесомость в голове, когда

последние черные пряди упали на дощатый пол.

С тех пор она мечтала о волосах. Но в приюте отращивать запрещали, а потом... Потом она поступила в институт, насмотрелась, как товарки мучаются, грея на дровяной колонке воду, и решила отложить шевелюру на будущее. А через год познакомилась с Валеvской.

– Милочка, – сказала Режина Валеvская, тронув себя за серьгу тонкими пальцами. – Длинные волосы, это же так немодно! Теперь в фаворе быстрота, живость, легкость и практичность форм. Именно это я вижу у вас на голове.

Теперь Марина изучала свою прическу в зеркале. И должна была признать Режину правоту. Живость и легкость действительно были налицо. То есть на голове. Даже чересчур, поморщилась Марина. Она бегло пригладила вихор, но тут же забыла о нем и отвернулась. Посмотрела на часы. Половина десятого.

– Я готова.

Света очнулась от созерцания неслыханного Мариного подарка, как будто проснулась. Взгляд оставался затуманенным.

– Хорошо. Идем? – попыталась встряхнуться Света.

Она взяла стоящую у стола потертую гитару с красной лентой. Марина тем временем обулась, притопнула каблучком. Оля оторвалась от учебников.

– Удачи, девчата...

– И все-таки ты зря так с нами. Могла бы и пойти. Поддержать, так сказать, подруг и товарищей. А ты вон, от коллектива отрываешься, – шутливо насупилась Марина.

Оля качнула головой, Марина понимающе махнула рукой: мол, знаю.

В парке Сокольники было шумно, многолюдно. У фонтана визжала детвора.

– Совсем как на Первое мая, – хмыкнула Светка, уплетая мороженое.

– Ну да. Правда, сегодня уже двадцатое...

– Еще бы демонстрацию... Представляешь, и мы бы выступали? – мечтательно вздохнула Света и протянула мороженое Марине. Та покачала головой:

– Спасибо. Голос поберегу. А до Первомая мы с тобой еще не доросли.

И так было чудо – их дуэт пригласили петь в Сокольниках. Перед гражданами. Это уже не то что в институте самодеятельность. Этим местком им такое доверие оказал, что только благодарить его за это и благодарить. Марину всю трясло, хотя она и не подавала виду, только

сильно сжала в руке платочек.

Организатор концерта городской самодеятельности, грузная мелкозавитая дама, увидела их еще за несколько метров. Замахала рукой, подзывая. Сердце Марины ушло в пятки.

Как в тумане она выслушивала инструкции, каким номером они будут выступать, что да как. Дама намекнула, что на смотр самодеятельности планировали заглянуть товарищи из горкома, и Марине понадобилось все мужество, чтобы не рухнуть замертво. «Спокойно, – напомнила она себе, – настоящие комсомолки справляются с трудностями. А это так вообще пустяк».

Но все равно стояла за сценой едва живехонька, на Светку совсем не смотрела и мало что слышала из других номеров. Кажется, пионеры пели про вихри враждебные, потом про молодую красивую Родину, про Владимира Ильича Ленина. Оркестрик народных инструментов исполнял русские песни, и вот...

– А теперь нас порадуют своим выступлением труженицы нашей легкой промышленности, студентки Текстильного института Марина Коростылева и Светлана Иващенко.

На подкашивающихся ногах Марина вышла на сцену, чуть не споткнувшись. Платочек из рук не выпустила, а наоборот, прижала к груди.

Света стала перебирать струны гитары, Марина закрыла глаза и запела. Голос, сперва дрожащий, постепенно набрал привычную силу.

Лишь только вечер затеплится синий, Лишь только звёзды зажгут небеса, И черёмух серебряный иней Жемчугами украсит роса.

Отвори потихоньку калитку И войди в тихий сад, словно тень, Не забудь потемнее накидку, Кружева на головку надень^[2].

Несмотря на утреннюю просьбу, Света кое-где начала быстрее, чем того хотелось бы Марине. Но в целом... Марина всегда понимала, когда поет хорошо, а когда плохо. Сегодня она спела замечательно, с чувством.

Когда последняя нота романса затихла, тишина была полной. Марина, на финальной фразе снова прикрывшая глаза, испугалась и зажмурилась еще сильнее. Неужели не понравилось?

Но тут публика заплодировала, загудела. Марина распахнула свои огромные глаза и заулыбалась. Рядом с ней прерывисто, будто после марафона, дышала Светка, сжимая ладонь подруги в своей, потной и жаркой. Они поклонились и сошли по деревянной лестнице вниз.

Им что-то говорили со всех сторон. Девушки, обе зардевшиеся, торопились скорее покинуть площадку. Точнее, Света бы еще задержалась тут, а вот Марина за руку тянула ее подальше.

– Мариш, куда бежишь-то? – окликнула ее Света.

Марина остановилась и посмотрела на подругу глазами, полными слез. Коротко вздохнула, стараясь успокоиться.

Света оглянулась на сцену, публику. По ее лицу было видно, что внимание молодых физкультурников у ограды, их восторженные взгляды ей безумно льстили. И меньше всего ей сейчас, после такого успеха, хотелось затеряться на аллеях парка. Одного взгляда пронизательной Марине хватило, чтобы это понять.

– Свет. Ты побудь тут, а я пойду куплю чего-нибудь. Теперь уже можно, – с нервным смешком закончила она.

Света только кивнула, встретившись в этот момент глазами с юношей, который сидел на крайней к ним скамейке.

Марина купила себе фруктовой воды и теперь жадно пила в тени раскидистого каштана, прислонившись к стволу спиной. Лицо ее еще горело, но дыхание постепенно выравнивалось. Вокруг девушки все было покрыто солнечным кружевом – это свет пробивался сквозь распускающиеся молодые листочки.

– Такой чудесный голос... нуждается в мороженом, – произнес кто-то совсем рядом.

От неожиданности Марина поперхнулась, закашлялась так, что слезы полились из глаз. На спину ей немедленно с глухим стуком опустилась ладонь. Удар был не сильный, поэтому и кашель прошел скорее от неожиданности. Девушка рассерженно уставилась было на незнакомца – и тут же смутилась.

Он протягивал ей брикет мороженого и выглядел слегка виноватым. Густо-синие глаза смотрели обезоруживающе. Марина не нашлась, что сказать, и словно во сне взяла протянутое мороженое. Но спохватилась.

– Зачем это? Не надо, спасибо...

Она попыталась отдать мягкий холодный брикетик обратно, но незнакомец с улыбкой заложил руки за спину и покачал головой.

– Вам полезно. Кушайте.

Марине стало отчего-то ужасно смешно.

– Вам так сильно не понравилось мое пение? Хотите, чтобы я простыла и потеряла голос?

– Мороженое полезно. Смягчает связки, – пожал плечами незнакомец. – Только если маленькими кусочками откусывать. И растапливать во рту.

И Марина вдруг сделала то, чего никак от себя не ожидала. Она

развернула мороженое и стала есть – как он и сказал. Одновременно быстро оглядывая мужчину рядом с собой.

Незнакомец был высокий, худощавый, с умным узким лицом и высоким лбом. Вокруг глаз разбегались уютные насмешливые морщинки, а в скульптурных, красиво вылепленных губах все еще таилась улыбка. На вид чуть больше тридцати. Одет он был обыкновенно, неприметно, но опрятно. Вполне крепкую грудь его обтягивала голубая трикотажная футболка, руки он спрятал в карманы широких штанов. Девушка даже успела заметить, что на светлых парусиновых штиблетах не было ни единого пятнышка.

– Так, значит, вы Марина... – утвердительно произнес он.

Марина удивилась:

– Откуда вы знаете?

– Ну как же? Ваш дуэт объявили: Светлана такая-то и Марина такая-то. Мне кажется, имя играет большую роль для любого человека, и даже в некоторой степени определяет... Ну, словом, на Светлану вы не больно-то похожи.

Марина хмыкнула. Ей до смерти хотелось показать такую же догадливость и проницательность, но не было и мысли перебрать все имена, чтобы отыскать подходящее для него, этого странного мужчины. В голове у нее мелькнуло, что ни одно из имен не подошло бы ему полностью. Разве только имя было совсем уж необыкновенным.

Она еще раз осмотрела его с ног до головы. Мужчина был совершенно спокоен, только длинные пальцы едва заметно теребили краешек платка, выглядывавший из кармана штанов – точь-в-точь как она сама, когда пела романс. «Кажется, волнуется», – улыбнулась про себя Марина, но вслух не сказала.

– Какие у вас пальцы длинные, – кивнула она. – Вы музыкант?

– Матушке всегда говорили, что вырасту я пианистом. Ан нет, – развел он руками, – профессия куда более прозаическая. Хирург.

– Прозаическая? Да вы что? Возвышенная! – живо распахнулись Маринины глаза. – Музыкант – в этом есть что-то буржуазное. Ну если не самодеятельность, ясное дело... А вы, вы жизни спасаете. Что может быть дороже жизни?

Она стала так забавна в своей невинной убежденности, что мужчина не смог сдержаться и расхохотался. Но в смехе его не было ничего обидного. Закончив хохотать, он протянул ей узкую ладонь.

– Я Николай. Можно просто Коля.

– Очень приятно, – и Марина протянула руку в ответ.

Рукопожатие Николая оказалось крепким и приятным. У Марины вообще-то насчет рукопожатий была своя теория. Люди слабые, безвольные и мягкие жали руку так же мягко и слабо. Несколько лет назад Марина отдыхала в пионерлагере в Крыму и в море видела медуз. Так вот, если пожать такую руку, кажется, что раздавил ладонью медузу. Брр! Поэтому Марина всегда старалась пожимать руку энергично, крепко, чтобы новый знакомый сразу понял, что перед ним не какая-нибудь нежная барышня. Сейчас ей отчего-то непременно хотелось, чтобы Николай это понял.

Но в следующее мгновение Николай сделал неожиданный жест. Он наклонился и поцеловал прохладные Маринины пальчики, быстро, мимолетно. Марина отдернула руку.

– Ну зачем это-то?

– А вы принадлежите к самым эмансипированным гражданам нашей Родины? Оттого и руки целовать нельзя? – испытующе прищурился Николай.

Марина вспыхнула и робко покачала головой.

– Теперь все говорят, что галантность должна уступить место партийной сознательности, – пожал плечами Николай. – А я вот думаю, нельзя ли совмещать?

И они вдвоем рассмеялись. Стало вдруг так легко-легко на сердце, и Марине показалось, это оттого, что его жаркие, василькового цвета глаза так ласково смотрят на нее.

– Признайтесь, вы же это придумали, про мороженое и связки, – подколола девушка.

– А может быть, и нет?

– А может быть, и да?

– Этого мы никогда не узнаем.

– Ой.

Ну конечно же. Пока она увлеченно любезничала с новым знакомым, мороженое безнадежно растаяло на майской жаре, пролилось в руку и упало на газон бесформенной белой кляксой. И не успела Марина еще и сообразить, что к чему, Николай уже вытирал ее ладошку своим чистым платком. Марина на секунду почувствовала себя маленькой девочкой. Чтобы скрыть свой конфуз, с шутливым пафосом продекламировала:

– «Давайте бороться за чистоту тела, за чистое носильное и постельное белье, за чистый носовой платок, за чистую салфетку, за общий культурный внешний вид!»

Николай подмигнул:

– Ну или: «Белый воротничок и чистая кофточка – это необходимый

рабочий инструмент, который влияет на выполнение плана, на качество продукции». Между прочим, так в «Правде» писали.

Марина поцокала языком:

– Судя по вашей «чистой кофточке» и вообще виду, вы ну так просто стахановец...

– Мариш, вот ты где. Я тебя обыскалась... Ой, пардон!

Света появилась не очень вовремя. Ее быстрый взгляд скользнул по Николаю, его платку и Марининым запачканным рукам. Брови шевельнулись в скрытом удивлении.

– Знакомься, пожалуйста. Это Николай. А это Света.

Они пожали друг другу руки.

– Вы замечательно управляетесь, – указал Николай на гитару, висевшую у Светы на плече. – Я в восторге.

– Спасибо, – кивнула Света и замялась. – У меня, правда, пальцы со струн соскальзывали. Так руки вспотели со страху...

Николай понимающе покивал. Марина спрятала улыбку.

Подруга быстро отвела девушку в сторону и горячо зашептала в самое ухо:

– Я тут познакомилась кое с кем. Тот, у забора, помнишь? Никита. Мы пойдем с ним погуляем. Встретимся с тобой через два часа у фонтана, хорошо?

– Свет...

– Ну Мариш, не начинай, – заныла Света.

– Да послушай ты! Может, давай лучше сразу дома и встретимся? Чего зря время тратить...

Света недоверчиво замолчала, а потом радостно закивала головой:

– Ты чудо, чудо чудное! Спасибо, Мариночка!

И умчалась. Марина проследила ее путь, который окончился у соседней аллеи – там ее ждал бравый физкультурник в белом, широкоплечий, с грудью колесом и ростом под два метра. «Как раз в Светкином вкусе», – усмехнулась про себя Марина.

– А ваша подруга, кажется, считает вас главной. Отчитывается...

– Это чтобы я не волновалась. Не отчитывается, а сообщает.

– И все равно я удивлен. А я редко удивляюсь. Вы такая хрупкая. Я бы вас не оставил посреди парка с незнакомым элементом.

– А вы уже знакомый элемент, – засмеялась Марина.

Они, не стовариваясь, двинулись по тенистой тропинке. Марина была ниже своего нового знакомца на целую голову, и ему приходилось умерить шаг, чтобы она не бежала вприпрыжку.

– Так значит, удивились? А еще чему вы удивляетесь?
– Когда вы так говорите, у вас лицо любопытной мышки. Только вот глаза огромные.

– Ну да, а так я вылитая мышка-норушка, – фыркнула девушка.
– Совершенно с вами согласен, Марина. И кстати, удивлять вы меня не перестаете. Сперва я был поражен вашим голосом – такой редко встретишь у молодых девушек. Сильный, явно поставленный...

– Вы же вроде не музыкант, а врач. Откуда познания?
– Ну, моя любопытная норужка, одно другому не мешает... А чему в этой жизни удивляетесь вы, кстати?

Вопрос Марину обескуражил. Да как же ей не удивляться в этой чудесной, прекрасной жизни? Каждый день приносит с собой ворох открытий. И то, что она живет в такое замечательное время, в такой замечательной стране... Но вырвалось у нее совсем другое:

– Сегодня я удивилась, что в метро теперь не четыре вагона, а шесть.
Николай шутливо развел руками:
– Значит, чудесам нашей Родины вы удивляетесь через вагоны метро?
– Вы все передергиваете, – вздохнула Марина. Но, глядя на него, она поняла, что ничего он не передергивает, а просто шутит. И вообще, видимо, склонен шутить всегда и везде, раз у него столько лучиков вокруг глаз. Ведь вроде не старей еще.

...Они катались на лодке по пруду, когда Марина решилась спросить:
– Николай, а сколько вам лет?
– Меньше, чем вам кажется. Двадцать девять исполнилось. А вам?
– И кто-то еще говорит о галантности, – поддела она его и добавила гордо – Я на два года старше Великой Октябрьской революции!
– Целый двадцать один, – поддел он ее в ответ. – Жизнь только начинается.
– Вы говорите как старик.
– Я говорю как врач.

Марина хотела сказать еще что-то, но передумала. В воздухе пахло прудовой тиной, чем-то цветочным – кажется, черемухой. Да, точно – Николай как раз правил к безлюдному берегу, где наклонилась к воде, вся в пахучем своем снегу, черемуха. Когда они подплыли поближе, на Марину и Николая хлынул терпкий запах, такой изнуряющий, сильный, сладкий. По водной глади плыли белые лепестки, мешаясь с разводами желтой пыльцы, веточками, травинками и зелеными сердечками кувшинок.

Марина из-под ресниц украдкой смотрела на Николая. Он погружал в

воду весла, казалось, не прилагая к этому никаких усилий, тихо скрипели уключины, под лодкой слышались шелест и слабый всплеск.

– У вас глаза напоминают каштаны, которые осенью тут сыплются. Красивые, в темных кружевных прожилках, – вдруг нарушил он молчание. В его голосе сквозило что-то затаенное, сильное, а что именно – Марина не поняла.

Он смотрел на нее. Пожирал глазами? Нет, сказать так было бы неправильно. Не пожирал, а ласкал, гладил, нежил. Она готова была всю свою жизнь плыть на этой лодке, по этому пруду, только если бы на веслах сидел он и так на нее смотрел. В этом было что-то очень правильное, главное, самое важное. Ей хотелось быть рядом с ним, любоваться его строгим профилем, его четко очерченными губами. Перебирать его пальцы, разгадывать узор лазоревых вен на запястьях. Знать о нем все, знать его походку, движения, наклон головы, изгиб улыбки. И знать, о чем он думает сейчас, вот именно сейчас, в эту минуту.

Николай видел, что Марина его изучает, что ее лоб туманится какими-то мыслями. Он никогда не встречал подобную ей. Никакую мышку Марина, конечно же, не напоминала. У нее были пленительные глаза, темные глаза пугливого олененка, большие, выразительные, мгновенно выдававшие любое испытываемое ею чувство. Когда она только вышла на сцену, там, на другом конце парка – и на другом конце его жизни, – он сразу же увидел эти глаза, испуганные, трепетные. А потом она запела. И Николай поразился силе и звучанию ее голоса. Даже его мать Варвара Ильинична, так любившая по вечерам в родной Самаре, нынешнем Куйбышеве, петь народные песни и даже славившаяся своим исполнением среди соседней и фабричных, не могла сравниться в пении с этой девчушкой с растрепанными волосами. Голос был удивительно хорош. Но еще сильнее поражала та невысказанная горечь, которая сквозила в каждом слове, певучая тоска каждого ее вдоха. Словно слова и музыка были написаны не просто для нее, а ею. И Николай решил, что он непременно напишет песни, которые исполнит Марина – для него, и для самой себя, и для их детей.

Может быть, со стороны это могло бы показаться поспешной мечтой, но с самого первого взгляда Николай тут же понял, что это именно – она. Мимо которой ни за что на свете не пройдешь...

Варвара Ильинична, женщина хоть и крестьянская, необразованная, но сметливая, не зря приложила усилия, чтобы сын учился музыке. Она была старшей горничной в господском доме и имела определенное влияние, так что Коля занимался на рояле, когда тот был не нужен младшей барышне. Уже в пять лет он свободно играл Бетховена, Моцарта, но больше всего

любил Шопена. А после революции хозяева усадьбы исчезли, не оставив следов, и замечательный стейнвеевский рояль перекочевал в старый деревенский дом на окраине, где смотрелся немного странно.

Когда Николай увидел эту девушку, которая стала спускаться со сцены на дрожащих ногах под аплодисменты публики, с очаровательным неподражаемым румянцем на свежих щечках, в его голове сама собой начала рождаться мелодия. И чем больше он наблюдал свою знакомую незнакомку, тем явственнее ноты складывались в музыкальные фразы. В них было все, и взлеты ее голоса, и ее полуулыбка, и это ее мглистое выражение задумчивого лица. Даже легкое журчание воды, которое раздалось сейчас, когда ее рука опустилась с лодки и коснулась глади пруда.

Марина погрузила в воду пальцы. Лодка плыла, и от руки шел в две стороны клинышек маленьких волн. Прохлада захватила каждый палец в отдельности и всю ладонь целиком. Девушка вздохнула и блаженно зажмурилась. И острое чувство покоя и восторга пронизало ее всю. Она распахнула счастливые глаза и ослепила ими Николая.

– Коля, откуда вы только взялись?

Они прогуляли весь день. Лодка не могла им наскучить, и на берег они сошли, только когда настояла Марина – она переживала, что Коля устал грести. Сколько он ее ни увещевал, переубедить эту девушку было невозможно.

– Видимо, вы, Марина, самая упорная на свете, – заявил он, сдавшись.

– Упорство – полезное качество, – призналась Марина. – Оно помогает нам идти вперед!

– К светлому будущему, конечно? – усмехнулся Николай, привязывая лодочную цепь к крюку причала.

– Конечно! – Марина сделала бровки домиком и невозмутимо закивала.

Николай залюбовался ею:

– Эх, не с тех наши художники плакаты рисуют. Вы бы могли стать символом нашего светлого пути. Такая заразительная жизнерадостность.

– Да, только вот ростом и силушкой не вышла, – вдруг расстроилась Марина. – Ну куда мне за трактор или на завод. Или в поле. Я и серпа не подниму... Надо мной еще в приюте смеялись: все на картошку, а Маринка полы моет, мол, швабру-то поднимет, а вот лопатой ее придавит. Или тяпкой зашибет ненароком.

Николай чуть нахмурился при слове «приют», но не спросил. Тихо

добавил:

– Ну не всем же комбайны водить. И трактора...

– А мне иногда хочется, вы знаете... – призналась Марина. – Быть на передовой. У меня ведь папа был Героем труда! У него грамота была!

– Трудиться можно где угодно.

Марина кивнула. Она была, в общем-то, согласна с Николаем. Возможно даже, что во всем. И куда только подевалась вечная ее страсть к спорам?

И она стала рассказывать. Про то, как живет с подругами в комнатке студенческого общежития при институте, как ходит на практику на хлопчато-бумажную фабрику. Про то, что редко ездит на метро, потому что некуда, и еще потому, что побаивается этого новшества. Трамваи как-то привычнее, хотя и их она не любит: боится поскользнуться на рельсах и попасть под один из них. Но ведь сегодня доехала от Парка до Сокольников – и вот, не зря... Про свою учебу, про подработку в модном ателье, про ткацкие станки и выкройки, про хлопкопрядение и трикотаж. Воспользовавшись предложением, легонько пощупала ткань футболки Николая. Под нею была его горячая кожа, и Марина торопливо отдернула руку, будто обжегшись.

А Николай смотрел на нее и только диву давался. Она была такая непосредственная, такая забавная, когда увлеченно рассказывала о работе. Сразу было видно, что это именно ее призвание.

– А платье это... Тоже сами сшили? Оно вам очень идет.

– А пояс мой идет к вашим глазам. Такого же цвета.

Они вдвоем уставились на ее талию, перехваченную полоской лазурного шелка. Марина смутилась и покраснела. А Николай медленно и спокойно взял ее руки в свои. И перецеловал все до единого пальчика, тонкие, с розоватыми овалами гладких подстриженных ногтей. Марина рук не отдернула.

День шел к концу. Они обошли чуть не весь город, и говорили, говорили. словно нужно было после долгой разлуки скорее сообщить друг другу последние новости о себе. Только вот новости эти касались их целых жизней, прожитых врозь – до встречи. Не хотелось расставаться. Мысль о расставании даже ненадолго, пусть на сутки, казалась невыносимой, такой резкой, будто на кожу брызнуло раскаленное масло. В последние несколько часов прогулки их руки уже не расплетались.

Назавтра был понедельник, начало новой шестидневки, но они все равно условились встретиться после работы.

По небу поплыли акварельные, с одного края лавандовые, с другого едва розоватые облака, большие, величественные. Пахло близким дождем и влажнеющей землей, на мостовой купались в пыли воробьи.

Загрохотал и промчался мимо трамвай.

Марина была натянутой струной, она чувствовала, что сейчас произойдет что-то важное, что-то главное. Для нее и для него тоже.

Николай остановился прямо перед ней, поднял обе ее руки к своей груди и крепко сжал. Она чувствовала, как оглушительно пульсирует кровь, бушует с силой горной реки, только не могла разобрать, чья именно.

– Марина... Выходите за меня замуж, Марина.

Так просто.

Она встала на цыпочки, увидела свое отражение в его зрачках, уловила его прерывистое дыхание. И осторожно поцеловала в губы, мимолетно, легко. Согласно.

Остановился другой трамвай. Марина выпорхнула из объятий Николая и заскочила на ступеньку. Трамвай зазвенел, тронулся, окна заливало закатное солнце. Вечер был ясный до стеклянности.

– Так да? – бросившись за трамваем, громко бросил Николай.

– Да! Да! Да! – крикнула Марина звонко.

Николай остановился и смотрел ей вслед, ошеломленный.

Наутро Николай, глаз не сомкнувший в своей комнате большой гулкой коммуналки под шум ночного ливня, пришел в больницу чуть не на рассвете. Ждать больше он не мог, голова разрывалась от звуков.

– Раненько вы, Николай Ефимович, – удивился сонный сторож Маркелыч, протягивая ему ключи.

В комнате, выполнявшей роль красного уголка, напротив стола, покрытого сукном, под чуть лукавыми взглядами вождей, смотревших с портретов, стояло пианино. Николай лихорадочно откинул крышку с клавиатуры и пробежался по ней пальцами. Сел, перевел дыхание.

Музыка полилась бурным потоком, без единой фальшивой ноты, чистая. Перед глазами Николая стояло улыбчивое лицо с ямочками, волнительные глаза, вспыхнувшие щеки. Ее троекратное «Да!» облекалось в триумфальное крещендо, ее смех звенел во второй октаве. Мелодия велась то радостная, то задумчивая и нежная, иногда почти затихала, но тотчас вспыхивала снова и улетала ввысь, срываясь на высокой ноте. «Не забывай», – настойчиво, ласково твердила музыка раз за разом...

Когда Марина, вся взмыленная, заскочила в Дом моделей, оставив за

собой солнечную, нагретую майским днем Рождественку, она мгновенно поняла, что опоздала.

Она всегда приходила сюда после занятий в институте, но сегодня ее задержала преподавательница по технологии шерсти. А может, дело было даже не в ней. Марина не спала всю ночь, прокручивая в мыслях предыдущий день и счастливо улыбаясь в худую казенную подушку. От недосыпа ее глаза казались еще больше, неправдоподобно огромными и такими очумелыми, что подруги несколько раз спрашивали, что с ней такое приключилось.

Накануне она вернулась совсем поздно, после расставания с Николаем никак не могла унять дрожь и все бродила вокруг общежития, пока вахтерша не пришла запираеть проходную. Девчата уже готовились ко сну, Света в красках расписывала Оле свое свидание с новым знакомым, Никитой. Оля зевала, беспокойно поглядывая то на часы, то на аккуратную стопку учебников на столе – завтра ей предстояло держать экзамен. Марина сослалась на усталость и быстро легла. Если она и хотела бы с кем-то разделить свою новость, то с Валевской, а не с девчатами... До утра она никак не могла наглядеться на его лицо в своих воспоминаниях. Особенно на то его выражение, когда она выкрикнула: «Да! Да! Да!»

Теперь, с шальной головой, она села не на тот трамвай, пришлось ехать в обратную сторону. И вот итог – она опоздала. А Режина Витольдовна этого очень не любит.

Режина Витольдовна Валевская была дочерью польского служащего и литовской модистки, и от обоих унаследовала лучшее. Совсем юной она приехала в Петербург, чтобы стать портнихой в столице, и одно время была ученицей Надежды Ламановой^[3]. Чувство стиля, умелые руки и секреты материнского ремесла быстро сделали ее одной из лучших, а знаменитая Ламанова добавила широту взглядов на крой и цвет – и смелость решения. В последнее предреволюционное десятилетие Валевская держала свое модное ателье с десятью работницами и обшивала значительную часть петербургских модниц.

Потом настали трудные времена, но Валевская не унывала, даже перебиваясь с хлеба на воду. Она считала, и совершенно, как выяснилось, справедливо, что женщина и в годину тяжелых испытаний остается женщиной, а значит, поклонницы ее мастерства найдутся всегда. Так и вышло. Несмотря на обвинения, после свертывания НЭПа, в кустарном производстве с наемными помощницами Валевская все равно работала. И вот теперь, на пороге своего пятидесятилетия, она возглавляла один из недавно открытых Домов моделей. Конечно, путь сюда простым

москвичкам был заказан. Но непростые появлялись постоянно. Как нельзя кстати, еще с «бывших» времен у мадам Валевской остались отрезки заграничных тканей, ленты, кружева, пуговицы, оторочки, тесьма, шитье – и все это особенно нравилось московским модницам: партийным женам и дочкам, актрисам, певицам. Клиентура у Дома моделей была уважаемая.

Маринина работа заключалась в том, чтобы быть у Режины на подхвате, выполнять все толково и быстро, поменьше, как она выражалась, «греть уши» и проявлять побольше предупредительности и любезности с клиентками. Сами клиентки, с некоторыми из которых Режину связывали годы знакомства, ценили портниху за терпение, невероятный стиль и чувство моды – и за умение помалкивать, какую бы тайну ни случилось при ней выболтать. Кажется, именно это Режина и стремилась передать Марине, своей Мари – так она ее называла на французский манер.

Нервничая, Марина быстро переобулась в рабочие туфельки, повесила сумочку на крючок и с опаской, на одних носочках, прокралась в примерочную, откуда доносился звучный, чуть с хрипотцой, голос ее наставницы.

Валевская окатила ее свирепым взглядом, но ничего не сказала – и причиной тут были отнюдь не зажатые в уголке рта английские булавки, а твердое правило не отчитывать работниц на людях. Большие напольные часы отбили четверть четвертого, во всеуслышание заявляя о Маринином опоздании на целых пятнадцать минут. Марина поморщилась и тут же взяла из протянутой ей руки подушечку с булавками и кусок мела.

Режина с милой улыбкой, как ни в чем не бывало, обернулась к клиентке, девушке лет пятнадцати, почти ребенку, с капризным выражением лица. Та была окутана волной сиреневого атласа, который портниха ловко закалывала булавками прямо на ней. Это было удивительное умение Валевской, которому постепенно училась и Марина: конструировать одежду прямо на человеке, без выкроек.

– Ай! – взвизгнула клиентка. – Дура, ты меня уколола!

Марина в ужасе зажмурилась. Это было кощунственно. Да и вряд ли руки Валевской действительно допустили такую оплошность... Но Режина, медленно вдохнув и выдохнув, произнесла с виноватой улыбкой:

– Простите, Вера Федоровна, я виновата. Не знаю, как так получилось.

В ее тоне смешались неприкрытое раскаяние и неприкрытая же снисходительность. Марина улыбнулась про себя, видя, как съежилась клиентка перед своей портнихой. Пора было приступать к своим обязанностям – в них входило не только держание булавок.

– Могу я вам предложить что-нибудь, Вера Федоровна? Чай, кофе,

лимонад, крем-соду? – самым доброжелательным голосом поинтересовалась она.

После того как клиентка ушла, Марина и Валевская уединились в кабинете. Сюда почти не доносился стрекот швейных машин из пошивочной, в распахнутое окно голосили птицы. Марина разложила на столе детали твидового пиджака, чтобы сметать их, сама хозяйка, все еще не проронив ни слова, сняла с шеи портновский метр, швырнула его на стол и прошла к окну.

Марина знала, что сейчас Режину лучше не трогать, как бы ни хотелось поделиться новостью: пока узкие губы начальницы сжаты в ниточку, внутри у нее все клокочет от раздражения. А ведь так не терпелось!

Режина вся была такая же узкая и тонкая, как ее губы. Высокая, остроносая, сухопарая, с ловкими руками и цепкими птичьими пальцами, прямой спиной, вздернутым подбородком и ироничным скуластым лицом. Она бы напоминала заточенный карандаш в своей юбке с завышенной талией, если бы не пышная блуза нежно-персикового цвета. Что-что, а одеваться Валевская умела.

Все еще раздраженная, она села на подоконник. Разрез на юбке обнажил баснословно дорогие фильдеперсовы чулки. Она закурила, вставив одну из своих неизменных папирос «Герцеговина флор» в мундштук. На тонкой шее нервно билась жилка.

– Нет, ты подумай, Мари. Это я-то дура... – проронила она, сбивая пепел папиросы ломким пальцем.

– Она не со зла, – попыталась успокоить ее Марина. – Просто балованная девочка...

Режина взвилась:

– А ты вообще опоздала. Глаза как у чумной кошки. Влюбилась, что ли?

Не в бровь, а в глаз. Марина вспыхнула и отвела взгляд.

– Я замуж выхожу, – пробормотала она почти виновато. Она так готовилась весь день преподнести свою новость, и вот... Все наперекосяк.

– Ну-ну... И кто он, счастливый избранник?

– Коля. Николай. Он врач, хирург. И музыкант немного...

Режина затушила папироску, вдавив ее в пепельницу. Спрыгнула с подоконника, взяла со стола портновский метр и подошла вплотную к Марине. Прежде чем та успела что-либо понять, сняла с нее мерки, быстро черкнула карандашом на листе цифры со старомодными завитушками.

– Ну, слишком длинное делать не станем, тебе не венчаться... Фату-то надо? – опытным глазом окинула Режина талию своей подопечной. – Или поздно уже?

– Режина Витольдовна! – потупилась Марина.

– Вот уж и спросить нельзя! Мало ли. Может, ты у нас тоже пару «стаканов воды»^[4] до свадьбы хлопнула, я ж не знаю... – усмехнулась Валевская.

– Я не такая, – обиженно отрезала Марина.

– Ну-ну, детка, будет! – Валевская цепкими пальцами приподняла Маринин подбородок и заглянула в глаза. – Будто шуток не понимаешь.

Ну и шуточки, подумала Марина, но вслух сказать не осмелилась.

– Мы только вчера познакомились...

Валевская замерла. Помолчала с минуту, улыбнулась. Если и удивилась, подумала про себя Марина, то никак это не проявит. Ох, только бы не начала отговаривать...

– И когда свадьба?

– Еще не знаю, – пожала плечами Марина.

– Вот что, Мари. Не раньше июля, поняла меня? А то не успею, заказов тьма. А этот твой Коля-Николай-врач-музыкант... Пиджак-то приличный у него имеется?

Марина снова пожала плечами.

– Ладно. Приведешь его как-нибудь сюда. Москвошвеевский брат и не думай – нечего позориться и меня позорить. Мерки сама сниму. Будут вам от меня наряды в качестве подарка. Идет?

Марина бросилась было на шею благодетельнице, но Валевская поморщилась и отстранилась:

– Мари, ты же знаешь, я этого не люблю. Я-то надеялась, нежности ушли в прошлое вместе с кисейными барышнями-институтками... Так, все, за работу. Товарищ Щеглов ждать не будет, пока мы с тобой тут свадьбу сыграем. Ему пиджак к субботе.

Марина вернулась к кускам твида и начала ловко сметывать, откусывая нитку зубами.

– Мари... Для этих целей есть ножницы, сколько раз повторять!

Долгое время они работали молча. Валевская чертила модель сиреневого платья для давешней партийной дочки, с головой уйдя в работу и, кажется, нисколько уже не думая о сообщенной новости. Будто посчитала все это само собой разумеющимся.

Марина мыслями вся была далеко отсюда, в предыдущем дне. И пыталась догадаться, что сейчас делает Коля. И не привиделось ли ей все

это. Теперь, когда даже мерки на свадебное платье были сняты, она вдруг испугалась, что все возьмет да и окажется сном или злой шуткой. Но в своем решении Марина была почему-то совершенно уверена. Ей казалось очень естественным, что она согласилась стать его женой. А то, что они вчера познакомились – просто абсурдное недоразумение. Могли бы и раньше, просто как-то не сложилось... И то и дело поглядывала на часы, высчитывая минуты до назначенной встречи.

Нет, это не могло быть сном! Она помнила счастливую улыбку Николая. И его руки, сжавшие ей пальцы до боли.

Она погладила кусочки ткани, представляя себе Колю в том пиджаке, который скоро из них получится.

– А на фабрике ткань совсем другая. Ну, там, где мы практику от института проходим. Унылая какая-то...

– Милая моя, – одернула ее Режина, подняв голову от эскиза, – не пори ерунды. Люди копейки выкраивают. Ты что, в транспорте не ездешь? Купидоны тебя носят, что ли? Им и не нужна такая ткань, как у нас, главное, чтоб носилась долго и пачкалась редко. Ты не смотри, что в нашем ателье происходит, это исключение. Не смотри – да помалкивай.

Они были неразлучны. Дни шли непрерывной чередой, и в каждом из них было несколько часов безудержного счастья, когда Коля встречал Марину после работы и брал за руку. В этот момент Марина ощущала, как весь мир выстраивался в струнку, по каким-то назначенным свыше законам гармонии.

Иногда он чуть-чуть задерживался, и Марина, выскочив на улицу, не видела его на обычном месте. Тогда она спешила к перекрестку. Коля уже подходил к нему с другой стороны, и, зоркая от любви, Марина чуть не со ста шагов видела его искристые глаза и сведенные в раздумьях брови. Махала ему рукой, он махал в ответ. Они ждали, пока пройдут машины и трамваи... Марина с самого начала строго-настрого наказала ему, чтобы он не смел кидаться к ней через дорогу, пока не убедится, что это безопасно. Ее терзала тревога, мурашечный страх, когда она думала, что какая-нибудь роковая случайность могла бы вмешаться в их идиллию. Каждый раз, глядя на него через дорогу, она понимала по его улыбке, что он мысленно говорит ей сейчас: «Ну вот, видишь, моя любимая, я покорен твоей воле, я не хочу лишней раз огорчить тебя, и стою, жду, смотрю по сторонам, и перехожу дорогу только со всеми, только в специальном месте, хотя мог бы расшвырять все и вся вокруг, только чтобы скорее заключить тебя в объятия». И наконец, через пару минут эти объятия были уже не мечтой, а явью, и они стояли у всех на виду, и она что-то быстро бормотала, только

чтобы не начать его целовать – это ей казалось неприличным.

А иногда, когда он дежурил в больнице до вечера, вел прием или проводил операцию, она сама спешила к нему. В больнице Колю – Николая Ефимовича, товарища Карелова – любили, а на Марину смотрели с улыбкой и одобрительно кивали. Правда, молоденькие медсестрички шушукались у нее за спиной и глядели ревниво. Но Марина относилась к ним даже с пониманием: ведь ее Коля самый лучший, самый красивый, самый умный! Такой талантливый хирург, что очередь к нему на несколько дней вперед расписана. Всегда вежливый, безупречно аккуратный. Недавно в партию вступил. Как же тут не ревновать? Особенно когда в воздухе отчетливо пахнет свадьбой, а сам Карелов, когда она в комнате, глаз с нее не сводит.

Обычно, когда Марина приходила, Коля был еще занят осмотром. Она под недовольный ропот больных, ожидающих своей очереди в коридоре, заглядывала в кабинет. Он оборачивался с рассеянным выражением, но при виде ее мгновенно менялся в лице. Она проходила в лаборантскую, он, извинившись перед пациентом, шел следом. Быстро прижимал ее к себе, стискивал сильными руками, коротко вдыхал запах ее затылка. Выдыхал:

– Я скоро, не скучай, – и выходил, плотно притворив дверь.

Забегала проворная Анна Васильевна, его медсестра, пожилая, сдобная, в необъятном халате. С ласковой материнской улыбкой ставила перед Мариной стакан чаю. В лаборантской едко пахло хлоркой, нашатырем, какими-то микстурами. Марина грызла пряник, запивая сладким чаем, и прислушивалась сквозь болтовню Анны Васильевны к гулу его повеселевшего голоса за дверью.

Они были знакомы вечно. Марина очень сердилась, когда кто-нибудь из ее соседок (больше никто, кроме разве Валева, этой подробности не знал) напоминал ей, что знакомы-то они без году неделя. Заканчивался июнь, когда Марина известила подруг, что выходит-таки замуж и свадьба через месяц. Света, справившись с оторопью, поздравила, Оля нахмурилась и спросила, точно ли Мариша уверена в своем, таком поспешном, выборе. Нашла что спросить! Какая же это поспешность, когда все внутри разрывается, стоит им только попрощаться у проходной... Так недолго и с любовным инфарктом слечь. Правда, Коля тогда все равно ее вылечит, она-то знает!

Однажды Марина прилетела в больницу и узнала, что у Коли еще идет операция. Кабинет был закрыт, день в отделении неприятный, так что она прохаживалась туда и обратно по пустому коридору, от нечего делать разглядывая плакаты на стенах и читая призывы и лозунги: «Даешь

гигиену!», «Здоровье женщины – наша цель!», «Своевременное лечение – залог нашего будущего!», «Граждане, закаляйте детей!» и прочее.

– А вы, барышня, стало быть, и есть та самая Марина... – услышала она надтреснутый голос.

Рядом с ней стоял пожилой мужчина в белом халате, с седой головой и колючими пронзительными глазами-бусинками. У него была удивительная выправка, наверное, военная.

– Ну, смотря какую вы имеете в виду, – осторожно откликнулась Марина.

– Ту самую. Которая нашего Николая Ефимовича заколдовала. Сердце у него теперь только из-за вас и бьется, – покачал головой мужчина. – Можете уж мне поверить, кардиологу-то...

Марина опустила глаза, не зная, что сказать. Отрицать это она не смогла бы, а подтвердить было бы слишком нескромно. Рука мужчины проворно коснулась ее шеи, там, где под кожей быстро вибрировала артерия, дрожа, как и все ее тело, от одного только упоминания о Коле.

– Вот, – назидательно кивнул он. – Это я и хотел услышать. Хорошо, что вы встретились.

И ушел.

Позже Марина узнала, что это был главврач больницы, Фельдман, «старый и мудрый наш ворон», как его метко назвал Коля. И предложил пригласить на свадьбу. Марина радостно закивала.

Платье уже было готово. Но Валевская решила его не показывать Марине до назначенного дня и примерку не проводить, полностью уверенная в своем мастерстве и метком глазе.

Тем временем Марина окончила институт, отлично выдержав выпускные испытания, и Валевская приняла ее в Дом моделей на полную ставку. До свадьбы Марина договорилась пожить в общежитии, потом же она должна была переехать к мужу. «Муж», незнакомый набор звуков. Он никак не вязался с образом Коли. Да и она не годилась в жены. Такие непривычные, приземленные слова! Для Марины свадьба была не способом стать какой-то там «женой», а просто поводом быть еще ближе к Коле, неразлучной с ним, неразрывной во всех смыслах. Жить рядом с ним, дышать вместе с ним, просыпаться рядом. О другом она и не мечтала.

Оброненные когда-то слова Валевской о стакане воды волновали Марину все больше и больше. Она никогда близко не общалась с парнями. Многие заглядывались на нее, но она никого не выделяла из их пестрой толпы. Она, конечно, слышала все шуточки подруг, их намеки,

многозначительные смешки, их вздохи по жителям соседнего, мужского, общежития... Но сама толком даже не представляла себе, что и как происходит между мужчиной и женщиной наедине. Ну, то есть теоретически знала, но даже в мыслях не могла себе нарисовать, как это будет... Спросить у соседок ей было неприятно, а у Валевской – неловко.

Коля водил Марину на танцы в парк культуры, ловко отплясывал с ней фокстрот, когда она словно убегала, а он догонял, а потом менялся с ней местами, и так без конца. Танец действительно был похож на лисьи шаги, правильно его все-таки назвали, с удивлением замечала Марина. В вальсе они отдыхали. В танго дурачились. Марина любила танцевать, а Коля был хорошим партнером. И она ему доверяла. Иногда раньше, когда она с девочками ходила на танцы, ее приглашали тоже. Но в танце она чувствовала малейшую неловкость, ошибку, заминку, и из удовольствия это превращалось в испытание. Она не слушалась партнера, строптивая, норовила сделать движение в сторону, подальше, словно подспудно желая освободиться от держащих ее чужих рук. С Колей было не так. Она плавилась, таяла, покорно шла следом, чутко предчувствуя каждый его шаг, каждый наклон, поворот. Они двигались, будто один был тенью другого, согласно, бездумно, без малейшего усилия или напряжения. И могли танцевать часами, растворяясь в музыке и друг друге, так что сами уже не могли разобрать, где кончался он и начиналась она.

Незаметно подошел и тут же промчался знойный июль, и наступило двадцать четвертое. Они расписались. На Коле изумительно сидели белый пиджак и темно-синие брюки, в которых он стал немножечко похож на моряка. У Марины дыхание сбивалось от каждого взгляда на него, все ее мысли бродили вокруг него, как на поводке. А Коля смотрел на нее, такую милую, загадочную, в струях белоснежного атласа и шифона, причудливо обвивавших ее хрупкую фигурку, с облаком невесомой фаты вокруг головы. Она казалась нездешним существом, феей, по причуде судьбы оказавшейся в толпе людей, но даже и тут не затерявшейся.

Режина Валевская про себя улыбалась. Ее беспокойное сердце наконец утихомирилось при виде этой парочки. Марина, ее любимица, умница Мари будет с ним счастлива. Потому что они друг друга так любят, что остальным даже совестно вокруг, вон все губы втихаря кусают от неловкости. А людям всегда рядом с большой любовью становится неловко, Режина давно это заметила. Она видела за свою жизнь не один десяток новобрачных, но такого припомнить не могла: Николай и Марина даже двигались похоже. Щурились, хмурились, кивали, смеялись.

Праздновали в предоставленном Фельдманом для этого зале собраний при больнице – парторг не возражал. И даже в разных концах зала они были зеркальными отражениями друг друга. Кроме того, конечно, Режине нравилось, что, отчасти благодаря ей, с них сегодня не сводят глаз: наряды тоже стоили того. Особенно эта мудреная драпировка на груди у Мари. Что ж, роль волшебницы-крестной она исполнила.

Дама удовлетворенно вздохнула и двинулась к выходу по-английски, не прощаясь ни с кем. А что в самом деле ей еще тут делать? Ее дорогая Мари занята только своим возлюбленным, остальные гости ей не знакомы. Сейчас начнутся благодарности руководству всех мастей, тосты за здоровье. Напутствия молодым жить честно, любить Родину, партию, чтить заветы Ильича, растить новых тружеников... Наверняка тот парень спортивного телосложения (Никита, кажется?), спутник Марининой соседки Светы, будет от этих речей чуть самодовольно улыбаться... Режинины губы стали ниточкой. Этих – она за версту учует, даже если они не в черных кожаных куртках и без маузера. Достаточно и того, что от каждого взгляда этого, с позволения сказать, «физкультурника», ее подирает мороз от самой макушки до копчика. Знаем мы таких – от них лучше подальше.

И Валевская удалилась.

Утром Марина проснулась с его именем на губах. И улыбнулась, даже не открыв глаза. В тепле узкой кровати она чувствовала Колино тело, вытянувшееся рядом с ней. Даже во сне Николай властно прижимал Марину к себе.

Все было чуточку нереальным, в размытых блуждающих кругах света. Марина, боясь разбудить Колю, старалась не шевелиться и с трепетом вспоминала вчерашний день. Мелькали лица гостей: Режина со своим прищуром, пронизательные добрые глаза Фельдмана, ласковая улыбка Анны Васильевны, радостная Оля, многозначительная Светка под руку со своим Никитой, глядящим одновременно весело и колко. Институтские друзья Николая – весельчак Андрей и молчун Сева.

Жалко только, что мама Коли так и не смогла приехать. Коля телеграфировал ей первый раз месяц назад, она ответила, что очень рада и обязательно будет. Варвара Ильинична была единственной, кто остался из их семьи там, в Куйбышеве. Да и вообще, их из целой семьи было теперь только двое: отец и старшие Колины братья погибли еще в Гражданскую. Но почему-то к свадьбе оказалось, что ее не отпускают с завода, их звено идет на перевыполнение плана и она, как ценный сотрудник, крайне для всех важна. Она отправила небольшой сверточек со знакомым, но Коля

передал Марине из этой посылочки только открытку с поздравлениями.

В небольшой коммунальной квартире все еще было тихо. По словам Коли, единственные соседи, занимавшие две комнаты из трех, уехали отдыхать в Феодосию, и вся квартира еще на две недели оставалась в их с Мариной полном распоряжении. Это было так удивительно! За всю жизнь (сперва в приюте, потом в общежитии) Марина не привыкла располагать такой большой жилплощадью одна. Но вчера ночью это было как нельзя кстати. Она не могла представить, как бы все было, если бы за стенкой кто-нибудь говорил, шуршал газетой, пил чай...

Ее мысли заплескались вокруг ночных переживаний.

Как Коля помогал ей вытаскивать заколки и гребни из коротких спутанных волос, как вынимал ее из мудреного Режининогo белоснежного шедевра...

Как она дрожала от волнения в своей мадаполамовой комбинации, окруженная темнотой и Колиным дыханием...

Как бурлила стыдливость, и как ей хотелось раствориться, спрятаться и одновременно быть с Колей еще ближе, а как именно – она не понимала...

И их руки сплетались, вздохи смешивались...

Как ей в голову пришла бредовая мысль: «Чего же я боюсь? Ведь Коля врач. Значит, наверное, знает, как надо что делать...»

И как горячечно шептала что-то, быстро-быстро, едва слышным речитативом, а потом, в тот миг, когда они стали единым целым, вдруг замолчала и почувствовала, как в глазах вскипели слезы. И он, после, вытирал их своими умелыми пальцами, а слезы все набегали и набегали, и он испугался, что сделал ей слишком больно или чем-то обидел.

Марина блаженно улыбнулась. Она чувствовала во всем теле такое умиротворение, такую небывалую силу, что, казалось, может оттолкнуться от кровати, замахать руками и взлететь. Пронестись надо всей красной Москвой и возвестить лучшему городу Земли, что счастливее ее нет никого – нет и быть не может.

Она открыла глаза. Первый взгляд ее, конечно же, принадлежал Николаю. А он тоже уже не спал и смотрел на нее серьезно и нежно.

– Ты улыбалась...

– Это потому что я про тебя думала, – Марина порывисто обняла его под одеялом, несколько не смущаясь больше, и с удивлением вспомнила тот стыд, что выжигал ее накануне.

Тут она увидела. Ее безымянный палец обвивало золотое гладкое колечко. Но она была твердо уверена – еще вчера не было никакого кольца,

и когда она засыпала ночью, тоже. Они не обменивались кольцами в загсе. Марина, как и многие другие, считала обручальные кольца пережитком прошлого... А сейчас ее вдруг до глубины поразил этот кусочек теплого металла. Стало хорошо – и чисто.

– Это мамино, – пояснил Коля и показал свою руку, на которой было такое же кольцо, только побольше, – а это папино. Мама прислала в том сверточке. Я надел его тебе, когда ты заснула...

Марина спрятала свою улыбку у него на груди. А Коля подумал, что теперь никогда не расстанется с этой маленькой феей, своей женой. И наверное, перед смертью последнее, что он увидит, будут ее глаза, такие, какими они были в эту таинственную и страстную их первую ночь.

...Марина никогда бы не подумала, что быть женой – это так просто. Как дышать. Может, все дело было в том, что она стала именно его женой.

Когда наступила осень, Марина специально начала заводить будильник на десять минут раньше, чтобы не вскакивать сразу в сумрак выстуженной комнаты, а немножко понежиться под одеялом, прильнув к Коле. Потом они быстро вставали и одевались. Марина, мимоходом здороваясь с неразговорчивыми ото сна соседями, семейной парой с двумя мальчишками-школьниками, разогревала на примусе чай и кашу. Они вдвоем, посмеиваясь чему-то, одним им известному, проглатывали еду и бежали на работу. Газет за завтраком Коля не читал.

К остановке через бульвар шли, не разнимая рук. Почти не разговаривали, им было приятно просто молчать вместе. В дождь Коля раскрывал над нею свой большой зонт, под ногами хлюпала размокшая рыжая листва.

Марина шла неровно, отдергивая ногу, если видела перед собой дождевого червя – а ими была усеяна сплошь вся тропинка.

– Ты же говорила, Режина не любит опозданий, – подколот ее как-то Коля, следя, как она осторожно откидывает в траву очередного извивающегося червяка.

– Жалко же. Вон их сколько раздавили... Нужны ли такие жертвы? – забавно наморщился ее лоб.

– Это всего лишь дождевики.

– Да? А если бы люди?

Она заскочила на бордюр и грациозно помчалась вперед, балансируя под колючим дождем, как гимнастка на проволоке под куполом цирка.

Вечером они встречались по дороге домой или снова заходили друг к другу на работу. Сидели в кино, под стрекот киноаппарата в пятый раз

переживая за Чапая. Марина вцеплялась в Колин локоть, ища поддержки, а потом, когда Чапаев все-таки не доплывал, украдкой вытирала глаза платочком, а Коля посмеивался. Или ходили за керосином, хлебом, молоком – всегда вместе.

Однажды Марина услышала часть разговора двух соседок. Речь шла о них, Кареловых. Ася из 47-й квартиры удивлялась, как это Коле не наскучит всюду ходить с Мариной. А Тоня из 50-й ответила, что это просто по первости, мол, скоро выпустят пар и станут, как все.

Перед сном Марина читала библиотечные книжки, вышивала покрывало на кровать, чинила одежду, Коля заполнял карточки больных или переписывал ноты. Теперь каждый раз, видя пять полосок нотного стана, он вспоминал, как подарил Марине ее серенаду, ту самую, что родилась в ночь после их знакомства. Он играл для нее в красном уголке, после операции, уставший, пропахший сладковатым наркотным эфиром. У нее дрожали ресницы.

В декабре ударили морозы. Пруды в Сокольниках покрылись льдом, и Марина с Колей катались на коньках, хохоча и неуклюже шатаясь на узких, привязанных к сапогам лезвиях. Целовались на морозе у той же черемухи, мимо которой плавали на лодке в мае. Она снова стояла в снегу, теперь уже настоящим. У Марины лопнула от холода нижняя губа, и всю дорогу домой она то и дело слизывала капельки крови, выступавшие ровно посередине, доводя Колю этим невинным движением до белого каления.

Перед Новым годом Коля стал возвращаться из больницы с гостинцами: больные шли к доктору не с пустыми руками и настаивали, когда он пытался отнекиваться. «Ведь Новый год!» – не понимали они Колиной щепетильности. Так Коля принес своей сладкоежке Марине пастилу и целую консервную банку какао-шоколада, который она отрезала себе ножом по кусочку в день – чтобы на дольше хватило. Большой кусок отнесла Валевской, но та сморщила носик, сказала, что следит за фигурой, и отдала весь кусок швеям в пошивочную.

В обеденный перерыв Марина бегала то в гастроном, пытаясь уцепить что-нибудь вкусненькое, то в универмаг за подарками. Тридцатого числа они вдвоем с Колей приволокли небольшую, но пушистую елку, поставили в табуретку. Коля приобрел коробку новеньких елочных игрушек: мерцающие шары, фигурки пионеров и парашютистов, несколько хлопушек и пятиконечных звезд. Перед сном Марина долго смотрела на елку и гадала, что принесет им новый год.

Назавтра Коля пришел домой в обед. Марина суежилась, готовя

праздничный стол, хотя особо и не нужно было: свой первый Новый год они решили встретить вдвоем. Как только он переступил порог комнаты, ее сердце оборвалось. Что-то случилось.

Она обвила руками его шею, он прижался всем телом, словно хотел отпечататься в нее, как оттиск. Но сразу, с порога, ничего не сказал, значит, вести не самые тяжелые, никто не умер, вздохнула Марина неслышно.

– Я сегодня снова в универмаг забегала, – пробормотала она, чтобы дать ему время собраться с мыслями. – Представь, календарей на тридцать седьмой совсем не осталось, все разобрали... Зато смотри, какая прелесть!

Марина стала быстро разворачивать коричневую бумагу. Вытащила и протянула ему елочный шар: алый, с портретом Сталина на круглом блестящем боку.

– Фельдмана арестовали, – сказал Николай.

Шар выскользнул, ударился о коврик, брызнул осколками.

– Как арестовали? За что? Почему? – не смогла понять Марина. Опустилась на стул и так и замерла.

Коля медленно снял верхнюю одежду, стал переодеваться. Подошел к двери, накиннул крючок. Голос его был глух и тих.

– Говорят, был вредителем, подрывал основы социалистического строя, неправильно лечил членов партии и покушался на их жизнь. Обычная ерунда!

Марина испугалась.

– Коленька, ты что такое говоришь? Что значит «обычная»? Они ж, наверное, не просто так его арестовали. Может быть, было...

– Да не было, – оборвал ее Коля. – Не было, Мариш, понимаешь?!

– Ну тебе-то откуда знать? Им виднее. А если не было ничего такого, то разберутся, выпустят. Коля, голубчик, ну ты что! – Марина вдруг с всхлипом бросилась к мужу.

– Какая ты еще маленькая у меня.

В его голосе было столько горечи, что Марина даже не обиделась. Николай отстранил ее, прошел к углу, где на тумбочке высилась стопка из выпусков «Правды». Взял, перенес и поставил перед женой.

– Тут в каждом номере троцкисты, заговоры, шпионы, вредители. Враги народа. Ты веришь, что у нашего народа столько врагов? А если все враги, то где народ-то?

Марина испуганно смотрела на мужа и тряслась. Коля взглянул на нее горько, потер переносицу, мотнул головой.

– Прости, – сказал он. – Прости меня, Мариш, у меня все в голове мешается. Не волнуйся. Я сейчас приберу.

Пока она сидела в оцепенении, Николай принес совок, веник, сгреб осколки алого шара. У Марины эхом звенели в пустой голове слова мужа.

Полночь встретили тихо. За стенкой бубнил радиоприемник. Разговор как-то не клеился, Марина чувствовала, что Коле не по себе, и с облегчением думала, как умно они поступили, не позвав гостей. С чужими сейчас было бы совсем нехорошо. Только соседей пришлось поздравить, но с этим Марина справилась сама.

Наутро Коля ушел в больницу, оставив Марину дома: Валеvская дала ей выходной. Как только его шаги стихли на лестнице, Марина с кухни бросилась в комнату, заперлась и принялась пересматривать «Правду» за последний месяц. Она казалась себе преступницей, предательницей, знала, что делает неправильную вещь, но глаза все равно обшаривали страницу за страницей. Она с ужасом понимала, что страшным словам Коли находятя подтверждения. Но ведь это ничего не значит! Они и раньше всегда знали, что враги молодого государства не истреблены до конца, что они скрываются под масками, таятся по углам, как мыши. И то, что их наконец разоблачают, – это же счастье!

Но тут же ей вспоминался старик Фельдман. Его пальцы, прижатые к ее шее, его шуточные наставления на свадьбе, его понимающие глаза. Неужели он и есть враг? Марина не знала, что думать, и к возвращению Коли почувствовала себя совсем больной.

Проболела она целую неделю. Коля отпаивал ее чаем с медом, какой-то горькой микстурой, ставил горчичники. К страшному разговору они больше не возвращались.

В мартовскую оттепель, когда все вокруг журчало и звенело, Марина шла в приподнятом настроении по двору больницы. С приходом весны, с неспешным течением счастливой своей жизни с Колей она все реже вспоминала о том, как грустно они встретили Новый год. Марине, с ее жизнелюбием, неиссякаемым оптимизмом, вообще удавалось быстро забывать все неприятное и жить дальше.

Главврачом теперь назначили бывшего заведующим хирургии, и Колю повысили на его место. Марина им гордилась и про себя все удивлялась, как этого не сделали раньше – ведь всем же понятно, что хирурга лучше, чем ее Коля, нет на всем белом свете. Сколько жизней он спас, сколько удачных операций провел! Правильно, что он не выбрал музыку делом своей жизни. Хотя... Она вспоминала посвященную ей серенаду и уже не была так уверена в правильности Колиного выбора.

До самого входа в больницу она шла, про себя напевая эту чудесную

мелодию, шурилась от совсем уже весеннего солнца и думала, что вот еще немного, и наступит «время большой воды», когда ночью трудно уснуть от шума в водостоках и волнительных мыслей. А потом на смену придет «время зеленой дымки» – всего три-четыре дня, за которые деревья окутает нежным салатовым туманом, тонким, еще прозрачным...

У Коли заканчивался прием, и он попросил Марину подождать, как обычно, в лаборантской. Анну Васильевну он уже отпустил и планировал скоро закончить и сам.

Марина оглядывала ставшую уже привычной обстановку лаборантской, шкафы с лекарствами, раковину, марлевые занавески, эмалированные лотки с устрашающими и непонятными инструментами. Открыла рассохшуюся раму окна, долго дергая за шпингалет. Вдохнула свежий дух новой весны, холодящий небо, и погрузилась в мечтания.

Очнулась она, когда замерзло плечо. Прикрыла окно – в лаборантской стало тихо, и из-за стенки донеслись голоса, слова вполне можно было разобрать. Маринин слух ухватил знакомую интонацию, и она нахмурилась.

Знакомым был не мужской голос, этот-то она узнала бы из миллиона. Однако и женский, с необычными для него истеричными нотками, был так же привычен.

– Коля, выслушайте меня, – молила женщина.

– Даже не буду. Вы с ума сошли! Это же убийство.

– Ну нет, не убийство. Родить его – вот убийство. Мое! Всю жизнь себе загублю. Помогите! Прошу вас, умоляю, Коля...

– Встаньте вы с колен, ну что ж вы делаете-то! – В голосе Коли слышались досада и тревога. – Света, не унижайтесь, ради бога.

Света? Ну конечно же, это Светка Иващенко, ее бывшая соседка по общежитию, ее подруга по институту! После свадьбы они сильно отдалились, но... Марина рванулась к двери в кабинет и тут же замерла. Предмет беседы и спора она пока не вполне уяснила, но что-то ей подсказывало, что Свете на глаза лучше не показываться. И уж тем более нельзя дать ей понять, что она слышала этот разговор.

– Ну хорошо, – проговорил Коля.

– Хорошо? – В голосе Светы засквозила надежда. – Поможете, правда? Коля, я...

– Да послушайте же вы! Помочь вам я не могу. Ну, по крайней мере так, как вы просите... Если вы не верите, что я против такого рода операций по моральным соображениям... – Он вздохнул, и Марина даже через стенку увидела, как он поморщился, словно от большого зуба. – Аборт

с прошлого года – дело, между прочим, подсудное. Не только делать его – даже советовать его сделать нельзя, понимаете вы это? Кто вообще вас надоумил? Явно же не сами...

– Никита. – Голос Светы съезжился до шепота.

– Понятно. Никиту вашего запросто посадить могут – за один только совет этот. Если кто узнает... Ясно вам?

Из кабинета донеслись всхлипы.

– И что же мне теперь делать?

– Да вам и выбирать особо не из чего... Ну не плачьте, пожалуйста, вам теперь переживать вредно. Вот, возьмите.

Это он ей воды налил, догадалась Марина, словно все еще видела сквозь стену.

– Рожайте вашего ребеночка. Наша страна поможет, у нас в почете теперь материнство. Институт потом закончите, или как-то совмещать будете... А мы с Мариной вам помогать будем посильно. Выкрутимся, не переживайте только! И еще. Больше с такой просьбой ни к кому обращаться не смейте. Только хуже сделаете. Поверьте, в наше время от рождения ребенка проблем куда меньше, чем от аборта.

Марина слышала, как хлопнула дверь кабинета, как по коридору удалялись быстрые шаги. Через минуту она увидела, как Света пересекла больничный двор, ссутулившаяся, торопливая, в пальто с меховым воротником, в котором Марина даже с такого расстояния распознала крашеного суслика.

Все это время из кабинета доносились только неясные шорохи. Коля ходил из угла в угол, стараясь успокоиться. Наконец прошел в лаборантскую.

Даже спрашивать не надо было, Маринины выразительные глаза всегда выдавали ее с головой. Но он все-таки спросил.

– Все слышала?

Марина кивнула.

– Этот ее Никита – мерзавец и подлец, – добавила она отчаянно. – Его нужно как-то наказать!

– Любимая моя! – Коля быстро пересек комнату и обнял, прижал по-особенному, так он делал, когда хотел ее от чего-то заслонить, защитить. – В таких вопросах обычно двое виноваты... Впрочем, знаешь, это совсем не наше с тобой дело. Я обещал помощь, и мы поможем. А судить – не нам. Пойдем домой.

Она кивнула и попыталась вынырнуть из его объятий. Но он еще несколько минут не мог заставить себя выпустить ее худенькие плечи.

Этой весной Коля стал еще более внимательным к ней, еще более чутким. Долгими вечерами это он оборачивал ее в тонкую пуховую шаль, когда Марина засиживалась у открытого окна, слушая шум «большой воды». Он находил в ее милых чертах малейшие признаки усталости, плохого самочувствия, тревоги – и прогонял их, как мог, шутками или поцелуями.

В апреле съездили на Волгу, погостить у Колиной мамы, Варвары Ильиничны. Свекровь наконец познакомилась с невесткой и, кажется, осталась довольна. По крайней мере, тем, как сын с Мариной общаются, смотрела одобрительно. Варвара Ильинична и Марина даже спели несколько романсов дуэтом, и кумушки-соседки сошлись на том, что молодое поколение подросло достойное и дело их продолжит с честью.

В мае Коля и Марина снова ходили на танцы, почти каждое воскресенье, отмечая конец рабочей шестидневки весельем, в котором становились немножко сумасшедшими. Иногда танцевали и во дворе, с остальной молодежью. Кто-то выставлял на окно первого этажа патефон, остальные несли пластинки особенно модных Дунаевского и Утесова. Веселье обычно продолжалось до тех пор, пока не начинал ворчать управдом, или квартуполномоченная Федосюк не стаскивала патефон с подоконника с таким непримиримым видом, что озорные девушки не могли сдерживать насмешливого фыркания, а юноши – нарочито разочарованного стона.

В июле, в годовщину свадьбы, они прогуляли весь вечер по городу и сфотографировались на память. Марина попросила сделать две фотографии, большую, чтобы повесить на стену, и маленькую, чтобы всегда носить с собой.

– Зачем она тебе? – удивился Николай. – Я ж всегда у тебя перед глазами.

– Все равно. Пусть будет! – тряхнула растрепанной головкой Марина.

По утрам Коля чистил свои парусиновые штиблеты и ее светлые, на перепонке и с пуговкой, прюнелевые туфельки зубным порошком. Марина смотрела на это с улыбкой и качала головой: надежды Тони из 50-й квартиры не оправдались. Они, Кареловы, никогда не станут «как все», никогда не выпустят свой пар, потому что их любовь не проходит и не утихает и всегда будет такой же, как в то двадцатое мая, когда только вспыхнула с первого взгляда.

Коле нравились фильмы про Максима, и они бегали на них несколько раз. Марина веселилась, когда песня про шар голубой заедала в голове ее

мужа, как испорченная пластинка. Он мог весь день бубнить: «Крутится, вертится шар голубой, крутится, вертится над головой».

Коля уже и сам маялся этой песней, а все не мог выбросить из головы, и порой даже не замечал, как начинал напевать под нос. Марина радостно хохотала, Коля морщил брови и начинал кружить ее по комнате. Резкий запах одеколона смешивался с ее, жасминовым, и Коля и Марина падали на кровать, ошеломленные и разгоряченные.

Марина знала: ей никогда не надоест, не наскучит его жар, его сила, его страстность. Она никогда не сможет к этому привыкнуть. Каждый раз все было как впервые, только еще лучше. И у нее кружилась голова, когда она представляла: сколько бы лет ни прошло, они всегда будут так же молоды и так же влюблены друг в друга до беспамятства.

Снова наступила осень, сухая, звонкая, с прозрачным воздухом и высоким, улетающим вверх небом. На клумбах пышно догорали бархатцы и настурция, и цвет у них был такой же оранжевый, как и у деревьев вокруг. Пламенели клены. Марина по дороге на работу сорвала кисть рябины, ела и с наслаждением кривилась от горького, но такого живого вкуса.

В Доме моделей было как-то непривычно тихо. Секретарша Режины сказала, что начальница еще не пришла. Марина покосилась на дверь, потом на часы.

Валевская никогда не опаздывает.

Марина занялась работой. Проверила, на какой стадии выполнения находится пошив у швеи Анечки, разложила в аккуратные стопки журналы мод и села разбирать Режиныны эскизы и тут же набрасывать свои.

Валевская упрямо игнорировала последнее веяние – упор на спортивный, неброский и утилитарный стиль. Она часто говорила Марине, что он ущербен. И пусть простые смертные одеваются как хотят, хоть в тренировочные трико, но ее «непростые» клиентки ни за что не променяют свою утонченность на какую-то физкультурность. И, как всегда, была права. Хотя они и предлагали клиенткам приличия ради модели коротких жакетов, приталенных пиджаков мужского кроя и юбок в складочку, те все равно выбирали струящийся или зауженный силуэт, завышенные талии, меховые горжетки, шелк и атлас вместо ситца, а креп-жоржет, маркизет и батист вместо сатина.

Но именно своим, личным призванием Марина последний год считала белье. Валевская только кивала с тайным удовлетворением, когда та показывала ей новую модель нижней сорочки, комбинации или бюстгалтера. В первый раз усмехнулась:

– Да, моя дорогая, супружеские обязанности пошли тебе на пользу.

Марина жутко покраснела, а Валевская щелкнула пальцами:

– Нечего смущаться. Хоть кто-то еще понимает, что неглиже – это не будущая половая тряпка.

Так и повелось. Валевская, раньше только качавшая головой на вопрос клиенток о пошиве белья, теперь с гордой улыбкой представляла им свою Мари. И передавала их в ее ловкие ручки.

Через два часа после Маринино появления пришла первая клиентка, за ней вторая, третья. Марина, бывшая в курсе всех Режининых дел, без труда находила нужные мерки, выкройки, эскизы и почти готовые наряды на примерку. Но с каждой минутой ее все больше терзал вопрос: где Валевская?

В пять она отпустила секретаршу и осталась одна. Не считая тех, кто выходил через черный ход: закройщиц и швей в пошивочной.

Она не сразу узнала походку Валевской. Обычно та стучит каблуками, уверенно, напористо. Сегодня она шла неровно. Зашла в кабинет, бросила на спинку стула пальто, шляпку и шарф. Не открыв окно и не вставив папиросу в мундштук, стала чиркать спичкой дрожащими пальцами.

– Что, Режина Витольдовна? – Фарфоровая бледность легла не только на щеки Марины, но, кажется, на ее сердце.

Жадно затягиваясь, Режина подошла к столу, вытащила лист бумаги, перо и положила их перед Мариной.

– Сядь. Пиши.

Марина беспрекословно исполнила приказание. Застыла, глядя выжидающе и беспокояно.

– «Я, Марина Ивановна Карелова, прошу освободить меня от занимаемой должности закройщицы в Доме моделей номер 6 города Москвы». Дату поставь и подпись.

Марина отбросила перо, словно пчела ужалила. На глаза моментально навернулись слезы.

– Режина Витольдовна, за что? Я же ничего не сделала... Режина Витольдовна, милая...

– Ради бога, Марина! – чуть не в первый раз назвала ее по имени Валевская. – Только вот слез сейчас не надо. Мне уж в пору реветь, и то молчу. Вызывали меня.

– К-куда? – запнулась Марина.

– Куда надо. На Лубянку. Допрашивали.

Режина закурила еще одну папиросу, закашлялась, раздраженно открыла окно, выпустила дым и тут же воровато захлопнула раму обратно. Круто развернулась и наткнулась на обескураженный, недоуменный и

испуганный Маришин взгляд.

– О господи, Мари, ты что, совсем не понимаешь, что творится вокруг? Газет не читаешь, шепот вокруг не слушаешь? Нас же истребляют, – зашипела Валеvская тихо и яростно. Откуда-то взялся не заметный раньше польский акцент.

– Так это враги... – всхлипнула Марина.

– Бестолочь ты! Им всюду враги мерещатся. А вы все, такие же наивные и оптимистичные, сами на эшафот идете и даже головы не поднимаете. Стадо, бессловесные вы скотины. И я иду тоже, что уж тут... – усмехнулась Режина. – Враги... Тухачевский у нас вот в один день из героя в предателя обернулся, поди ж ты посмотри, чудо какое! А семья его, что, тоже? Нина? Она ведь тоже уже месяц как в тюрьме. Передачи ношу...

Марина ахнула.

Сама она Нину Евгеньевну, жену легендарного маршала, видела только раз, когда та приходила к Валеvской заказывать платье для званого вечера у Ворошилова. Невысокая, с волнами каштановых волос и тонкими ключицами, в бирюзовом шифоновом наряде она казалась красавицей, диковинной нездешней птичкой. Кажется, они с Режиной знали друг друга давно и были чуть не подругами. И теперь она в тюрьме? Как же так?

– Как же так? Ее ведь, наверное, в заговор не посвящали... – все не могла взять в толк Марина.

– Очнись. Нет никакого заговора и не было! Но только это уже ничего не меняет. Поэтому пиши заявление, собирай вещи и уходи. И никогда больше не возвращайся.

– Но почему именно я, Режина Витольдовна?!

Валеvская вдруг стала как-то меньше, ниже ростом. Глаза у нее ввалились. Она подошла и обняла свою Мари, крепко, остервенело.

– Потому что ты у меня единственная. Если я и хочу кого-то спасти, то только тебя. Себя бы хотела, конечно, да уже не получается. За мной придут, Мари, может быть, сегодня ночью, может, завтра. Не простят – ни как я себя вела сегодня там, ни дружбу с Ниной, ни происхождение мое горемычное. А у тебя вся жизнь впереди. Устроишься в «Мосбелье», выплывешь как-нибудь... Вся жизнь еще впереди, да.

– Нет, я от вас не отрекусь! – взвилась Марина.

– И у тебя Коля... – тихо добавила Валеvская. Марина первый раз в жизни видела ее плачущей, и тоже заплакала. Режина вновь обняла ее, вытирая свои и ее слезы вперемешку, и усадила обратно за стол: – Пиши, доченька, пиши.

После ареста Режины Марина, несмотря на ее запрет, попыталась добиться правды. Коля, не желавший оставлять ее одну и не смевший ничего ей запретить, сопровождал ее в очереди, переминавшейся во дворах Лубянки, сменял, когда позволяло время, отправлял спать домой. Очередь раздавленных людей, тысячерукая, тысячеглазая, похожая на древнюю мифическую гидру, стояла во дворе тюрьмы день и ночь. Иногда ее разгоняли, но она, раздробленная на кусочки – как гидра же, снова восстанавливала свою цельность. Недалеко – совсем рукой подать! – беспечные, счастливые советские люди праздновали день рождения Революции. Она в этот год была юбиляршей.

Марина попыталась узнать, в чем обвиняют Валеvскую, где ее содержат, можно ли передать вещи или деньги.

– Вы ей кто?

– Я... знакомая...

– Не положено, следующий!

Вот и все. Сколько раз потом корила себя Марина, что не сказала «дочь».

– Ты бы все равно ничего не изменила. Думаешь, они там не знают, кто кому кем приходится? И есть ли у Режины Витольдовны дочь? – качал головой Коля. Но втайне от Марины все равно сходил в страшное место еще раз, прорвался, назвался сыном Валеvской. Ему ответили, что она выслана. Куда – не сказали.

Пространство все сжималось, пахло безумием – у него оказался свой, какой-то особенный металлический запах. Одной ночью воронок увез мужа Тони из 50-й квартиры, другой – мужа и отца квартуполномоченной Федосюк. Коля не стал говорить Марине, что арестовали и кое-кого из их больницы. Не хотел тревожить.

Ночами он прижимал к себе жену иначе, более ревниво, с отчаянием. Она отвечала на ласки с еще большей готовностью. Засыпали они, накрепко обнявшись, неделимые.

Несколько раз навещали Светку с маленьким Ванечкой. Становилось страшно от одной мысли, что эту маленькую, легкую жизнь могли оборвать еще до рождения, втайне, как обрывали не одну до этого. Марина смотрела в детские доверчивые глаза, трогала крохотные пальчики и мечтала, что родит такого же Коле. Нет, не такого же, в сотни раз прекраснее! Он будет самым красивым и самым счастливым мальчиком на планете!

Коля в ответ на эту мысль, промелькнувшую в ее глазах, кивнул: «Конечно, будет, любимая».

В «Мосбелье» Марину приняли. Правда, она скоро поняла, что ее

эскизы, идеи и новшества никому тут не нужны. Она просто раскраивала куски мадаполама, бязи, сатина и ситца по одинаковым лекалам: утвержденных моделей женских комбинаций было всего восемь. Впрочем, и творить ей больше не хотелось. Всем своим мастерством Марина считала себя обязанной Режине. А Режины больше не было.

Одной особенно темной ночью, когда лужи на улице схватывались хрустким льдом, Коля и Марина не спали, лежа в коконе тонкого одеяла.

– Ты знаешь, Мариш. Я никогда тебе не говорил этого вслух. Ты и сама всегда знала... Что я люблю тебя больше своей жизни. Больше солнца и мамы. Ты – единственная моя. Жизнь моя. Когда я тебя увидел, я сразу это понял, как током дернуло. Если вдруг что...

Марина затрясла головой, стала мелко целовать:

– Тихо, замолчи. Не говори, пожалуйста, Коля!

– Если вдруг что, Мариш... Ты только не унижайся ни перед кем, прошу тебя. Моя любимая никогда не должна унижаться.

За ним пришли около трех ночи, в середине декабря, в самый глухой час. Их было двое, неприятных мужчин в штатском. В одном из них чета Кареловых узнала Никиту, бравого Светиноного «физкультурника».

Марина не верила в происходящее. Она то кидалась к Никите, умоляла вспомнить, кто они, умоляла оставить их, уйти. То пыталась повиснуть на шее у Коли, и ее приходилось отдиравать от него насильно. То собирала вещи в чемодан и все никак не могла понять от ужаса, что же туда класть. Слез не было, глаза сухо жгло.

«Какие у нее огромные глаза... Смотрит не мигая. Наверное, глазам уже больно. Моргни, солнышко, станет легче... Нет, не моргает. Это от страха», – вздыхал Коля с любовью. О происходящем он как-то не думал – будет еще время подумать. Главное в эти последние минуты – наглядеться на нее, свое сокровище, самый дорогой подарок, преподнесенный ему жизнью. Жаль только, что она так испугана. Его Мариночка не должна ничего бояться. И ее никто не должен обижать. Даже эти сволочи.

Коля посмотрел в холодные Никитины глаза. В них не было ни капли переживания, скорее скука.

– У твоего сына твой цвет глаз, твой нос. Ты подлец.

Никита коротко ткнул Коле в зубы кулаком. Что-то хрустнуло, Марина закричала.

– Тише, гражданка. Не будите честных людей, – упрекнул второй чекист. Марина бросилась ему в ноги:

– Забирайте и меня тоже. Я с ним!

– Тебя позже, – буркнул Никита.

И тут Коля обезумел.

– Сволочи! Гады! Оставьте ее в покое, она ни в чем не виновата! Не трожь ее своими лапами, урод! Мерзость! Не трогайте ее! Она не виновата!

Началась неразбериха, Марина все же кинулась к Коле, чекисты отшвырнули ее к шкафу, грубо скрутили Колю и поволокли. Никита бросил через плечо:

– А елочный шар с Иосифом Виссарионовичем кто в помойку сунул, а?

Всю ночь Марину лихорадило. Болели то почки, то селезенка, резко, схватками, как от ударов. Сердце больно стучало в грудную клетку. Иногда звенело в голове, будто сапогом пинали.

И тогда Марина начинала глухо, по-собачьи выть.

Варвара Ильинична приехала по телеграмме, через два дня. Все это время Марина не спала, круглосуточно стояла во дворе тюрьмы, стараясь узнать хоть какую-то весть о Коле. После приезда свекрови они стояли уже вдвоем, посменно.

А еще через неделю Марина упала. Посреди комнаты, их с Колей комнаты, как подстреленная.

Она перестала слышать биение его сердца.

Варвара Ильинична нашла ее через несколько часов. Черные Маринины взлохмаченные волосы будто кто-то мукой посыпал.

– Марина, Мариночка! Я узнала. Мне сказали, что Коленьку уже судили и выслали. Дали десять лет без права переписки. Но это же всего десять лет. Немного. Мы же его подождем, – лепетала Варвара Ильинична.

Марине было все равно. Правду она уже знала.

Она умерла через два года после него, в АЛЖИРе^[5]. Она снова слышала свой разговор с Колей, когда они только познакомились. Тогда она сетовала, что слишком хрупкая и слабая, чтобы водить трактор или комбайн. Сейчас... Сейчас она была рада, что ее хилое тело так быстро сдается. Она устала. Тут всегда был ветер – то с песком, то со снегом. И некому было заслонить ее от этого проклятого ветра.

Часть третья

Она все еще не могла поверить, что это происходит.

Они сидели в просторной гостиной каменного особняка, на диване. Большие окна смотрели теперь в сад, а то, что у двери, – на аллею, по которой она сюда прибежала. Чуть заметно колыхалась занавеска. Ноги приятно ласкал длинный ворс кремового ковра. Пахло книгами, скрипучими половицами, высохшими чернилами и...

– Странно... На улице туман, а я чувствую, что пахнет, когда так, как будто солнце нагревает пол в старом деревенском доме. Такой теплый древесный аромат... Сухой...

– Знаю, – улыбнулся он. – Хочешь, чтобы было солнце?

Она не успела ответить. Косой солнечный луч упал в комнату через чистое стекло, начертил неровные четырехугольники света на полу. Пылинки, до этого невидимые, завихрились и заплясали, подсвеченные со всех сторон.

– Невероятно...

Она с восторгом уставилась на пылинки в солнечном луче. Потом забралась с ногами на диван, положила голову ему на колени, чтобы можно было одновременно разглядывать обстановку вокруг – и не терять из поля зрения его лица. Ни на секунточку.

Удивительно. Она не знала, где находится, и это ее нисколько не заботило... Главное, что он рядом.

– Мы Дома. – Его ответ прозвучал в ее мыслях. Она была уверена, что его губы даже не шевельнулись.

– И что это за дом? – так же мысленно откликнулась она.

– Наш Дом.

– Это рай? – поинтересовалась она с живейшим любопытством.

Он засмеялся:

– Ну, можешь считать и так. Конечно, рай, моя любимая. Тут только ты и я. И можно не бояться ничего.

– Я и не боюсь. Больше.

Теперь она знала: здесь устроено все так, как ей бы этого хотелось. О чем она всегда мечтала больше всего. И если бы ей сейчас вздумалось понюхать букетик ландышей...

– Держи, – он протянул ей белые цветы с таким сильным запахом, какой она себе представила. И с крохотными колокольчиками соцветий,

казавшимися так обманчиво крепкими.

«Как хорошо», – подумала она.

– Да... Все время, пока я тут, я думал только о том, как тебе тут понравится. И о том мгновении, когда ты распахнешь дверь.

– Ты знал, что я приду? – Она обрадовалась.

– Мне... сказали.

– Ты долго ждал?

– Не очень. – Он поморщился. – Ты же сама знаешь тот день, когда я... Мне было больно оставлять тебя одну, но они оказались сильнее.

– Молчи, даже думать не смей! Не вспоминай, – заволновалась она. – Этого не было. Есть только мы и сейчас, больше ничего. Они не были сильнее!

– Правда...

– И запомни. Нет никого сильнее нас, – продолжался поток ее торопливых мыслей. – И то, что мы с тобой снова вместе... Какие еще доказательства тебе нужны?

– А ты повзрослела.

– Что, седая? – Она подскочила. На стене перед ней тут же возникло красивое, в золоченой резной раме зеркало в рост. Ее волосы были черными и – длинными. Она с тайным удовольствием осматривала себя. Но даже в зеркале не выпускала из поля зрения его лицо. Он посмеивался.

– Такая логика... Ты даже здесь не перестаешь быть настоящей женщиной. Маленькая фея... Хотя и догадываешься, что все, что ты видишь вокруг, – просто иллюзия. Кроме меня.

– Иллюзия? – нахмурилась она.

В доказательство своих слов он указал на большой дубовый шкаф в углу – тот растворился в воздухе.

– Как и ландыши, – понятливо кивнула она. – Но ведь мы-то настоящие?

– Мы да. Ну, то, что мы собой представляем. Наши тела – это так, оболочка, чтобы нам с тобой было удобнее. Они-то как раз ничего не значат. Но что поделать, души привыкли жить в телах – нам так роднее... И Дом, он тоже настоящий. Это наша обитель, сюда мы будем возвращаться раз за разом.

– Нет, нет, нет! – Она в долю секунды оказалась рядом с ним, мелькнув молнией через пространство. – Что значит «возвращаться»? Ты куда-то уйдешь? Или я?

– Оба. Так уж устроено. Мы будем снова возвращаться на землю, а потом, после... смерти, – это слово далось ему нелегко, – обратно сюда. Не

волнуйся, Дом никуда не исчезнет и всегда будет ждать нас. А мы всегда будем возвращаться...

– Но... Я думала... Мы тут навечно...

– Так уж устроено, – повторил он. – Ну, любимая, улыбнись скорее. Ведь мы вместе, а тут так хорошо!

– И сколько у нас времени? – не успокаивалась она.

– Тут времени нет.

И она вдруг сдалась. Какая, в сущности, разница? Нужно уметь быть благодарной. Это и так невысказанное чудо – встретить его снова, после всего! О, если бы она знала это наперед, она бы ни секунды не задержалась на земле после его ухода! Ведь есть столько способов...

– А вот это нельзя! – Он весь всколыхнулся только от самой этой мысли, по его лицу пошли голубовато-багряные всполохи, а очертания тела размылись. И она тут же сама почувствовала его боль, ей передавшуюся. Да, конечно, они же единое целое...

– Нельзя, любимая. Это единственный запрет. Самоубийством можно только все погубить, навсегда, до конца... Самоубийством рушат не одну душу, а обе. И Дом, который для них сотворен.

Она ахнула. Он кивнул:

– Да, вот такое правило. Так что даже мысли об этом не допускай. Что все земные страдания против нашего теперешнего счастья?

В эту секунду все лишнее ушло вдаль.

Остались только ликование, восторг, покой и свобода. Что такое счастье, гадала она раньше. Гадали все люди на земле. Она теперь знала точно, и он знал. И это ощущение не прекращалось и не слабело.

И так шли годы.

Века.

Мгновения.

Но дверь Дома распахнул сквозняк. Заколыхались занавески.

Порыв ветра подхватил ее и понес.

– Не забывай. Я люблю тебя, – улыбнулся он ей, когда их руки разомкнулись. – Я всегда рядом, всегда с тобой. Есть только ты и я... Нет ни времени, ни расстояния, чтобы нас разделить. Мы всегда здесь, друг с другом, даже если кажется, что мы далеко. Разлуки нет, и преград нет. Ты только помни это. Не забывай. Даже в самый темный час – только помни. Ты будешь стоять, и тебе будет казаться, что ты одна, – но я буду стоять рядом, сразу за твоим плечом. Позови меня, и я приду, в любую непогоду, в любую бурю. Всегда. Ты и я.

Ветер нес ее, растворял в тумане. Грусти не было: она знала, что

встретит его. Уже скоро. На земле и на небе.

Часть четвертая- Вересковые холмы

Локерстоун, Корнуолл, Англия 1961–1982

В Локерстоуне это знал каждый: Джемме Хорни лучше не перечить, все равно своего добьется, если уж вздумала. Знал это и ее муж, Оливер, но все равно нерешительно попытался:

– Джемма, дорогая, может, подождешь еще пару месяцев?

Конечно, его слова пропали втуне. Рыжая конопатая Джемма даже ухом не повела, только активнее заработала тяткой. Оливер со вздохом зашагал к калитке.

– Ты же знаешь, Олли, через пару месяцев будет слишком поздно. Розы не умеют ждать... – миролюбиво пояснила она ему вдогонку и продолжила рыхлить влажную после дождя почву. Комья липли к заточенному металлу.

Пару месяцев! Это уж слишком. Неужели Оливер все-таки собирается уложить ее в постель и не выпускать оттуда, пока она благополучно не родит ребенка? Ну уж нет, она так со скуки умрет. Да и потом, не такая уж это тяжелая работа, цветы пересадить! Она с детства этим занимается, знает, что к чему. Не корнуолльскую медь же в вагонетку грузить, честное слово. Тем более что малыш явно не против: кому, как не ей, знать об этом?

Свидетельницей короткого разговора супругов Хорни невольно стала миссис Мюриэл Китс, пришедшая договориться с управляющим фермы о поставках на приближающиеся праздники. Глядя на молодых супругов, она даже улыбнулась, что вообще-то случалось с нею нечасто. Ее высохшее лицо с острыми скулами стало необычно приветливым.

– Не волнуйтесь за нее, Оливер... – тепло сказала она.

– Да как не волноваться? В ее положении... – развел руками Оливер.

– Положение у нее, прямо скажем, цветущее. Ирландка, что поделать, – закивала миссис Китс. – Да вы взгляните на нее со стороны, ну-ка!

Оливер обернулся на жену – и не смог не признать правоты миссис Китс. Джемма вся дышала здоровьем. Статная, ловкая, с буйной гривой рыжеватых, мелко вьющихся волос. Несмотря на внушительный живот, двигалась она проворно и точно, хотя и чуточку резковато. Оливер

вспомнил, что и в дни первых своих встреч с Джеммой всегда удивлялся ее манере двигаться. Ее движения были широкими – вот, пожалуй, самое подходящее слово. И вся она была такой же: размашистые жесты, распахнутые глаза, открытая улыбка. Даже веснушки по ее щекам и плечам рассыпались беззастенчиво.

Почувствовав взгляды мужа и соседки, Джемма выпрямилась у клумбы, машинально положив одну руку на затекшую поясницу, а второй приветливо помахала им. Оливер попрощался с соседкой и заспешил прочь. Пора было открывать магазин. На полпути к машине он обернулся и сказал:

– Да, кстати, миссис Китс. Я недавно проходил мимо вашего дома... На калитке совсем покосилась дверная петля.

Миссис Китс покраснела – в тон своей бордовой шляпки:

– Да, Оливер, так и есть... Все руки не доходят. Петли старые, медные. Я их покупала в Фалмуте когда-то. Теперь вот снова надо бы туда съездить, чтобы купить такие же, да все времени не найду...

– И не надо, – беспечно улыбнулся молодой мужчина, ослепительно сверкнув улыбкой. – Я уже заказал точно такие же. Привезут завтра около полудня.

– Боже мой, – Мюриэл вздохнула и улыбнулась с благодарностью и удивлением. – Ты просто сокровище, Оливер Хорни!

Он засмеялся, махнул рукой и направился к автомобилю. Соседка проводила его покоренным взглядом: никак ей не привыкнуть к новому соседу и его учтивости. Такой молодой, но воспитанный и внимательный, надо же... Он никак не походил на современную молодежь, с этими их новомодными взглядами и полным пренебрежением к традициям и устоям, по которым жили до них десятки поколений.

Оливер Хорни держал лавку ремонтных и хозяйственных товаров, единственную в этом захолустном прибрежном городишке. Со времен своего основания Локерстоун, конечно же, разросся, расплзаясь по берегу. Но дух его оставался прежним: маленькое рыбацкое поселение, зажатое морем с одной стороны и грядой зеленых холмов – с другой. Правда, в послевоенные годы тут, благодаря мягкому климату, стал развиваться туризм, но и он не смог изменить до конца лицо этого городка. Здесь всегда было спокойно и дремотно, невысокие холмы укрывали от атлантических ветров, а спокойный нрав обитателей надежно хранил их от житейских невзгод. Наверное, именно эта черта и привлекала туристов в Локерстоун.

И именно поэтому здесь оказалась Джемма, рожденная в Лондоне. Ее отец был летчиком-ирландцем и погиб в битве за Британию еще до ее рождения. А мать, пережившая в столице 24 августа 1940 года^[6], на

следующий же день отправилась с пятимесячной Джеммой на родину, считая, что выжить в войну получится только вдали от больших городов, на своей земле. Так Джемма оказалась в Корнуолле. Мать, вдова Кэтрин Донован, урожденная Вейлмарт, воспитывала ее одна, держа вместе со своими пожилыми родителями крошечную ферму у подножия холма.

Кэтрин не очень-то была похожа на фермершу: стройная, невысокая, миловидная, с мягкими пепельными волосами и светлыми глазами, фарфоровая куколка с каминной полки, а не человек. Ее никто не научил, как самой справляться с трудностями, и мягкий нрав покладистой жены вряд ли мог помочь выстоять перед лавиной обрушившихся бед. Нежная, туманная ее красота быстро увядала в повседневных заботах. В характере недоставало силы, уверенности, деловитости – и дочь Джемма, по складу ума совершенно иная, с детства привыкла быть главной хозяйкой, всюду успевать и во всем разбираться. Кэтрин смотрела на нее с тайным удивлением и ноткой зависти – и все-таки обожала из-за этой непохожести еще больше.

Но несмотря на это, миссис Донован редко бывала довольна собственным ребенком. Джемма была упряма, как сто ослов. И такая взбалмошная, резкая, что просто нет сладу.

– Помяни мое слово, – говорила ей мать, – замуж тебе не выйти. Ну, пока не изменишься.

– Мама, какая чушь, – просто отвечала Джемма. – Сейчас все проще! Двадцатый век все-таки. – И добавляла, чтобы позабавиться: – Так что замуж выходить вовсе не обязательно.

И выскакивала за дверь, не слушая гневного окрика. Она всегда была довольна своей жизнью, когда-то больше, когда-то меньше, но в целом довольна. Ей не нужно было ничего, кроме этого свежего морского воздуха, холмов, скал, под которыми на волнах взвивались барашки пены, торфяных болот, сплошь затянутых розовым медовым вереском. Но иногда... Иногда какое-то смутное волнение охватывало Джемму. Словно в эти мгновения завеса будущего приподнималась, и там показывалось что-то еще более прекрасное, намного превосходящее все, что она видела до этого...

В свободное время, коего за всю жизнь ей выдалось не так и много, Джемма убегала к холмам и бродила там до темноты. Она ничего не боялась, ни дикого зверя, ни человеческого помысла: ей казалось, что кто-то совсем рядом с нею все время охраняет ее, стоит прямо за ее плечом. Она чувствовала его незримое присутствие все время и звала невидимку своим ангелом. Вместе с ангелом она скакала по холмам, собирая букеты бледно-желтых примул и ярких сиреневых маргариток. Вместе с ним она

рыскала вокруг огромных доисторических дольменов и менгиров, которых в округе было в изобилии. Джемме нравились эти громады, от них веяло другими временами, другими поколениями, которые так же, как она, жили, дышали, бродили в этих местах, а теперь давно превратились в прах, развеянный ветрами... Но мегалиты остались – и она готова была танцевать вокруг этих памятников непрерывающейся жизни, славить их, воспевать. В них, как и во всем вокруг, она ощущала дыхание вечности. Эти камни нравились Джемме куда больше всех благ цивилизации.

Весной она обязательно взбиралась на самый высокий из окрестных холмов, к полуразрушенному баронскому замку. Одна стена его полностью обвалилась, развалины давно поросли кустарником, но живое воображение Джеммы рисовало ей пиры и охоты, полные забот дни и буйные праздники, которые некогда видели эти замшелые валуны. Иногда ей казалось, что отзвуки тех событий долетают до нее сквозь века. Именно здесь, откинувшись на поваленную каменную перемычку замковых ворот, она читала потрепанную книгу легенд о короле Артуре. Солнце грело затылок, и, может быть, из-за этого крепла уверенность девушки, что именно здесь Гвиневра с томлением смотрела на Ланселота и терзалась своей виной и своим счастьем.

По выходным, когда не надо было идти в локерстоунскую среднюю школу, Джемма выскальзывала из дома и неслась сломя голову к морю. Спускалась по скалам, балансируя на самых носочках, крепко цепляясь за привычные серые уступы, покрытые лишайником. И с восхищением замирала, когда тропинка обрывалась небольшим песчаным пляжем. Пляж этот можно было увидеть только в отлив – в прилив вода поднималась и затапливала узкую полоску песка, подбираясь к скалам и делая берег неприступным. Джемме особенно нравилась эта обманчивость: вроде и есть пляж, а иной раз придешь, помотришь – волны налетают на темные острые откосы и разбиваются с грохотом. Но там, глубоко под ними, все равно лежит гладкий волнистый песок и ждет своего часа... Ради этого видения, этой обманчивости Джемма была готова терпеть даже ветер, бивший ей в лицо. Ветер она просто не переносила. Иногда ей казалось, что эта неприязнь родилась еще до нее самой.

Кэтрин беспокойно вздыхала: не девчонка, а сорванец. Правда, Джемма всегда выполняла свою часть работ по дому, без напоминаний и пререканий, но стоило девочке со всем справиться, как она тут же улепетывала. Сначала Кэтрин переживала, пыталась искать ее, звать, слушая эхо в холмах, отчитывать пришедшую по темноте дочь, но вскоре поняла бессмысленность этой затеи. Джемма возвращалась домой, когда ей

вздумается, продрогшая, с репейником в волосах, в пропитанных соленой водой туфлях. Миссис Донован усаживала дочь в огромную чугунную ванну, касалась губами лба, прикладывала ладонь к пылающим щекам, с тревогой пытаюсь распознать хоть малейший признак простуды. Но лихорадочный блеск огромных, выразительных карих глаз не имел никакого отношения к болезни: наутро Джемма была так же здорова и беззаботна, как накануне.

Джемме было пятнадцать лет, когда это произошло. Она ехала из школы на велосипеде, весело крутя педали и насвистывая песенку. Кажется, ее что-то отвлекло – то ли котенок, выскочивший из-под колес, то ли окрик знакомого паренька. Она не успела вывернуть руль.

Когда визг автомобильных тормозов заставил оцепенеть всю улицу, Джемма услышала крик. Она узнала по голосу – это был крик ее ангела, ее возлюбленного, крик отчаянный и скорбный. Она не разобрала его слов, а в следующую секунду вокруг ее неестественно распластанного на мостовой тела уже собиралась толпа зевак.

Джемма видела себя словно со стороны. Она лежала в неказистом школьном платице, туфли почему-то валялись в нескольких ярдах от нее. Переднее колесо покореженного велосипеда еще крутилось со стрекотом, и спицы в нем мелькали, мелькали...

А потом улица Локерстоуна исчезла. Джемма осознала, что она, захлебываясь от счастья, бежит по мощенной камнем аллее. Вокруг – мгла и какая-то величественная осенняя красота, и она летит, не чувствуя под собой ног, ликующая, нетерпеливая. Мимо мелькает скамейка, засыпанная кленовыми листьями, рыжими, как ее волосы. Она проносится мимо. Она знает, ей осталось совсем немного. Она должна успеть, она должна, должна!

Вот вдаль уже замаячила ее цель. Что это? Кажется, дом?

Джемма побежала еще быстрее. Шагов своих она не слышала, будто их не было вовсе. Она неслась сквозь влагу осеннего дня и чувствовала мельчайшие капельки, оседающие на волосах, одежде, лице. И все внутри у нее трепетало от восторга, такого сильного, немислимого, острого, что она перестала быть собой и стала одним сгустком, облаком этого восторга. Джемме осталось совсем немного, она уже четко видела очертания высоких окон, плющ по стене особняка, дверь, которая медленно раскрывается ей навстречу...

Но тут подул ветер. О, этот ветер, всегда ветер! Порыв чуть не сбил ее с ног. Она пыталась продраться сквозь него, но тщетно – этот ветер всегда

сильнее, чем она. Он подхватил ее и понес прочь...

Когда Джемма открыла глаза, она не сразу осознала, что находится в больнице. Все вокруг было скучно-белым: стены, простыни, потолок. Над нею склонилось беспокойное лицо матери. В это мгновение Джемма раз и навсегда поняла значение слова «разочарование». То, что она чувствовала сейчас, не могло сравниться ни с одним из разочарований, испытанных раньше. Раньше были пустяки, досадные мелочи – теперь она хотела закрыть глаза, закричать, взорвать все вокруг, стереть с лица земли города – только чтобы снова вернуться туда, на аллею к дому.

Это было невозможно.

Через пару месяцев бодрый врач в больнице Труро^[7] осматривал ее с недоумением: черепно-мозговая травма, с которой поступила девочка, была крайне серьезна, обширна и затронула и височную, и затылочную части. А теперь, все вроде бы как надо, по крайней мере, все показатели были в норме, рефлексы окрепли. Выздоровевшая Джемма отправлялась домой.

– Доктор Клив, – Кэтрин боялась поверить своему счастью, и смотрела хоть и воодушевленно, но настороженно. – Вы уверены, что она в порядке?

– Сейчас – вполне, миссис Донован, – ответил доктор. – Конечно, травма может дать о себе знать в будущем, но сейчас – полный порядок. У вашей дочурки ирландское здоровье.

– Как и полагается, – расплылась в улыбке польщенная мать.

Насчет здоровья доктор был прав, Джемма никогда больше не попадала в больницу. Еще какое-то время после происшествия мать пыталась окружать Джемму чрезмерной заботой, но с такой упрямницей это не очень-то выходило. От материнской опеки Джемма снова сбегала на пустошь, берег моря или холмы, туда, где ей было так просто затеряться и слиться с природой, туда, где она еще явственнее ощущала присутствие своего ангела.

Она чувствовала вину перед ним. Ведь это ангел попытался предупредить ее об опасности, крикнул так громко, что эхо его голоса все еще стояло в ее ушах. А она подвела его, не успела среагировать и в итоге оказалась на земле с разбитой головой, рядом с велосипедом и толпой охающих горожан.

– Но с другой стороны, – беседовала Джемма с невидимым ангелом, глядя на расстилавшуюся перед ней равнину внизу, у подножия холма, – я бы никогда не увидела тот чудесный сон. Знаешь, про дом, и аллею, и удивительную какую-то осень... Зачем я очнулась...

Она вздохнула с сожалением, но вовремя спохватилась:

– Прости, мой ангел, я знаю, ты, наверное, огорчаешься, когда

слышишь от меня такое... Конечно, ты ведь хочешь меня спасти, хочешь, чтобы я была невредимой... Но если бы ты там побывал... Ты бы меня понял. Мне в то мгновение, когда я бежала, казалось, что все счастье мира заключено там, в конце пути, и надо только успеть добежать. А я не добежала, понимаешь!

Она бессильно откинулась на спину, грызя ногти, и вперила взгляд в небо. Там плыли тучи. Они менялись, перетекая одна в другую, сливаясь, разъединяясь, представляя собой целый сложный изменчивый мир, которому нет дела до человеческих бед и переживаний. Джемма почувствовала себя крупницей песка, лежащей в дюнах, – настолько маленькой, что ее словно и нет вовсе. Она повернулась на бок, закрыла глаза и тут же ощутила на затылке дыхание своего ангела, еще отчетливее, чем всегда. Он как будто лег рядом с ней, обнял нежно, мягко... Джемме стало тепло и покойно, и сон увлек ее вдаль.

Она снова видела себя на аллее в осеннем саду. Не было торопливости, не было теперь желания бежать вперед, к своей цели. Потому что рядом с ней по аллее ступал тот, кто был ей ближе всего. Он и был ее целью. Она узнала в нем своего ангела, хотя и не видела ни его лица, ни фигуры. Такие мелочи были не нужны, она знала, что это он.

– Не торопись, Джемма. Всему свое время, ты же и сама знаешь. Я с тобой, ты со мной – к чему эти терзания?

– Но мне так хотелось остаться здесь! – попробовала она оправдать свое ребячливое нетерпение. И сама почувствовала его бессмысленность.

– Зачем?

– Потому что ты здесь, а я там, – нахмурилась она.

– Я – там. Я всегда с тобой. Куда идешь ты, туда иду и я. Всегда.

«Всегда», – услышала Джемма в шевелении травы. Короткий сон кончился так же незаметно, как начался. Она проснулась и села, рассеянно оглядываясь вокруг. Все было безлюдно, но она еще чувствовала его присутствие, его взгляд, прикованный только к ней одной. Девушка сладко потянулась, не в силах сдержать умиротворенную улыбку: обещание ангела всегда быть с нею сделало ее счастливее. Возможно, лишь до следующего приступа меланхолии и сомнений.

Джемма рано повзрослела. Ее движения еще были неуклюжи, как у подростка, но в глазах уже светилось какое-то сильное чувство, знание большего. Люди неизменно попадали под действие ее взгляда. Джемма впечатляла их. Однако милой и очаровательной ее никто не считал. У нее не было подруг, девочки сторонились ее и не знали, о чем говорить в ее присутствии: она не интересовалась ни мальчиками, ни нарядями, ни даже

школьными уроками. Эта всегда витающая где-то Джемма...

В мечтах, снах и побегах прошло несколько лет. Джемме исполнилось двадцать, и она расцвела. На нее начали оглядываться прохожие, незнакомые ей люди. Красавицей ее было не назвать при всем желании: выше ростом, чем это принято, с порывистыми движениями и слишком смелым прямым взглядом, немного асимметричными чертами веснушчатого лица и крупноватым улыбчивым ртом. Она была прямой противоположностью миловидности, потому что ее облик не укладывался в общепринятые рамки, и даже ее волосы были ярче нормы. Девочки в школе сплетничали на переменах, что Джемма специально подкрашивает их чем-то, чтобы побольше выделяться. Но сама она в своей экзотической оболочке ощущала себя на удивление гармонично. Она была оригинальной, не похожей на других, настоящим вызовом общественности – хотя и не делала ничего предосудительного, – и именно это заставляло людей глядеть ей вслед, когда она быстрым шагом пересекала локерстоунские улицы, легко подхватывала корзину с продуктами или мчалась мимо на велосипеде.

С соседями Джемма общалась вежливо, но отстраненно, как и в детстве. Она не дичилась их, но в ее присутствии остальные чувствовали себя немного неловко и почему-то глупо. Будто они заранее знали ее превосходство и боялись сморозить какую-нибудь бессмыслицу. Тем не менее жизнь в таком небольшом городке, как Локерстоун, требовала от всех постоянного добрососедского взаимодействия. Джемма ходила по магазинам, продавала горожанам молоко с фермы, стригла овец, сама нанимала сезонных работников на ферму Вейлмартов-Донованов. И те, кто сблизился с ней – работники, покупатели, – скоро приходили к выводу, что девушка вполне мила, у нее легкий нрав, умные суждения, заразительный смех и, что немаловажно, удивительная для маленького городка способность держать язык за зубами. Никто не мог похвастаться тем, что услышал сплетню от Джеммы Донован. Да и свои собственные мысли она предпочитала держать при себе.

Возможно, именно поэтому сама Джемма была в курсе всего, о чем говорят и что делают ее соседи. Сплетни, слухи и новости слетались, стекались, сползались к ней со всех сторон. Однажды утром, через неделю после двадцатого дня рождения, болтая с почтальоншей Роузи Сильвер, Джемма узнала, что в городе появилось новое лицо.

Джемма давно уже знала это выражение глаз Роузи. Расторопная старушка с седыми кудрями совершенно не могла молчать о чем бы то ни было – ее глаза вылезали из орбит, словно новости городка давили на них

изнутри черепной коробки. Протягивая Джемме свежий, еще пачкающийся типографской краской номер «Корнуолл хрониклс», Роузи многозначительно поджала губы:

– Ты уже слышала?

– Миссис Сильвер, ну что я могла слышать? – широко улыбнулась Джемма. – Я тут день-деньской на ферме. Разве только мне овцы что шепнут или корова намычит...

– Ну так послушай. Тебе это будет интересно. Старый магазинчик МакКинонов выкупил некий Оливер Хорни. Приехал, говорят, чуть не из Шотландии.

– Интересно, – пробормотала Джемма, и по ее виду было ясно, что ей эта новость совершенно безразлична.

Роузи Сильвер надула губы и покачала головой.

– Ты молодая девушка, тебе надо знать такие подробности. Парень явно при деньгах – и собой очень хорош. Я его видела пару раз в конторе. Тебе под стать, поверь уж на слово!

Джемма закусила губу, чтобы не расхохотаться, и кивнула пару раз:

– Спасибо, миссис Сильвер.

– Смотри не проморгай! – строго наказала ей почтальонша и укатила на велосипеде, распугав стайку цыплят пронзительным звоночком.

После этого разговора утро Джеммы наполнилось обычными хлопотами. В последнее время бабушка Джеральдина чувствовала себя неважно, а дедушка Уильям и вовсе уже несколько лет передвигался в инвалидном кресле – что делало Джемму главной хозяйкой не только на ферме, но и в доме. Мать была только рада, что Джемма все взвалила на себя, она с радостью избавилась от тягостного груза руководства и теперь сама стала дочери помощницей. Как ни в чем не бывало девушка справлялась с хлопотами, и притом с успехом и без жалоб. В этом году она даже наняла больше рабочих, чем обычно, – доход от фермы позволил ей это, и теперь забот стало чуть меньше.

Когда жаркое на обед было уже почти готово, Джемма вышла на крыльцо дома передохнуть, щеки ее горели от кухонного жара. Ферма Вейлмартов-Донованов стояла на отшибе, с противоположного от моря края городишка, у самого подножия холмов. Узкая, тянущаяся вдоль берега равнина постепенно поднималась все выше, и с крыльца дома открывался замечательный вид на город и его окрестности, а там, дальше, важно и спокойно дышало бескрайнее море, сливаясь на горизонте с бледным небом. Мягкая, как всегда, ранняя весна на полуострове началась уже давно, и теперь запах влажной земли, моря, сена и скота мешался с

ароматом распустившихся в палисаде цветов. Джемма вдохнула эту симфонию и...

– Джемма. Добрый день, а я к вам!

Перед ней стояла миссис Китс, деловитая, как и всегда. Она владела в Локерстоуне таверной «Гарпун» и была постоянной заказчицей у Джеммы. Ее муж Джон, хмурый бородач, имел в распоряжении хорошую рыбацкую лодку и обеспечивал таверну рыбой и морепродуктами, из которых повар под неусыпным оком миссис Китс готовил славившиеся на все графство блюда по старинным рецептам. «Неусыпное око» – это было, пожалуй, самое точное определение характера Мюриэл Китс. День за днем она была вездесущей, успевая вести дела таверны, договариваясь с поставщиками, принимая товар и следя за готовкой и обслуживанием постояльцев, а также собирая городские новости и при всем этом глаз не спуская со своих дочерей самого «опасного», как она считала, возраста: Маргарет исполнилось семнадцать, а Элизабет, красотке Бетси, – девятнадцать лет. Миссис Китс была низенькой полной женщиной с гладким молодым лицом, юркими блестящими глазками и в неприменной шляпке – сегодня фиолетовой.

Миссис Китс быстро договорилась с Джеммой насчет поставок продуктов на грядущий апрель, и в течение всего разговора смотрела на девушку как-то странно. Как будто увидела первый раз и теперь пристально оценивала и оглядывала со всех сторон. Джемме это не понравилось, и она чуть заметно нахмурила брови.

– А ты знаешь? У нас в городе кое-кто появился...

Все ясно. Джемма расслабилась. Она всю жизнь прожила в Локерстоуне, и к тому же была достаточно проницательной, чтобы с первых же слов увидеть всю картину целиком. Конечно, причиной такого пристального внимания к ней послужил этот неизвестный Оливер Хорни, тот парень, что приобрел магазинчик МакКинонов. Он состоятелен, симпатичен – если верить Роузи – и вполне годится на роль жениха. С женихами в городе, если честно, не очень... А у миссис Китс две дочурки на выданье, вот маменька и оценивает, есть ли у них конкурентки. Господи, да какие конкурентки? Ее Маргарет умная и благовоспитанная скромница, а от Бетси невозможно отвести глаз, сводит с ума всех соседских мужчин и по праву слывет первой красавицей Локерстоуна.

Итак, Джемма неопределенно пожала плечами.

– Он теперь будет торговать скобяными товарами, тут, у нас. Говорят, интересный молодой человек...

Глаза миссис Китс буравили непроницаемое лицо Джеммы. Она в

ответ вздохнула:

– Вы же знаете, миссис Китс, меня это мало интересует. – И в этот момент спохватилась. – О боже, мясо!

И она бросилась со всех ног в кухню, откуда до ее чуткого носа донесся запах подгорающего жаркого. Когда она спасла семейный обед и вышла на улицу снова, Мюриэл уже перекатывалась на своих тонких ножках в паре сотен ярдов от фермы. Джемма не стала ее окликать.

За послеобеденным чаем Джемма помалкивала, бездумно наклоня из стороны в сторону фарфоровую чашку, чтобы коричневая жидкость переливалась от края к краю, как волна на линии прибоя. Ее взгляд то и дело устремлялся в окно и дальше, по склону холма вверх. Она сидела за столом с отсутствующим видом, в то время как ее душа бродила по пустошам и безлюдным заросшим тропам, по развалинам баронского замка...

– Джемма! – второй раз позвала мама. Джемма встрепенулась.

– Ты могла бы хотя бы ради приличия не улетать... Куда-то там... – Кэтрин махнула рукой с легким раздражением. – Ты уже слышала?

Джемма на мгновение прикрыла глаза. Снова этот парень. Еще раз ей этого не вынести.

– Если ты о новом жителе Локера, – ей было лень произносить название города до конца, – то да. Мне уже все уши им прожужжали.

– И что ты думаешь? – подала голос бабушка Джеральдина. Ее выцветшие глаза засветились молодым любопытством. Джемма осознала, что этот разговор был подготовлен еще в ее отсутствие, и с мольбой уставилась на дедушку. Но Уильям отвел глаза. Все ясно. Дедушка и бабушка, обожающие свою внучку, мечтают-таки найти ей спутника жизни и сбить с рук. Даже если пока об этом спутнике они не знают ничего, кроме городских сплетен. Жаль, что все так предсказуемо.

– Я думаю, – ответила Джемма резковато, – что пусть живет, если уж переехал.

– А я думаю, – мягко проговорила мать, – что нам стоит пригласить его на ужин. Ведь с соседями надо дружить...

– Твой дом, тебе и звать.

Джеральдина, Уильям и Кэтрин переглянулись. Джемма вышла из-за стола, громко царапнув стулом по дощатому полу.

Ноги несли девушку подальше. Скорее, скорее от этого невыносимого мещанства, вечного заглядывания за соседский забор и перемывания косточек! Джемма выскочила за ограду и чуть не налетела на какого-то мужчину, который поднимался по тропинке к ферме от города.

Он вежливо придержал ее за локоть, не дав упасть, и отступил на шаг, одновременно пробормотав приветствие. Джемма быстро взглянула на него. Нет, этого человека она никогда не видела прежде. Одного с ней роста, весьма и весьма привлекательный блондин... Ну конечно, кто же еще!

– Опять вы, – едва ли не с отвращением вздохнула она. Блондин так опешил, что отшатнулся еще дальше, вытаращив глаза. Он был до невозможности забавен в своей озадаченности – Джемма смягчилась и тут же пожалела, что не прикусила вовремя язычок. В самом деле, разве он виноват, что весь город только о нем и говорит? Разве есть его вина в том, что в Локерстоуне нет подходящих кандидатур и все девицы только и мечтают, что о заезжих принцах. Правда, в реальности на принца тянет почти любой, был бы не косой и не хромой. Хотя после войны и хромота перестала быть для девушек чем-то нежелательным, иногда это в их глазах даже прибавляло мужчинам героизма...

– Простите, – улыбнулась Джемма и решила проявить великодушие, – я приняла вас за другого.

На лице мужчины читалось облегчение. Он снова шагнул к Джемме, с любопытством оглядывая ее, но одновременно пытаюсь не показывать этого. Наконец слегка поклонился и произнес:

– Тогда позвольте мне представиться. Меня зовут Оливер Хорни.

– Джемма Донован, – кивнула Джемма милостиво.

С этого дня Оливер частенько заглядывал на ферму и в гости к Вейлмартам-Донованам. У него был редкий дар с первого взгляда очаровывать всех людей, и родные Джеммы в нем души не чаяли. Впрочем, не они одни – весь городок лучился улыбками, стоило Оливеру выйти из своей лавки на улицу. Дела у него с первого дня пошли в гору. Сперва все хотели своими глазами увидеть нового обитателя Локерстоуна, а вскоре раскусили, что и магазин его столь же хорош, как и он сам: Оливер наладил поставку товаров из Труро, и множество вещей можно теперь было купить только у него. Мужчины были особенно рады тому, что теперь не приходилось тратить уйму времени и бензина на поездку в большой город, женщины же радовались по своим причинам. Они все поголовно влюбились в него. Молодые и незамужние сделали его предметом своих грез, а их матушки уже видели Оливера, ведущего их дочерей к алтарю.

«Какая жалость, что он не может сводить туда их всех, тогда все они были бы на вершине блаженства», – со свойственным ей сарказмом думала Джемма. Оливер ей тоже нравился. Он был вежлив, ненавязчив и очень

предусмотрителен. В его руках всегда оказывалась накидка для нее на случай прохладного вечера, букет цветов, интересная книга – он быстро заметил, что чтение доставляет девушке ни с чем не сравнимое удовольствие. Он явно ухаживал за Джеммой, и в глубине души ей было лестно, что из многих Оливер Хорни выбрал именно ее.

Они частенько сидели теперь вечерами в их гостиной, и Оливер рассказывал про свое детство в Эдинбурге и дядю, лейтенанта королевского флота. Родителей он почему-то обходил стороной.

– А мой дядя Чарльз служил в войну на тяжелом крейсере «Дорсетшир». Он своими глазами видел, как пошел ко дну непотопляемый «Бисмарк»! – сообщил он как-то с гордостью в ответ на рассказ Кэтрин о своем покойном муже-летчике, которого в конце 1939 года подбил немецкий истребитель.

Дедушка Уильям, большой поклонник бесед и воспоминаний о войне, надел очки и в крайнем оживлении посмотрел на Оливера:

– Да ведь это же... Это же было такое событие. Я помню, как прослушал сообщение по радио, в утренней сводке... Расскажите поподробнее, Оливер, прошу вас.

Уильям не заметил, или сделал вид, что не заметил, как бабушка Джеральдина горько усмехнулась и, поджав губы, принялась убирать со стола. Она, ждавшая мужа с фронтов еще Первой мировой, ненавидела войну всей душой и предпочла бы, чтобы про это бедствие рода человеческого разговор не заходил никогда.

– Они долго гонялись за ним по морю. Ведь «Бисмарк» был почти как «Летучий голландец» – мало кто из наших уцелел после встречи с ним. И даже под конец... Нельзя точно сказать, из-за чего он ушел под воду. Дядя Чарли, например, совершенно уверен, что экипаж сам открыл кингстоны. Он всегда говорил мне, что фашисты, конечно, ужасные люди, но он никогда больше не видел такого мужества, какое проявили моряки там, на «Бисмарке». Добровольно выбрать смерть, чтобы не сдаться врагу. И это мы-то враги!

– Ну, молодой человек, военные не всегда изверги, даже те, кто служил Гитлеру. Иногда это были просто юнцы, – вздохнул Уильям, мельком покосившись на свою дочь, ставшую вдовой по воле таких вот юнцов. – А когда вас атакуют крейсера флота Его Величества... У них была гордость, я думаю. Вот мужество и пришло ее поддержать!

– А кот, кот? – полюбопытствовала Кэтрин, обращаясь к Оливеру. – Правду говорят, что с линкора спасся кот, когда из людей почти никто не выплыл?

– О да, – Оливер закивал головой, еще больше оживившись. – И этот кот потом пережил еще два крушения кораблей, на которых плавал, представляете? А окончил жизнь на берегу, кажется, в каком-то посольстве.

– Я бы не взяла его на борт после второго крушения, – пожала плечами Джемма. – Ведь ясно же, что он приносил кораблям несчастье. Может, его кто-то проклинал?

Кэтрин под столом толкнула Джемму ногой и изобразила милую улыбку:

– У нашей Джеммы всегда такое бурное воображение. Не обращайтесь внимания, Оливер.

– Как же не обращать? Именно это мне в ней и нравится, – нежно взглянул он на Джемму.

Девушка не смутилась. Ее вообще сложно было заставить покраснеть. Но от этого ласкового взгляда она тут же вспомнила, уже в тысячный раз, что вчера, на конюшне, куда Оливер зашел в поисках ее, кое-что произошло. И Оливер помнит об этом так же хорошо, как и она, судя по его заговорщицкому виду.

Она чистила шкуру своей гнедой кобылы. А Оливер стоял рядом и смотрел на нее пристально, с каким-то напряженным выражением лица. Джемма искоса взглянула на него.

– Что? – спросила она.

– Ты очень красива, Джемма, – вздохнул Оливер, словно с сожалением.

– Ты говоришь это так, будто это преступление, или по меньшей мере досадный недостаток, – пожала она плечами и принялась вычесывать длинную гриву. – Тем более что я прекрасно знаю, какова моя внешность. Красота – это не то, чем я могу похвастаться. У нас в Локере есть много красоток...

– У вас в Локере... Или теперь уже у нас в Локере, – исправился Оливер, – есть много смазливых гусочек. Ты не такая.

– Вот я и говорю, смазливой меня не назвать, – засмеялась Джемма, назидательно подняв указательный палец.

– Тебя не назвать гусочкой. Ты никогда не станешь гусыней, как их мамы. Ты удивительная, Джемма.

Странно, но Джемма была абсолютно спокойна. Руки продолжали заниматься своим делом, и хотя ее уши улавливали волнение в голосе Оливера – она была спокойна. Замедлившимся, вдруг обострившимся зрением Джемма увидела, что в темной шкуре гнедой кобылы есть три более светлых волоска, что край попоны, только что наброшенной на спину животному, немного поистрепался, что кожа на левом запястье ее измазана

чем-то черным, то ли землей, то ли сажей...

Когда молчать стало невыносимо, Джемма медленно повернулась к Оливеру и увидела в его глазах желание. Прежде девушка никогда не видела этого выражения в глазах мужчин, но сейчас ей не понадобилось и доли секунды, чтобы распознать его тайный смысл. Что-то древнее и страшное, большое и тягучее, и знакомое женщине с рождения до смерти было в этом взгляде. Она хотела было пошутить, чтобы сбить напряжение, – и не успела. Оливер мягко, но непреклонно привлек ее к себе и поцеловал долгим, ищущим поцелуем.

Это был первый ее поцелуй. Но природа сильнее, чем все остальное, – и она ответила ему, сначала неумело, а потом так страстно, как могла. Ощущения были новыми, острыми, пряными, и хотелось еще.

Их спугнул зашумевший ведром у колонки работник. Оливер отшатнулся от девушки и тут же встретил ее взгляд. Никакого смятения, только любопытство и чуточку разочарования от того, что она не успела распробовать как следует это новое для нее лакомство. Оливеру это понравилось. Что же до Джеммы – она выпорхнула из конюшни с невинным и беззаботным видом. Однако весь вечер ее мысли то и дело возвращались к поцелую. И она почему-то прекрасно осознавала, что он был не последним и за ним последует еще череда таких же, а может, и еще лучше... Эх, скорее бы. Ей понравилось целоваться. И она усмехнулась, представив на мгновение ужас своей благовоспитанной матери, если бы та сумела прочитать ее мысли.

Пока она вспоминала вчерашнее происшествие, сидя на диване и машинально перебирая страницы журнала, лежащего у нее на коленях, разговор о крейсерах и доблести плавно потек по другому руслу, и Джемма снова перестала его слышать. Она сидела спиной к окну, и оттуда тянуло вечерним холодом. Но в комнате ярко горели лампы, и от этого контраста все казалось еще более уютным, мирным. Ей вдруг пришло в голову, что так все и должно быть: теплый дом, где собираются несколько поколений одной семьи, неспешный разговор, когда снаружи и в трубе воеет западный ветер и приносит с собой дыхание океана.

Эта гостиная с синим ковром, синими шторами и лампой с желтым абажуром скучала по таким вот семейным вечерам. Когда-то, когда Кэтрин была совсем еще маленькой младшей дочерью Вейлмартов, дом и гостиная наполнились смехом, криками, возней двух ее старших братьев и сестры. Уильям и Джеральдина были сравнительно молоды, души не чаяли в детях, хотя Уильям и был иногда строг с ними, особенно с сыновьями. Но ферма

отнимала большую часть родительского времени, и дети весь день были предоставлены самим себе. Только вечерами они собирались здесь вместе. Сквозь абажур комнату заливал теплый желтый свет, как будто тут горело свое собственное солнце. Мальчишки шуршали газетой и бумагами, набрасывая какие-то чертежи, что-то вырезая и склеивая, девочки шушукались в уголке или читали вслух книгу. Джеральдина садилась в кресло, чтобы передохнуть после трудного дня – и заодно починить одежду, белье, ведь на детях все будто сгорало. Каждый был, казалось, занят своим делом, и все же они были вместе. Но прошло время, братья и сестры выросли и разъехались по всей Англии. Кэтрин была единственной, кто вернулся в родительский дом, да и то потому, что овдовела и не видела иного пути, чтобы выжить с маленькой Джеммой на руках. Остальные остались в городах – теперь уже со своими семьями. Но синяя гостиная, казалось, продолжала помнить их и ждала.

Наверное, такие мысли пришли в голову в тот вечер не только девушке, потому что спустя месяц Оливер спросил у ее матери, что она думает насчет его планов жениться на Джемме. Кэтрин была покорена им еще больше. О лучшем зяте она не смела и мечтать. И уж если на то пошло, тщеславие, в отличие от ее дочери, ей-то было знакомо превосходно. Она уже предвкушала, как вытянутся лица Роузи Сильвер, Аманды Олдридж, Мюриэл Китс – да и многих других соседок и знакомых.

«Боже, только бы Джемма не натворила глупостей», – содрогнулась про себя Кэтрин, а вслух ответила, что она-то, конечно, была бы счастлива видеть его своим сыном, но решать все-таки Джемме. Зная свою дочь, Кэтрин имела все основания побаиваться, ведь этой сумасбродке ничего не стоило не только отказать ему, но и высмеять.

На следующий день Оливер и Джемма прогуливались по набережной. Приближался вечер, и рыболовецкие суденышки торопились пристать к берегу с уловом. На пристани уже разгружали сети, таскали ящики с рыбой, бородач Джон Китс, муж Мюриэл и владелец лодки «Бетси», кивнул обоим, но тут же занялся своими делами, окрикивая матроса и кидая ему тяжелый канат.

Немного волнуясь, Оливер остановился у – парапета и, глядя вдаль, признался Джемме в любви.

– Когда я поймал тебя, помнишь, на дорожке, ты поскользнулась... Я понял, что поймал какую-то удивительную райскую птицу. И не захотел выпускать... И сейчас не хочу, – образно описал он свои ощущения. Его стиль изложения всегда забавлял Джемму. Оливер умел выражаться так цветисто, что любая другая на ее месте растаяла бы, а ей это казалось всего

лишь милым, и иногда – смешным. Но сегодня Джемма даже не улыбнулась, не отшутилась, а тоже перевела взгляд на горизонт, где собирались в сизые горы грозовые тучи.

– Джемма, выходи за меня. Я знаю, мы еще не очень долго знакомы, но я уже знаю, что хотел бы прожить с тобой много лет. Ты самая необыкновенная.

«Это уж точно», – фыркнула про себя девушка, однако промолчала. Она долго молчала. Но Оливер, успев узнать ее строптивый нрав, больше радовался этой заминке, чем страшился ее: значит, Джемма действительно раздумывает над его предложением. Значит, в принципе она не против.

Девушка смотрела на него другими глазами. Этот светловолосый молодой мужчина с чересчур правильными чертами лица был ей очень симпатичен. Теперь, когда он озвучил свои желания, она пыталась представить его в качестве своего мужа, спутника на всю жизнь, соединенного с ней «для доли лучшей и худшей». И ей это легко удалось. Она знала, как мирно будет протекать ее жизнь, как будут расти их дети, какой заботой он окружит их и ее саму. Могла ли она мечтать о большем?

Конечно, могла.

Но сердце подсказывало ей, что, если она не согласится сейчас, она может никогда не встретить... своего ангела.

Где логика? Это была чудная, непонятная мысль! Как он мог быть связанным с ее решением сейчас? Ангел, всюду следовавший за ней, ее незримый спутник, такой любимый, такой не отделимый от нее... Только по нему тосковала ее душа, только он владел ее мыслями, стремлениями, помыслами. Был ли он частью ее снов? И только ли снам принадлежал?

Джемме не нужен был никакой другой мужчина на Земле. Ей нужен был только он, один-единственный. Но кто он? Где он? Этого сказать она не могла.

– Я выйду за тебя, Оливер, – сказала она, широко улыбнувшись, и на ее усыпанных веснушками щеках появились ямочки.

Оливер обрадованно вздохнул:

– Я так счастлив. Что зацеловал бы тебя прямо у всех на виду, если бы...

– Лучше не стоит дразнить собак, – рассмеялась Джемма и послала ему шаловливый воздушный поцелуй.

Эта новость произвела в Локерстоуне эффект разорвавшегося снаряда. Кого-кого, а упрямую рыжую Джемму Донован представить женой всеобщего любимца Оливера Хорни могли не многие.

Мюриэл Китс долго не могла прийти в себя от пережитого потрясения. Ее старшая Элизабет, красotka Бетси, проплакала не одну ночь, хороня свои мечты о счастливой супружеской жизни. А младшая Маргарет, не по годам рассудительная, наоборот, только пожала плечами:

– Он почти полгода ходил к ним в гости через день. Не молоко же он у них покупал все это время, верно?

Мужчины большей частью Оливера понимали – все-таки было в Джемме что-то такое, что выгодно отличало ее от местных кумушек. Не красавица, но так ведь ему и не с портретом из галереи жить, а с живым человеком. А правильно выбрать жену – это дело непростое и очень важное. Джемма на роль жены подходила отлично, тем более что хозяйство она вела сама, и немаленькое. А строптивая – ну так это даже интереснее, укрощение строптивых – удовольствие редкое.

Женщины вскоре тоже смирились. Для каждой из них у Оливера был запасен комплимент или улыбка – ну как тут устоишь! И после объявления помолвки они, как и прежде, забегали в его магазин за какой-нибудь мелочью, только чтобы ухватить свою долю положительных переживаний.

Джемма сразу же успокоилась, после того, как дала согласие Оливеру. Ее мятущийся дух вдруг обрел тихую гавань. В этом не было ничего от тщеславия, и ее дыхание не срывалось при мысли, что скоро в их честь зазвонят колокола локерстоунской церкви. Ей было все равно, что думают по этому поводу соседи. Душу Джеммы согревала внутренняя уверенность, что она сделала правильный выбор и на всех парусах несется навстречу своей любви. Она со счастливой улыбкой встречала своего Олли на тропинке, ведущей к ферме, и кидалась ему на шею. Ее яркие волосы развевались на ветру – Оливеру еще издалека казалось, что к нему несется молния. Ее губы тянулись навстречу его губам, и у Кэтрин, наблюдавшей раз за разом эту картину из окон гостиной, радостно екало сердце.

Возможно, она бы изменила свое отношение к этой парочке, если бы пригляделась внимательнее. Джемма и так была неуправляемой, а влюбленность только усугубила это ее качество. Ей хотелось всего и сразу, о чем бы ни шла речь.

До свадьбы оставалось всего несколько дней. Платье уже было готово. На последней примерке Джемма крутилась перед зеркалом, и вдруг ей в голову пришла поразительная мысль: она сама могла бы сшить лучше. Девушка покачала головой себе же в ответ. Как же, интересно? Она сроду ничего не шила. Шитье казалось ей материнским занятием, она никогда даже иголку-то в руки не взяла. Но, глядя на свое отражение, она почти

ясно видела другое платье, которое *было* сшито на ее свадьбу. Нет, – исправились она, – которое *могло бы быть* сшитым на ее свадьбу. Облако шифона и атласа, обвившее ее фигуру, с причудливой драпировкой на груди. Впрочем, теперь какая разница, ведь платье-то уже готово, и оно совсем не то, что чудится!

С примерки, проходившей в доме у миссис Олдридж, она вышла на залитую солнцем площадь Локерстоуна. И тут же кинулась со всех ног к Оливеру, поджидавшему ее у своего новенького синего «Остина».

– Привет, красавица, – подмигнул он ей.

В машине он помедлил, прежде чем спросить:

– Ну как?

– Здорово, – не моргнув глазом соврала Джемма. – Как белый торт! Ты забудешь английский язык, когда меня увидишь.

– Я уже и сейчас говорю с ошибками, – хмыкнул Оливер, заводя мотор.

– Куда поедем?

– Куда пожелаешь, детка.

Джемма задумалась, наморщив лоб. Все окрестности они уже объездили, но все время за рулем был исключительно Оливер. А вот если бы...

– Может, научишь меня водить? – предложила она, поглядывая на него с лукавой полуулыбкой.

– Ты хочешь угробить себя до свадьбы?

Она шутливо ткнула его в бок:

– Может, я прирожденный гонщик?

Оливер пожал плечами и промолчал. Джемма обиженно закусил губу и насупилась, обдумывая план. Нет, она, конечно, не собиралась угонять машину Оливера, она пыталась сообразить, как ей склонить его на свою сторону. Еще ни разу за всю ее жизнь не было такого, чтобы Джемма Донован не добилась своего! Пока она раздумывала, они выехали на дорогу, ведущую вдоль побережья на восток. После постройки большого шоссе на Фалмут этой дорогой почти перестали пользоваться все, кроме жителей окрестных поселков.

Оливер аккуратно съехал на обочину у большого вяза и вышел из машины. Джемма недоуменно следила, как он обходит «Остин» спереди. Вот Оливер распахнул ее дверь – и протянул ей ключи.

– Ну, вперед, гонщик.

Джемма взвизгнула, бросилась зацеловывать жениха. Тот высвободился, смеясь:

– Тише, тише, машину водят только в спокойном состоянии! Иначе мне придется донести на тебя в полицию.

Все это оказалось совсем несложно. Зажигание, сцепление, газ, тормоз, передачи – Джемма схватывала на лету. В первую минуту она не могла в это поверить: это большое механическое творение, тяжелое, непонятное, исполняет ее волю беспрекословно! Поворот руля вправо – и машина поворачивает вправо, газу – и она ускоряется, как прищпоренная лошадь, – только вот ее гнедой кобыле ни за что не развить такую скорость! Это было даже лучше, чем управлять людьми. Хотя нет, наверное, так же, подумала Джемма радостно.

Почти эйфория. Стрелка на спидометре неуклонно двигалась вправо, но Джемма все равно давила на газ. Оливер ее не останавливал – ему нравилось выражение, застывшее у нее на лице. Джемма была так соблазнительна в эту минуту, когда все ее существо захватили скорость и жажда приключений!.. Окно со стороны водителя так и осталось открытым, и дорожная пыль оседала внутри салона. Хохочущая Джемма отказывалась закрыть окно или остановиться, а Оливер не очень настаивал.

Наконец она затормозила. Место это было безлюдное, потому что она несколько минут назад уже свернула с главной дороги и ехала по проселочной, вверх к холмам. Теперь и эта дорожка закончилась.

Девушка повернулась к Оливеру. Ее глаза блестели, правая щека покрылась пылью, и Оливер отер ее ладонью.

– Прогуляемся? – предложила Джемма. Голос завибрировал, и интонация получилась необычная, неуверенная. За ее словами чудился какой-то второй смысл, но Оливер не понял, какой именно. Прежде чем он согласился, девушка уже выскочила из машины и понеслась по склону холма. Она была одета в брюки и легкий свитерок, так что ничто не мешало ей двигаться проворно. Оливер на секунду задержался, глядя на ее расплескавшиеся волосы, доросшие уже до талии, не знавшие лент и заколок, – и кинулся следом.

Бег был долгим. Джемма без устали карабкалась куда-то, хотя Оливер уже окликал ее несколько раз. Его силы были на исходе. А она... Она, кажется, неплохо знала эти места и искала что-то определенное. Но вот Оливер потерял ее из виду. Он остановился, оглядываясь в нерешительности.

– Джемма!

– Я здесь, – раздалось откуда-то неподалеку. Он пошел на голос, донесшийся из-за плотной стены дикого кустарника.

Уже предлагая прогуляться, Джемма прекрасно знала, что должна

сделать. Ее ангел подговаривал ее к этому безумству – а когда подговаривал он, сопротивляться было невозможно, ее согласие с ним всегда оказывалось предрешено. Вот она и кинулась карабкаться в поисках знакомой расщелины в скале. В эти мгновения ей казалось, что бежит она так быстро лишь оттого, что ангел крепко сжимает ее ладонь в своей и тянет за собой к неизбежному, желанному. Наконец она остановилась и с облегчением обнаружила тут, как и всегда, два огромных валуна, сошедшихся вместе наподобие гигантской, на два человека, колыбели. Каменная колыбель поросла мягким мхом, за день нагретым солнцем. Было тихо, только стрекотали кузнечики, и вдалеке протяжно кричала чайка.

Джемма стояла перед Оливером. Опередив его на минуту, она успела скинуть свитер и стояла теперь полуобнаженная, вся в рассеянном солнечном свете, и по ее груди и плечам стекала рыжая лава волос. Пока Оливер догонял и искал ее, у нее было время на раздумье, снять ли и брюки тоже, но на это она так и не смогла решиться.

У Оливера пересохло в горле. Он замер и хотел было отвести глаза от искушавшей его столь явно, но не смог. Хотел что-то сказать, но Джемма опередила:

– Люби меня.

Она протянула к нему руки и быстро облизнула обветренные губы. Тут-то Оливер Хорни и потерял голову.

Джемма и сама не объяснила бы, почему она так поступила. Кажется, ее руками, ее губами, всеми ее движениями сейчас руководил ангел, а не она сама. Никакого протеста с ее стороны: если он велит ей сделать что-то, надо сделать это без возражений.

После, отдыхая от незнакомых ей до этого момента ласк в каменной колыбели на вершине холма, Джемма смотрела только в небо. Ей хотелось раствориться в нем, улететь, уплыть. Но в то же время хотелось и остаться, потому что теперь она ощущала присутствие своего ангела намного сильнее, чем еще час назад. Нет, это был не Оливер, задремавший рядом на мху. Ангел был третьим здесь, рядом с двумя людьми. Невидимый, но почти осязаемый. Еще более осязаемый, чем всегда, он наконец был уже на полпути к ней.

«Ты здесь», – счастливо улыбнулась ему Джемма. Он всегда знал, когда появиться и как успокоить ее тоскующую душу.

Родители Оливера на свадьбу не приехали, и все горожане удивлялись этому, но вслух не говорили. Сама Джемма уже знала, что Олли был сыном крупного промышленника в Эдинбурге и отказался становиться преемником отца, предоставив эту роль своему младшему брату. Отец был

в гневе и выставил сына за порог, заявив, что тот неблагодарный юнец и еще приползет к отцу, когда не сможет заработать на кусок хлеба. Мать же, миссис Хорни, хоть и поддерживала своего супруга во всех начинаниях, но потерю сына пережить бы не смогла – и втайне ему помогала. Вот откуда у Оливера появились деньги на покупку магазина МакКинонов – и синего автомобиля «Остин». Открыто заявить о своем отношении к семейной ссоре миссис Хорни не позволял здравый смысл: мистер Хорни-старший славился своим вздорным характером, и один Бог мог бы сказать, чем все это кончится. Но на свадьбу тем не менее мать прислала подарок и сумму денег, покрывшую расходы.

После свадьбы Джемма и Оливер остались жить на ферме. Это было куда разумнее, чем ютиться в квартирке Олли над магазином скобяных товаров, тем более что родные Джеммы освободили для новобрачных две юго-западные комнаты большого, вытянутого вдоль холма дома.

Молодожены, казалось, были полностью поглощены своей новой жизнью. Каждый день вместе приносил им все больше открытий. Оливер заглядывал на обед не столько для того, чтобы утолить голод, сколько для того, чтобы почувствовать губы Джеммы, ее сильные руки, обвивающиеся вокруг его шеи, услышать ее гортанный смех. Дни напролет она, как он считал, принадлежала ему. Вместе они ходили гулять и забирались к развалинам замка, хотя Оливер не видел в этом никакой романтики и не любил упадок и разорение, но ради любимой Джеммы готов был терпеть и его. Но иногда ему казалось, что у его молодой жены есть какая-то своя, другая жизнь. Он и сам не смог бы ясно объяснить, с чего взял это. Но отблески сокровенной, невидимой сути, ее тайных переживаний то и дело вспыхивали в карих Джемминых глазах.

Часто ближе к утру, когда небо светлело и постепенно становилось молочным, Оливер просыпался, как от удара, от ощущения чьего-то присутствия. Он приподнимался на локте, беспокойно оглядывая комнату, но не находил посторонних. Рядом с ним на широкой перине Джемма спала, разметавшись по постели, скинув с себя одеяло, словно в лихорадке. Ее волосы пламенели на белизне подушек. Оливер подолгу смотрел на спящую жену.

Она улыбалась. Улыбалась кому-то. Улыбалась так пленительно, так нежно, как никогда не улыбалась ему. Она словно вся тянулась навстречу своей долгожданной, потерянной и обретенной любви. Ее лицо становилось восторженным, одухотворенным, торжествующим – и таким далеким, что Оливер едва узнавал в этой влюбленной незнакомке собственную жену. И сердце его терзалось ревностью, тяжелой и

неизбывной. За завтраком они обычно делились своими снами, но никогда после этих рассветов Джемма не рассказывала ему ничего особенного из увиденного ночью. Оливер вздыхал, и эти вздохи отдавали горечью.

Кэтрин теперь целыми днями занудствовала, рассказывая, что должна и чего не должна делать молодая замужняя леди. Она и мысли не могла допустить, что Джемма не собирается менять свое поведение. И что еще страшнее, Оливер не имеет ничего против этого. Бабушка Джеральдина и дедушка Уильям, видя, что дети вполне счастливы, сочли более приемлемым вообще ничему их не учить. В конце концов, любой человек будет жить только так, как ему удобно и хорошо, создав собственные законы, и молодая пара не станет исключением, думали они.

Джемма не обращала внимания. Ни на мать, докучающую своими поучениями. Ни на старшее поколение семьи. Все чаще она не обращала внимания даже на Оливера, но тот этого не замечал: он был счастлив уже тем, что Джемма стала его женой. Ее же мысли ежечасно, ежесекундно были обращены внутрь ее самой, туда, где под сердцем зарождалась новая жизнь.

Это была ее тайна. Ей казалось, что если она скажет кому-нибудь, что беременна, ее мирок рухнет от натиска советов, запретов, предписаний и причитаний. Она же просто хотела продлить эти ощущения таинственного и космического. Она почувствовала, что все изменилось для нее раз и навсегда именно тогда, в тот солнечный день, когда она лежала в каменной колыбели на вершине холма рядом с Оливером, но тогда еще не могла сказать точно. Вскоре после свадьбы она получила этому доказательства, и неожиданно для себя обрадовалась.

Джемма не очень-то любила детей. Они всегда казались ей чужеродными существами, непонятными, раздражающими, вечно сопливыми и ноющими. Когда родила Мэри Смитенсон, Джемма, как и остальные ее знакомые девушки, пришла проведать молодую маму и поглазеть на ребенка. Мэри лежала изможденная, бледная, с полопавшимися от перенапряжения сосудами в глазах, отчего напоминала скорее вампиршу, чем мадонну. Ребенок же... Он оказался синюшным, яйцеголовым, и, хотя остальные громко умилялись, Джемма поспешила уйти, боясь, что не сумеет скрыть отвращение: ее глаза всегда выдавали ее с головой, а это был не тот случай, когда стоило демонстрировать откровенность и пренебрежение приличиями. С тех пор Джемма избегала такого рода визитов. Даже подростки, когда они становились вполне сносными, учились ходить и внятно разговаривать, не были для нее людьми

в полном смысле слова – скорее, это были полуфабрикаты, заготовки для будущих людей. Джемма их недолюбливала и старалась держаться подальше, чтобы не ломать комедию умиления перед их родителями.

Сейчас ее отношение к детям мало изменилось, ничто не шевелилось в ее душе при взгляде на младенца в коляске или топающего в школу мальчугана. Дело в том, что Джемма не относилась к зреющей внутри ее жизни как к ребенку. Она не могла представить его себе в обличье новорожденного, зато прекрасно представляла, как он подрастет. Это, конечно, будет сын, а никакая не дочь. Джемма смирилась, что родит ребенка – и любила его уже заранее. Однако не говорила об этом никому, даже мужу, потому что хотела до дна испытать это дарованное ей откровение и не желала никого посвящать в свое таинство.

Появление в семье молодого мужчины, Оливера, во многом изменило уклад жизни дома, и особенно фермы Вейлмартов-Донованов. Теща Кэтрин вздохнула спокойнее, когда сообразила, что он всерьез взялся за их дела. Конечно, Джемма была тут хозяйкой и царила среди грядок, клумб, сараев и хлевов, но ведь Джемма была только маленькой девочкой в глазах своей матери. Кэтрин всегда смотрела с недоверием на ее кипучую деятельность и каждый день помимо собственной воли ждала известия, что все пошло прахом, что овец скосила болезнь, или дождем залило теплицу, или морозом побило вишни, или... Да мало ли что может случиться на ферме, которой управляет не мужчина, а взбалмошная девица, пусть даже эта девица – ее собственная дочь. Кэтрин слишком сильно недооценивала саму себя, чтобы оценить по достоинству Джемму. Теперь же все изменилось. Появился Оливер, крепкая опора. Но в этот же день Кэтрин нашла новый повод для беспокойства и стала опасаться, как бы Джемма не сглупила и не выкинула какой-нибудь фокус. Ведь ей вряд ли могло понравиться, что Оливер вносит коррективы в дела фермы.

Однако Кэтрин волновалась зря. Оливер оказался достаточно умен, чтобы еще до свадьбы понять, кто истинная хозяйка на этих землях. Со свойственной ему предприимчивостью и деликатностью каждое свое предложение об обустройстве фермы он высказывал вслух при Джемме и пытался по ее говорящим глазам понять ее мнение. С каждым днем Джемма все чаще соглашалась с идеями Оливера, и если спорила, то по существу, а не просто ради спора.

Так продолжалось два месяца со свадьбы. Наступил декабрь. Джемма, не любившая холод и промозглость, все чаще засиживалась у камина в гостиной, кутаясь в пуховую накидку. Ее шоколадные глаза приобретали от огня (Оливеру казалось, что это от огня) какой-то новый оттенок. Молодая

женщина все больше погружалась в свои мысли, какое-то дремотное оцепенение, и муж не мог понять, где она бродит. Иногда, позвав ее, он натыкался на ее ищущий взгляд, и вместе с узнаванием в ее глазах он замечал разочарование. Словно в своих видениях она искала кого-то, но не его.

– Джемма, я говорю, – он примостился у ног жены и обхватил ее колени руками, – про новые парники. В них можно было бы вырастить куда больший урожай овощей. Помидоры, например. Да и клубника не помешала бы. Как думаешь?

Джемма неопределенно покачала головой. Оливер не понял, что это означает, и пояснил:

– Нужно решать в ближайшее время, чтобы успеть построить до весны.

– Делай, как посчитаешь нужным, Олли, – улыбнулась она и взъерошила волосы. Оливер улыбнулся ей в ответ и не заметил, как изумленно подняла голову от книги Кэтрин, сидевшая у окна. Пораженная – вот какая она была. Джемма не стала выспрашивать подробностей у Оливера, не уточнила, где лучше поставить парники, сколько нанять для этого плотников и сколько земли под это отвести. Это было не похоже на Джемму, так не похоже, что Кэтрин, во всем искавшая подвох, не на шутку взволновалась. Она отложила книгу и стала исподтишка разглядывать дочь, будто хотела найти в ее облике ответы на свои вопросы. От материнского глаза не укрылись бледные синеватые тени, залегшие у ресниц, загадочная улыбка, дремавшая в уголках припухших губ, заострившийся нос. Но только когда Джемма как-то по-особенному наклонилась к огню с кочергой, чтобы поворошить угли, Кэтрин осенило.

Когда Оливер ушел в ванную, она проворно подошла к дочери и заговорщицки подмигнула. Джемма удивленно приподняла бровь.

– Ты хитрюга, – приобняла ее мать. – И долго еще собиралась не говорить?

Джемма вздохнула. Где, как, чем она себя выдала – поздно было гадать.

– Откуда ты знаешь? – нахмурилась она. Кэтрин смотрела на нее с таким воодушевлением, что Джемме тут же стало дурно, тошно. Она была уверена, что это не от беременности, а от маминого энтузиазма.

– Ласточка, я тебя выносила – и бог знает сколько раз наблюдала этот процесс со стороны!

Джемме ничего не оставалось, как покаянно кивнуть.

– Боже. Вот это новость. Я стану бабушкой. А папа с мамой – даже

прабабушкой и прадедушкой. – Лихорадочное возбуждение захлестнуло Кэтрин, отчего ее бесцветные черты лица преобразились. На щеках вспыхнул румянец, глаза влажно заблестели от навернувшихся слез, и к Кэтрин на мгновение вернулась ее былая тонкая красота уроженки Туманного Альбиона.

– Ну, перво-наперво я сама стану мамой, как это ни странно, – усмехнулась Джемма. Она так огорчилась, что ее тайна раскрыта, что хотела сперва упросить Кэтрин держать все в секрете, а потом, по своему обыкновению, сбежать куда-нибудь подальше. Но на улице были дождь и темнота, и ветер выл в камине. Нечего и мечтать. Да и смешно это, шила-то в мешке не утаишь, было бы забавно пытаться скрыть беременность в семье, которая вся вертится вокруг нее, как планеты вокруг солнца. Однако все эти размышления мало утешили Джемму.

– Мама Джемма, – улыбнулась Кэтрин и прижала дочь покрепче. Обняв хрупкую мать, Джемма посмотрела поверх нее через комнату. И закусила губу, стараясь не выпустить на волю крик запоздалого раскаяния. В проеме двери стоял Оливер с зажатым в руках полотенцем. Он, конечно, все слышал, иначе его рот не был бы так красноречиво открыт. Значит... Значит, молчание Кэтрин Джемме уже не понадобится. Тайна раскрыта раз и навсегда.

Оливер стоял с таким выражением лица, что Джемме, несмотря на торжественность момента, стало смешно. Удивление, оторопь, радость, озадаченность, облегчение – все это мелькало быстрее, чем кадры на белом полотне киноэкрана. Кэтрин, почувствовав, как напряглась спина дочери, отстранилась и бросила взгляд на дверь. И мелкими шажками побежала через комнату обнимать и зятя.

– Поздравляю, Олли, сыночек!

– Я... – Его голос осип. – Я что-то пропустил в этой жизни?

– Нет, ты как раз вовремя, – едва заметно сыронизировала Джемма. – Мама как раз подтвердила мои подозрения. Я беременна. Та-дам!

Она театрально всплеснула руками. Оливер замер, и в трех головах эти слова отозвались разным эхом. При этом всем им показалось, что звуки Джемминого голоса рикошетят от стены к стене и, наконец, виснут где-то посреди комнаты.

– Ух ты! – вдруг как-то совсем по-детски завопил Оливер, кидаясь обнимать и кружить Джемму по комнате. – Теперь ты моя! Теперь уж точно моя!

Она весело смеялась, Кэтрин тоже – хотя в голове у последней уже поселилось опасение, как бы молодой муж не навредил ребеночку своим

бурным восторгом.

В этот вечер спать в доме Вейлмартов-Донованов-Хорни легли позже обычного. На шум в гостиную явились уже переодевшиеся ко сну – Уильям и Джеральдина. Узнав новость, Уильям тут же откупорил бутылку французского коньяка, давно поджидавшего достойного случая в буфете. Это определенно был достойный случай. Синяя гостиная замерла в предвкушении перемен.

Долго обсуждали, как назвать ребенка. У каждого было несколько своих вариантов, и только Оливер наконец сказал, что раз уж Джемме предстоит носить его целых девять месяцев, значит, и имя она выберет лучше всех.

– Спасибо, Олли. – Такое великодушие неожиданно растрогало Джемму, хотя спор она выслушивала с легким раздражением. – Я подумаю.

Она не стала говорить, что уже выбрала имя. Джемма никогда не была на материке, но Великобританию знала довольно неплохо. С пятнадцати лет она каждый июль посещала пару городов – то навещая родственников матери, то просто так, с экскурсией или знакомыми туристами, приехавшими в Локерстоун в отпуск. Однажды ее занесло в Карлайл, что на самой границе с Шотландией, на берегу Ирландского моря, Солоуэй-Ферт. В Карлайле ей нравилось все: бурная история города, переходившего то к англичанам, то к шотландцам, и проклинаемого теми и другими, на ее взгляд, незаслуженно. Нравилась тихие улочки, булыжник под ногами, величественный кафедральный собор и замок Вильгельма Рыжего. И, конечно, живописный, заросший деревьями берег реки Иден, серебристой, широкой и полноводной, текущей хоть и по равнине, но с Пеннинских гор. Единство и борьба противоположностей, пограничность – вот что ей так понравилось в этих местах: проклятия для воров и преступников, действовавших на границе, и тишина и богобоязненность мирных горожан, буйная Шотландия и чопорная Англия, горы и равнина. Именно тогда она захотела, чтобы ее дети были такими же неугомонными, интересными, неоднозначными людьми, как этот город и эта река: мальчик Карлайл или девочка Иден.

После того как все узнали о новом положении Джеммы, Оливер окончательно взял на себя дела семьи. Большую часть времени он проводил в магазинчике, поэтому для управления фермой нанял мистера Кроули. Новый управляющий был пятидесятилетним седеющим крестьянином, с большими красными руками и щетинистым подбородком. Свою ферму в соседней деревушке он недавно передал сыновьям и был чрезвычайно

польщен, когда Оливер сам лично приехал к нему, чтобы предложить должность. У мистера Кроули, как обнаружила Джемма в самый первый день, было одно отличнейшее качество: с каждой проблемой он безупречно разбирался в течение пары минут. Расторопность, сообразительность и честность управляющего дали Джемме то, чего она как раз и желала больше всего на свете, – свободу.

Поэтому она не уставала благодарить Оливера. Тот смотрел на ее признательное веснушчатое личико с нежностью и целовал в нос. Если бы она не отворачивалась со смехом, он мог бы расцеловать каждую веснушку на ее теле. В эти мгновения Оливер так любил свою Джемму, что становилось больно дышать.

Казалось, что теперь, когда дела больше не докучали ей, Джемма должна стать полностью счастливой. К советам матери она прислушивалась не больше, чем обычно, Олли прекрасно понимал, что она сама решит, как для нее лучше. Ведь, в конце концов, она прожила без него как-то двадцать лет своей жизни. Тем более что привычная буйность ее куда-то пряталась, уходила, и Оливер надеялся, что это любовь к нему и их будущему ребенку заставляет Джемму присмиреть.

На самом деле ее задумчивость не имела никакого отношения к смирению. И к беременности. Джемма тосковала. Ее все чаще тревожило странное, непривычное ей ощущение: ее покинули. Ангел куда-то пропал и не торопился возвращаться. Обычно его присутствие было так же непреложно, как восход солнца, но в последнее время, с первых дней замужества, она перестала замечать рядом с собой его легкое дыхание. Последний раз она чувствовала его тогда, на вершине холма, впервые лежа в объятиях Оливера за несколько дней до свадьбы. Поделиться этой утратой Джемме было не с кем, любой счел бы, что она тронулась умом. Но разум ее был все так же чист, и именно этот разум говорил ей, что ангел куда-то исчез из мира вокруг.

Теперь, когда забот на ферме стало меньше, а беременность протекала легко и не доставляла никаких особенных неприятностей, Джемма чаще стала уходить к морю или на холмы. Оливеру, сделавшемуся теперь еще предусмотрительнее и заботливее, она отвечала отговоркой, что прогулки на свежем воздухе идут ей на пользу, что вредно сидеть в четырех стенах, и бог знает что еще. На самом деле она просто искала. В ней теплилась надежда, что, стоит ей сесть под сводом замка, или ступить на волнистую, как стиральная доска, песчаную отмель, или сорвать и растереть в руках веточку дикой мяты, – как она найдет его, своего невидимого ангела, хранившего ее столько лет, сколько она помнила саму себя, и даже больше.

Но ее попытки были тщетными. Совсем отчаявшись, Джемма взяла машину и отправилась «на вершину мира», туда, куда впервые ехала за рулем: пешком пройти это расстояние становилось все тяжелее.

Оставив машину на тропинке, Джемма стала карабкаться вверх по крутому склону. Это была задача не из легких, тем более что живот в последнее время начинал мешать свободному передвижению, хоть Джемма и не показывала этого при родных. Она с улыбкой представила, как схватилась бы за сердце Кэтрин, если бы увидела ее сейчас, крепко уцепившуюся за серый выступ одной рукой и за пучок травы – другой. Нет, Кэтрин не суждено понять, что стихия ее дочери – пустоши, луга, развалины и холмы, она – само их порождение, и ничто здесь не может причинить ей вреда. Ей и ее ребенку.

Наконец Джемма перевела дыхание и опустилась на камень. Она не приходила сюда с того самого дня, как стала женщиной – прямо на этом мху. Сейчас, на исходе зимы, всюду свистел ветер, продирающий до костей, ненавистный ветер, и только здесь было тихо. Наверное, и правда давным-давно какой-нибудь сказочный великан сдвинул вместе два вогнутых валуна, чтобы положить на них свое спящее чадо, укрыть его от ветра, подумала Джемма. Сидеть на камне было холодно, и она поджала под себя ноги.

Отсюда открывался захватывающий, знакомый, но ничуть не менее волнительный от этого вид. Внизу разлилась каменистая равнина, вдалеке поблескивал окнами и крышами Локерстоун, в стороны тянулась гряда холмов. На отшибе были видны и развалины замка в миле к западу, и тоненькая излучина мелкой речушки. Джемма с детства любила сидеть здесь и чувствовать, что весь мир лежит у ее ног и принадлежит им двоим, ангелу и ей. Теперь она осталась одна...

И вдруг, словно в ответ на ее сетование, ангел подал ей знак, самый ощутимый за все свое существование. Джемма сейчас же поняла, со всей ослепительной ясностью осознала его замысел до конца. И со смехом подтвердила, что лучше он, пожалуй, придумать уже не мог.

Все изменилось. Задумчивость Джеммы сменилась кипучей энергией. Не было в доме дела, за которое она бы ни взялась. Но больше всего удовольствия ей стало доставлять, как ни удивительно, шитье. Она вдруг открыла в себе способности талантливой портнихи.

Началось все с того, что как-то утром после ухода Олли на работу она решила, что шить – занятие матерей, и поскольку она собирается стать матерью, и процесс скоро войдет в свою завершающую стадию, у нее есть

последняя возможность познакомиться с ниткой и иглой. Она разыскала в кладовке чемоданчик Кэтрин, где та на всякий случай хранила обрезки тканей и разные швейные принадлежности, и утащила его в спальню. Недолго думая, вытряхнула содержимое на ковер – и восхищенно замерла. Это было красивее для нее, чем стеклышки в калейдоскопе. И, что еще приятнее, стеклышки были неподвластны человеку, а эти лоскуты Джемма могла сложить в свой собственный узор. Она опустилась на колени посреди разноцветной головоломки.

Пока в голове роились образы, пальцы женщины сами нащупали игольницу в виде красно-желтой груши, быстро выбрали подходящую иглу, вдели нитку. Джемма потянула ее в рот, чтобы откусить, но тут же отдернула руку подальше:

– Джемма, – сказала она сама себе с улыбкой, и сердце почему-то защемило, – для этих целей есть ножницы...

Руки работали быстро и умело, будто только и делали, что шили всю свою жизнь с утра до вечера. Джемма сметывала вместе кусочки ткани, прикладывала их один к другому, вертела так и эдак, распарывала и собирала картинку заново, уже иначе. Она чуть было не пропустила обед, и только настойчивость Кэтрин заставила ее проглотить порцию супа и жареной камбалы, от запаха которой ее тут же замутило.

Собирая лоскуты, Джемма тихо напевала. Мелодия сама рождалась где-то в глубинах ее души. Она была то нежная, то торжественная, волнительная, и все твердила о чем-то. Сочинить такую сама Джемма не могла, поэтому была уверена, что где-то услышала ее, только вот не могла вспомнить, где именно. Оборвав мелодию на середине, она расстелила перед собой оконченную часть шитья и приложила руку к животу:

– Ну что, мое счастье, нравится тебе такая красота? Нравится... и мне нравится!

Вечером, когда Оливер готовился ко сну, Джемма расправила на кровати сшитое ею за день лоскутное одеяло. Зрелище было удивительное: разномастные ткани и узоры смотрелись не набором кусочков, а единым целым, цветастой волной, перетекающей с одного угла одеяла к противоположному. Оливер удивленно покосился на Джемму:

– Ты сама так?

Она гордо кивнула.

– А говорила, что не умеешь шить...

– Оказывается, умею. Но это только одеяло, платье-то я, наверное, не осилю...

Оливер поцеловал ее в нос:

– Вот за что я тебя люблю. Ты не умеешь скучать.

Признаться честно, Джемма ожидала большего восторга, по крайней мере, такого, какой выразила при виде одеяла бабушка Джеральдина. Но Оливер устал и не был склонен к похвалам. Джемма пообещала себе, что он еще восхитится ее умением. Когда-нибудь.

На следующий день она не вытерпела и, взяв синий «Остин», съездила в Труро за отрезом голубой фланели.

Незаметно промелькнуло несколько недель. Голубая фланель давно превратилась в руках Джеммы в хорошенький костюмчик для ребенка, пару чепчиков и основу для одеяльца. Розы были благополучно пересажены – в Локерстоун пришла весна. Земля стала черной, мягкой и рыхлой, ветер потеплел, в садах расцвели тысячи цветов, и воздух пропитывался их ароматами.

Джемма все шила. Как-то утром Роузи Сильвер, прикатившая, как и всегда, на велосипеде, протянула ей четыре модных журнала – Джемма выписала их незадолго до того.

– Что, Кэтрин собралась пополнить гардероб? – любопытно спросила Роузи, и ее глаза выкатились чуточку сильнее.

– Нет, это я.

Роузи понимающе кивнула, хотя весь ее вид кричал об обратном: это и ему известно, что Джемма Донован-Хорни не способна усидеть на месте и минуты – куда уж ей шить...

Просмотрев у себя в спальне журналы, Джемма решила, что непременно сошьет кое-что из увиденного. Только надо будет подождать до родов – ведь ее фигура изменится, и пока сложно предположить, как именно. Вместо наряда для себя она сшила костюм из светло-кремового твида для Олли. Тот наконец-то был потрясен. Джемме его реакция доставила изрядное удовольствие, но что и говорить, блондин Оливер смотрелся в этом приталенном пиджаке и узких брюках весьма эффектно.

– Мм, еще немного, и я заревную, – фыркнула Джемма, оглядывая его со всех сторон и с радостью замечая его восторженный взгляд. – Ты будешь рассказывать как распоследний щеголь, а твоя бедная жена будет перекашиваться рядом, словно переспелая тыква.

– Зато твой щеголеватый муж любит тебя больше всего на свете, рыжая моя тыквочка, – расцеловал он ее руки. Джемма весело рассмеялась.

Девятнадцатого июня Джемма почувствовала небывалый прилив сил. Ей было по плечу сдвинуть пару холмов или повернуть вспять реку, ну или на крайний случай переставить все шкафы в доме. Джемма, уже

превратившаяся к этому моменту в настоящий живот на ножках, обошла все свои прежние владения, не упустив из виду ни новый птичник, где кудахтали и кричали на разные голоса бестолковые куры, важные гуси и упитанные индюшки, ни коровник. Заглянула даже в сыроварню, где отдавал сейчас распоряжения мистер Кроули. Тот, увидев молодую хозяйку, улыбнулся и лукаво подмигнул:

– Что, миссис Хорни, проверяете меня?

– Скорее люблюсь, – покачала головой Джемма. – В проверке уж кто-кто, а вы не нуждаетесь.

Осознав, что тут ее присутствие не требуется, она вернулась в дом и принялась за уборку, а потом и за стирку. Бабушка увезла дедушку – Уильяма на прогулку к морю, Кэтрин ушла в Локерстоун за покупками, Оливер пропадал целый день в своем магазинчике – никто не мог ей помешать заниматься домашними делами, никто не мог заставить ее прилечь. Перестирыв белье, Джемма подхватила тяжелый таз с простынями и направилась на задний двор.

Через двор были протянуты бельевые веревки. Джемма развесила простыни и выпрямилась, удовлетворенно разглядывая итог своей работы и машинально потирая рукой ноющую поясницу. Белые полотнища полоскались на ветру, от них остро веяло мыльной свежестью.

Она взяла опустевший таз, чтобы вернуться в дом, и в следующее мгновение резкая боль схватила низ живота. От неожиданности Джемма охнула и согнулась пополам, роняя таз, тот жалобно звякнул и покатился. Боль затихла, но тут же повторилась. Чтобы распрямиться и сделать шаг, Джемме понадобились все ее мужество и упорство.

Морщась от боли и быстро, мелко дыша, полусогнувшись, она медленно добралась до теплиц, откуда доносился голос мистера Кроули, и вцепилась в дверь.

– Мистер Кроули!

Он метнулся к ней и тотчас заметил ее мучную бледность.

– Что случилось, Джемма?

Джемма стиснула зубы и прошептала:

– Кажется, время пришло.

Мистер Кроули без дальнейших пояснений подхватил ее на руки, крикнув от натуги. Он был уже не молод, а Джемма никогда не славилась хрупкостью, тем более теперь, поправившись на двадцать шесть фунтов.

– Я сама, – попробовала протестовать она, но Кроули уже тащил ее в дом. Его лицо покраснело то ли от ее тяжести, то ли от волнения. Опустив женщину на кровать, он заколебался.

– Отправьте кого-нибудь за Оливером, – продолжала цедить она сквозь зубы. – И за мистером Нельсоном. Это врач. Маму можно не искать, она сама скоро вернется.

Натан Кроули, несмотря на напряженность момента, усмехнулся: эта девчонка все-таки прирожденный руководитель. Рожает, а указывает, будто он сам не догадается.

Но, не успев озвучить это, Кроули уже бросился к ней и похлопал по щекам.

– Эй-эй, девочка, ну-ка! Не смей так пугать старика...

Глаза Джеммы закрылись, щеки и губы помертвели. Она потеряла сознание.

Джемма стояла перед Домом. Это был большой красивый особняк, похожий на те, что она видела в том английско-шотландском городке. Как же он назывался? Джемма не могла вспомнить, сколько бы ни старалась. Плющ и жимолость вились по темной, словно затянутой серо-жемчужным бархатом, каменной стене. Окна походили на глаза, обращенные внутрь дома.

Кусты в палисаднике разрослись, заняв половину клумбы, где доцветали синие лобелии. Но осень захватила их в свой плен, и кусты медленно, с шелестом осыпались, роняя мелкую багряную листву.

Джемма шагнула на первую из шести ступеней, ведущих в дом. Плита почти полностью ушла в рыхлую осеннюю землю, и на нее со всех сторон напозвала непобедимая трава. Прежде чем нога коснулась второй ступени, дверь Дома распахнулась.

Яркий свет ударил по глазам. Джемма хотела рассмотреть человека, сбежавшего к ней по ступеням, но глаза щурились и не желали открываться. Ее пальцы сжала его крепкая теплая рука с сильными пальцами, и Джемма радостно встрепенулась. Рука потянула ее. Джемма безропотно повиновалась и пошла, ведомая, покорная, все дальше и дальше от Дома, плечом к плечу с ним, по аллее, на которой не слышно шагов.

– Почему она так долго без сознания? С ней что-то не так? Ей больно? – Оливер засыпал вопросами мистера Нельсона.

– Я... – неуверенно начал врач, но тут ресницы Джеммы задрожали. Она очнулась и тут же села на кровати, но новая схватка, сильнее предыдущих, отбросила ее обратно на подушки.

– Джемма, я здесь! – Оливер схватил ее руку. – Ничего не бойся!

Кэтрин, дрожащая от волнения в углу, приблизилась к постели и

заглянула дочери в лицо.

– А, ну вот вы и очнулись. Я был уверен, что это ненадолго, – тут же нашелся мистер Нельсон, неуверенность испарилась, и к нему вернулся его деловитый вид. – А теперь мы попросим будущего папашу удалиться, да?

Оливер заупрямился:

– Разве это так необходимо? Я хочу остаться!

– Нет, Олли, не надо, – тихо, но убедительно пробормотала Джемма, стараясь не вскрикнуть от боли. – Все хорошо. Иди.

Оливер закивал головой, с тревогой поцеловал ее и почти выбежал за дверь. Осознав, что можно больше не сдерживаться, Джемма протяжно, низко застонала. У Кэтрин волосы зашевелились от этого звука – так, наверное, стонали в родах самки диких животных. Все ее знакомые женщины, наоборот, пронзительно вскрикивали.

Низкий утробный стон повторился. Кэтрин захотелось зажать руками уши, но она поняла, что не имеет права – ведь это мучается ее дочь! Она села на край кровати и рукой обтерла росинки пота, мелко поблескивавшие на веснушчатом лбу и верхней губе. Рядом суетилась с медицинскими инструментами, бинтами и водой дородная акушерка, вызванная Нельсоном в помощь.

Мистер Нельсон нырнул под простыню:

– Так, уже лучше. Дышим глубоко и медленно, давай как я: вдох... и вы-ы-ыдох.

В Джемминых потемневших глазах сверкнуло раздражение. Кэтрин погладила ее плечо.

– Мама, уйди. Не хочу, чтобы ты видела меня такой.

– Доченька, Джемма, что ты такое...

– Уйди, мама, так будет лучше, – Джемма глубоко вздохнула. Кэтрин огорченно кивнула и вышла.

– А вы странная, – улыбнулся мимоходом Нельсон, натягивая медицинские перчатки. – Всех выставить за дверь... Обычно дамы, наоборот, держатся за родных... ну что, сделаем укольчик обезболивающий, а?

– Никаких уколов, – свирепо остановила его Джемма. – Я сама.

«Вот ведь bestия», – поразился про себя Нельсон.

– Современная медицина, – начал было он, но замолчал, остановленный ее яростным, звериным взглядом. Акушерка, немолодая и явно более опытная, наоборот, усмехнулась и крепко сжала ее руку:

– Молодец, девочка. Давай покажем сейчас мужикам, как это – рожать! Покажем?

Джемма скосилась на акушерку. Кажется, с этой женщиной у нее установилось взаимопонимание. Ее губы дрогнули, но в этот момент схватка стиснула ее внутренности, и из горла опять раздался этот страшный гулкий протяжный стон.

Кэтрин, прислонившись с той стороны к двери, услышала звук, от которого по спине пошли мурашки, и тут же бросилась в гостиную. Оливер, следовавший по пятам, ощутил, как внутри все начинает содрогаться: таким непонятным было зрелище, развернувшееся перед ним. Кэтрин распахивала дверцы книжных и платяных шкафов, выдвигала ящики старого резного комода, раздвигала створки буфета. Вся комната стала неприятной, как после разорения, оцетинившейся. Дедушка Уильям и бабушка Джеральдина не удивлялись, как будто такое поведение Кэтрин было в порядке вещей. В ее методичности, сосредоточенности, с которой она выполняла однообразные, заведомо бессмысленные действия, было что-то от язычества – и безумия. Наконец, Кэтрин распахнула и окна в гостиной – и перешла в следующую комнату.

– Кэтрин, остановитесь! – Оливеру стало действительно страшно.

– Это давний обычай. Нужно раскрыть все двери, чтобы Джемма тоже раскрылась и выпустила ребенка.

Несмотря на объяснение, Оливеру было не по себе. Он вернулся к двери в спальню и прислонился лбом к прохладной дубовой панели.

Роды длились несколько часов. Тихий летний вечер догорел, никем в доме не замеченный, кроме самой роженицы. Ей с кровати был виден лоскут опалового неба, а от вымытого ею накануне оконного стекла отражался луч и падал ей на лицо. Он напоминал ей другой свет, только что виденный в странном сне, бивший из дверей Дома. Ветер доносил в комнату запахи моря, парной земли после короткого дождя и цветущего сада.

Ночью бдение продолжилось. Пока Джемма металась в мокрой постели, без усталости подбадриваемая акушеркой и мистером Нельсоном, остальные сидели в гостиной, где все так же шкафы зияли распахнутыми дверцами. Сквозняк гулял по комнате и шевелил синие шторы. Тускло горел ночник.

Наконец в половине четвертого, в самый темный и таинственный час, звуки, доносившиеся из спальни, изменили свой тон с тревожного на облегченный. Оливер, мгновенно уловив разницу, подскочил и в три прыжка оказался на пороге, распахнул дверь.

Мистер Нельсон держал в простыне маленькое скользкое тельце, розово-синее и покрытое слизью. Акушерка смотрела на ребенка с

одобрением, Джемма все еще, казалось, не осознала, что мучения прекратились, ее взор был затуманен, а брови сосредоточенно нахмурены. Только руки беспокойно шарили по постели в поисках чего-то.

– Сынок у вас, – хмыкнул радостно мистер Нельсон. – Мои поздравления! Крепыш.

– Почему... почему он не плачет? – испугался Оливер. – С ним...

– Полный порядок. Жизнь слишком хороша, чтобы реветь, – хохотнула акушерка.

Лицо Джеммы прояснилось и обрело осознанность.

– Дайте мне, – тоном, не терпящим возражения, приказала она, и все, стоявшие в комнате, невольно вздрогнули. Ее голос окреп и никак не выдавал пережитых физических страданий.

Мистер Нельсон торопливо положил молчащего мальчика матери на сдвинутые под простыней колени. Все затаили дыхание.

Взглянув в его жаркие васильковые глаза, такие знакомые и долгожданные, Джемма заплакала от облегчения. Сморщенное от влаги личико, слипшиеся волосы – все это не имело значения. Она с первого взгляда узнала своего ангела.

«Привет», – хотела прошептать она, как шептала ему всю жизнь. Он всегда был с ней, но сегодня – впервые видимый и осязаемый. Настоящий.

– Наконец-то, – прошептала ему она.

Их ожидание окончилось. Карлайл протянул к ней ручки, и Джемма прижала его к груди.

В Локерстоуне говорили, что Джемма Хорни навряд ли будет хорошей матерью: слишком уж резкая, упрямая, у таких обычно терпения на ребенка не хватает. А ведь материнству надо научиться, и дело тут не только в том, как пеленать, кормить и подмывать маленькое существо. Научиться понимать, что теперь ты за него ответственен и что твоя жизнь теперь принадлежит не только тебе самой, а ему. Что он зависит от тебя полностью...

– Не знаю, не знаю, – поджала губы миссис Китс, ставя перед Роузи Сильвер тарелку жареного лосося с травами и овощами. Почтальонша как раз зашла в таверну «Гарпун» пообедать и обсудить рождение маленького Хорни. Пока Мюриэл ходила на кухню, у нее было время обдумать этот вопрос: какова Джемма в роли матери.

– Мне кажется, Джемме придется долго учиться, – продолжала миссис Китс, присев на свободный стул и наклоняясь к Роузи поближе. – Она ведь такая своенравная, ты и сама, Роузи, знаешь и мне не дашь соврать. Оливер

уж на что терпелив, а она его не слушается! А теперь вот ребенок. Ей, поди, невдомек, что теперь нужно будет все свое время ему уделять и ее собственные желания никого больше не интересуют. Представляю, что будет, когда она это осознает... Она-то ведь только о себе и думает. То ли дело моя Бетси...

Роузи закивала, отчего ее глаза навывкате чуть не вывалились, как у пекинеса. Хозяйка продолжала расписывать, какая заботливая у нее старшая дочь, и ласковая, как домашняя кошечка, – а Джемма выскользнула из их мыслей, как арбузная косточка из сжатого кулака.

Самой Джемме до всех этих бесед не было никакого дела. Да ей не было дела и до всего остального в мире. Ее вселенная сжалась – или разрослась, – до размеров колыбельки, где посапывал Карлайл Джозеф Хорни. Кровать стояла в родительской спальне. Это была резная колыбель из дуба, сделанная когда-то давно бабушкой Уильямом для их с бабушкой Джеральдиной первенца, и с тех пор тут успели увидеть свои первые сны все их дети, в том числе и Кэтрин. После Кэтрин здесь спала и сама Джемма. А теперь вот Карлайл. Проснувшись рано утром, он непременно начинал водить пальчиком по хитрым переплетениям дубовой резьбы, мягким отполированным завитушкам и выемкам. Свет был приглушенным из-за темного полога, куполом спускающегося на кровать. За этим занятием сына и заставляла Джемма. Она наклонялась к нему, улыбающаяся, счастливая, и гладкие завитушки переставали его занимать. Весь свет мира был не таким теплым, ясным и важным, как это лицо, большое, наклоняющееся, приближающееся откуда-то...

Первая мысль Джеммы была о нем – каждое утро. По ночам она часто вставала, выпутываясь из объятий Оливера и с тревогой подходила к кровати, склонялась, прислушивалась к дыханию ребенка. Он дышал мерно и легко, и она успокаивалась, чтобы ровно через час снова проснуться и прислушаться. Звук его дыхания был для Джеммы непрекращающимся чудом.

Карлайл почти не плакал и не хныкал, как другие дети, – новоявленная бабушка Кэтрин удивлялась. Возможно, дело было в том, что Джемма чувствовала все его желания еще до того, как они начинали возникать в его маленькой голове. Она читала его лицо, его движения как давно изученную наизусть книгу. Одно слабое шевеление губ – и она подносила сына к полной, налившейся молоком груди. Один взгляд – и вот она протягивала и вкладывала в крохотные ручонки заинтересовавший его цветок, листик, лоскуток ткани. Джемма была неутомима, готовая каждую минуту качать, развлекать, кормить... Ее терпение, раньше бывшее весьма скудным, нашло

какой-то скрытый, почти бесконечный резерв. Вся семья только диву давалась.

Впрочем, терпение Джеммы распространялось только на Карлайла. К замечаниям со стороны матери она была все так же глуха. Она игнорировала советы, не пеленала сына туго, как того требовали правила, и кормила не по часам. На все у нее был только один ответ – вздернутый подбородок и ревнивый жест, которым она прижимала к себе свое дитя.

Вечерами Джемма долго качала кроватку. Карлайл никак не хотел засыпать, он не сводил глаз с материнского лица. Тогда Джемма начинала напевать колыбельную. Эта мелодия была ей знакома, только она так и не вспомнила, откуда. Джемме всегда становилось досадно, что ее голос не может передать все великолепие музыки, звучащей у нее в голове. Музыка вилась, задумчива и нежна, и словно рассказывала о чем-то Джемме, а Джемма пыталась пересказать Карлайлу, как могла...

Наконец глазки сына закрывались, и Джемма еще долго смотрела на него. Ей казалось, что в этом маленьком дышащем существе слились ее прошлое и будущее.

И лишь одному человеку в доме с каждым днем жизни Карлайла становилось все хуже. Оливер с тоской вспоминал те дни, когда глаза Джеммы смотрели на него с нежностью, с любопытством, с заботой – да с любимым выражением, но ведь смотрели! Он забыл те ночи, когда молодая жена улыбалась во сне, но не ему. Забыл, как Джемма была отстраненна и задумчива временами, как упускала нить разговора. Оливеру казалось, что раньше она принадлежала ему без остатка. Услужливая память латала воспоминания, штриховала их и выдавала картину безоблачной, неомраченной идиллии, которая царила между супругами до рождения их первенца. И молодой отец не мог прогнать от себя мысль, что Карлайл украл самое дорогое, что было у него.

Даже с Кэтрин, такой понимающей и такой любящей своего зятя, Оливер не мог поговорить по душам. Казалось, что женщины в доме – Джеральдина, Кэтрин и Джемма – просто обезумели с появлением крошечного малыша. Шли месяцы – все по-прежнему крутилось вокруг него. Дедушка Уильям и то появлялся в гостиной или спальне только для того, чтобы понянчить правнука. А Оливеру доставался дружеский кивок.

Возможно, сам Оливер и не отдавал себе в этом отчета, но такое поведение было похоже на отношение к нему в родительском доме. С самого детства этот мальчик был предоставлен многочисленным нянькам, а потом и учителям, призванным сделать из него достойного наследника отцовского состояния и фирмы и не способным заменить родительское

внимание и тепло. Миссис Аделаида Хорни была занята просветительской и благотворительной деятельностью, сам мистер Джозеф Хорни почти не появлялся в своем роскошном особняке в центре Эдинбурга. Оливер и его младший брат Бенедикт не видели родителей неделями. Однако брата Бенни это не особо беспокоило, он был всем доволен, особенно количеством игрушек. С возрастом игрушки менялись, на смену игрушечному паровозу приходил вороной пони, а за ним и первый автомобиль. Дети Хорни выросли: Бенни был рад, что теперь может кутить, сорить деньгами направо и налево, Оливер же тяготился скорым вступлением в правление фирмы. В тот день, когда отец наконец озвучил свое желание сделать Оливера своим наследником, Оливер понял, что это его звездный час. Он может согласиться – и всю жизнь прожить как отец, не видя ни жены, ни детей, а только столбцы цифр и подобострастные рожи подчиненных. И он отказался, вывалив отцу первый и единственный раз ворох своих мыслей и обид, накопившихся за время одинокого богатого детства и юности. Уходил он, проклиная отцом, внутри злорадствуя, что теперь отцу придется в кои-то веки помучиться с сыном: нет, не с ним, а с младшим Бенни, который имел все возможности за пару лет погубить процветающее дело отца. Сам же Оливер открывал новую страницу своей жизни, покинув Эдинбург и переселившись как можно дальше, хотя и в пределах острова, от родителей и всего, что было связано с ним прежним. Все, что, по большому счету, осталось у него, было его внимательностью и обаянием, которое как в детстве, так и теперь позволяло ему очень быстро входить в доверие, нравиться людям. Он встретил Джемму, и в душе затеплилась надежда, что теперь все может быть лучше, намного лучше.

Сейчас, с горечью глядя на собственную жену, он содрогался при мысли, что его снова бросили, теперь уже навсегда.

– Ну-ну, не надо так драматизировать! – привел его как-то в чувство голос миссис Китс, раздавшийся посреди невеселых раздумий.

Магазинчик Оливера «Хозяйственные товары Хорни» стоял на соседней улице с таверной Китсов «Гарпун», и в последнее время Оливер все чаще заходил обедать не домой, а сюда. Мюриэл Китс искренне его любила и все время сожалела, что он достался в мужья не Бетси, а этой выскочке Донован, которая к тому же этого не ценит. Тем не менее, после второй пинты стаута выудив причину его черной грусти, миссис Китс решила успокоить молодого Хорни.

– Оливер, милый, вы просто очень молоды, – продолжала миссис Китс. – Вы наоборот должны радоваться, что Джемма стала такой заботливой матерью вашему сыну! С ее характером это даже поразительно.

Никто и не мог предполагать... ммм, то есть я хочу сказать, вы же знаете ее лучше всех, вот вам и удивительно это... В общем, женщина всегда меняется с появлением ребенка. Он такой маленький, ему так нужны забота и внимание. Наверняка ваша мама крутилась вокруг вас круглые сутки, а ваш папа ревновал ее...

Миссис Китс поправила пару вылезших из прически шпилек, ненароком взглянув на лицо Оливера. В городе никто не знал до сих пор, где родители Хорни – и вообще откуда он такой взялся. Только Джемме, да и то без подробностей, он рассказал свою историю. Сейчас любопытство Мюриэл тоже не было вознаграждено, Оливер промолчал, только на его красивом лице отразилась тщательно скрываемая досада. Миссис Китс, поняв, что рассказа она не услышит, снова заговорила:

– Если бы вы только видели, как Джон бесился, когда я суетилась вокруг своих девочек! Прямо черный ходил. А теперь что? Видите, какие они выросли. И ваш вырастет. Думаю, это того стоило!

Словно в ответ на материнские слова, в таверну впорхнули Бетси и Маргарет. Точнее, впорхнула только Бетси, Маргарет последовала за ней, громко стуча подошвами. Увидев Оливера, Бетси вспыхнула, и от этого стала еще краше. Румянец залил ее нежные щечки, на губах-вишенках заиграла улыбка. Оливер привстал и поклонился девушкам. Мюриэл Китс смотрела на них с удовольствием.

– Ну, вот видите, Оливер. Стоили они терзаний Джона?

Девушки, не понимая, о чем речь, забавно переглянулись, и впервые за долгое время на сердце у Оливера полегчало.

– О да, миссис Китс, определенно! – рассмеялся он.

Бетси, уловив, что в его голосе читается явное одобрение, сверкнула на него чудесными глазами в обводке ресниц, таких темных, что в сочетании с ее льняными волосами это наводило на мысль о черной туши.

Миссис Китс вернулась к остальным посетителям, оставив дочерей беседовать с Оливером. Она несколько раз бросала на его столик пронизательные взгляды. Сначала ей нравилось, что Оливер оживился от серебристого девичьего смеха. Но через полчаса, увидев скучающую Маргарет и расцветающую на глазах Бетси, глаза которой разили Оливера светом сильнее плимутского маяка, она вспомнила, что этот молодой мужчина женат и недавно стал отцом, и пообещала себе, что отчитает вечером Элизабет за такое неподобающее поведение.

Времена года сменяли друг друга, вслед за мягким теплым корнуолльским летом приходила такая же мягкая влажная зима, а за ней

снова лето. Джемму околдовывало течение времени, она видела, как сезоны сменяют друг друга в глазах Карлайла: зимой синева его глаз становилась бледнее, летом – ярче. Так прошло несколько лет. Карлайл из свертка пеленок и марли превратился в бойкого мальчугана, с криками носящегося по окрестностям. Он уже так сильно не нуждался в опеке матери, и Джемма с радостью отпускала его от себя – чтобы с еще большей радостью прижать его к себе, когда он вернется домой.

Ее трепетная любовь к сыну нисколько не уменьшилась. Вечерами, сидя за шитьем в гостиной, она то и дело краем глаза следила за ним и улыбалась. Эта улыбка выводила Оливера из себя: ее озаренное лицо было точно таким же, как когда-то в предрассветный час, обращенное к таинственному гостю ее сновидений. Надежды не оправдались, обещания Мюриэл Китс тоже. Джемма была неизменно приветлива с ним, но Оливер чувствовал ее отстраненность. Возможно, если бы он взглянул на это здраво, он вспомнил бы, что Джемма всегда была такой. Кэтрин помнила, что ее дочь никогда не ластилась ни к кому, как пушистый котенок, ее мысли и мечты всегда оставались загадкой, даже в медовый месяц, особенно когда взгляд устремлялся к холмам или морю. Но Оливер не мог этого вспомнить, все чаще поднимающаяся горечь затапливала его разум и жгла горло.

Кроме Оливера, ни с кем не делившегося своим горем, остальные довольно скоро привыкли к этой странной парочке: Джемме и Карлайлу. Сначала мать, миссис Китс и другие женщины советовали Джемме реже брать его на руки, не баловать, ведь иначе ребенок вырастит неженкой! Джемма не слушала. Чуть позже они советовали не нестись к нему по первому зову, не целовать разбитые колени – ведь мужчина должен научиться сам справляться с трудностями. Джемма отмахивалась. Она знала этого человека лучше, чем кого-либо на земле, и вместе с этим знанием в ее вены вливалось знание каждого его помысла, каждого стремления его души.

Интереснее было другое. Карлайл не становился ни неженкой, ни плаксой. Та мудрость, которая раньше смущала людей в Джемме, ее взгляд из глубины времен – все это передалось и Карлайлу. Он быстро вырос, и мальчишки постарше уже приняли его в свою компанию, а потом и вовсе признали своим вожаком. Они целыми днями пропадали на пустошах, гоняли в редком лесу белок, пускали кораблики в мелкой речушке.

– Боже, Джемма, – качала головой жгучая Кэролайн Сондер, мать близнецов Гарри и Джонни Сондеров, друзей Карлайла. Их дом стоял ближе всего к ферме, на окраине Локерстоуна. – Как ты можешь быть так

спокойна, когда эта малышня скачет не пойми где?! Я все время места себе не нахожу.

– Все просто, Кэрол, – пожимала в ответ плечами Джемма. – Если ему будет грозить опасность, я почувствую.

Кэролайн только хмыкала. Она не знала, верить ей или нет. Хотелось бы не поверить, усмехнуться, мол, что за самонадеянность, Джемма... Но Кэролайн не спешила. Она слишком часто бывала свидетелем странной, необъяснимой связи этой парочки.

Однажды (Карлайлу только что исполнилось восемь лет) он пришел на чай к своим друзьям-близнецам, которые были старше его на два года. Без умолку бубнил новенький, уже цветной телевизор. Кэролайн угощала сорванцов только что испеченными маффинами с черничной начинкой, мальчики наперебой твердили о новом фильме про какого-то Бонда, кажется, военного, впрочем, Кэролайн не слушала. Но она отчетливо запомнила момент, когда Карлайл выронил надкусанный кекс и смертельно побледнел. Кэролайн испугалась, что мальчик подавился, и в ее мозгу пронеслась тысяча и одна страшная картина. Но Карлайл не закашлялся, он подскочил как ужаленный и бросился вон из дома.

– Мама, там что-то с мамой случилось! – твердил он в таком ужасе, что Кэролайн и сама поддалась панике. Оставив собственных детей дома, она побежала вверх по склону к ферме Донованов-Хорни. Карлайл несся в нескольких ярдах перед ней, огромными скачками в два раза больше его самого.

Он ворвался в дом, сотрясая его оглушительным криком:

– Мама!!!

– Я здесь, солнышко... – донеслось в ответ.

Джемма выбиралась из подвала, держа левую руку неестественно вывернутой. Оказалось, что она полезла в погреб, чтобы достать вишневый компот, и упала с лестницы: прогнила ступенька. Через час, пока доктор Нельсон гипсовал Джемме сломанную кисть, Кэролайн с внутренней дрожью высчитывала: Джемма упала в погреб, потеряла сознание от боли, очнулась и начала выбираться. Ровно столько времени понадобилось Карлайлу, чтобы домчаться от дома Сондеров до фермы... Теперь он молчал, спокойно наблюдая за действиями доктора, но от Кэролайн не укрылись взгляды, которыми обменивались эти двое: тревожный у него, успокаивающий – у нее.

В этот день Карлайл твердо решил, что станет врачом. Чтобы его любимая никогда не испытывала боли.

Главным занятием Джеммы теперь, когда Карлайл подрос, стало шитье, оно постепенно вытеснило ее заботы о ферме, тем более что там теперь всем распоряжались мистер Кроули и Оливер. После того как вся семья, включая дедушку с бабушкой, стала появляться в городе в новых нарядах, у горожан возник вполне резонный вопрос, где они это купили. Кэтрин с гордостью отвечала, что это все ее Джемма. В меру поудивлявшись, жительницы Локерстоуна стали забегать на ферму теперь уже не только за молоком, мясом или яйцами.

Сначала Джемма шила просто в свое удовольствие, и постепенно пришло осознание того, что она приобрела новую профессию, которая может принести в дом дополнительный доход. Так она оказалась лучшей портнихой в городе, которая за умеренную плату могла творить чудеса.

Джемма честно следила за модой, Роузи Сильвер каждый месяц передавала ей в руки кипу журналов, и несколько дней проходили в их тщательном изучении. Джемма рисовала в своем блокноте увиденные модели, изменяла их по своему вкусу, прикидывала ткани и отделку. Обитательницы Локерстоуна были не так раскрепощены, как думали о себе, и некоторые модели ни за что бы не надели – Джемма прекрасно отдавала себе в этом отчет. Быть похожей на Твигги^[8] в крохотном Локерстоуне? Боже упаси, это просто нелепо. Но под карандашом Джеммы эти же модели становились воплощением привычного в этих местах вкуса.

Самой смелой в отношении одежды оказалась, как ни странно, Маргарет Китс, рассудительная тихоня, как все привыкли о ней думать. «Все теперь протестуют, – усмехнулась про себя Джемма, услышав слова Маргарет о наряде, который та собиралась заказать. – А кому тут еще протестовать, как не Маргарет? Красавица Бетси никогда не пойдет против устоев, мозгов не хватит...»

Маргарет первая надела в Локерстоуне мини-юбку. Джемма отлично знала, что бум мини уже прогремел по модным столицам мира, но не здесь, на самом краю британского острова. Поэтому появление Маргарет в чудесной зеленой юбке мини из джерси произвело фурор, даже несмотря на попытки Джеммы сгладить эффект за счет вполне приличного изящного жакета в тон. Не прошло и получаса после выхода Маргарет в свет, как на ферму уже явилась разгневанная матушка Мюриэл. Она долго не могла перевести дух, ее серая шляпка с пером и вуалью съехала набекрень, а изо рта вылетали нечленораздельные звуки:

– Вы... Джемма... Нет, я не позволю!.. Это недопустимо. Ей еще замуж... Вы понимаете? Недопустимо!.. И что скажут...

– Миссис Китс, – улыбнулась Джемма. – Если вы по поводу Маргарет

и ее юбки...

– Ну а по поводу чего еще?!

– Она взрослая и рассудительная девушка. И сама решит, во что ей одеваться.

– Вам, Джемма, должно быть стыдно! – палец Мюриэл с артритными суставами затрясся перед самым носом. – Вы сами давно замужем! И меня не волнует, какие там у вас отношения с Оливером! Но это недопустимо, потому что Маргарет еще только предстоит устроить свою жизнь. Еще не хватало, чтобы ее посчитали распущенной из-за этого глупого наряда.

– Миссис Китс, – начала Джемма и тут же вспомнила, что когда-то говорила своей матери, Кэтрин, в ответ на подобные заявления. – Сейчас двадцатый век. Чтобы устроить свою жизнь, выходить замуж вовсе не обязательно.

– Ну знаете! – выдохнула после полуминутного оцепенения Мюриэл. Хватая ртом воздух, она еще силилась что-то сказать, но потом резко развернулась и ушла.

– И даже ее спина выказывала презрение ко мне, – со смехом рассказывала Джемма семье, сидя вечером за шитьем.

– Ох, Джемма, ты все такая же сумасбродка. Ну зачем злить людей? – покачала головой Кэтрин.

– Я не злю, мам, я отстаиваю их права.

Оливер залюбовался ее гордым видом. Она сидела рядом, такая любимая, далекая Джемма, его жена. Он уже открыл рот, чтобы сказать, что поражается ее смелости... В этот момент Карлайл поднял голову от рисунка, который чертил карандашами, сидя на полу, и протянул Джемме через всю комнату свой обожающий синий взгляд:

– Просто мама самая смелая и никого не боится.

Все засмеялись, Оливер стиснул зубы и судорожно сглотнул.

Происшествие с мини-юбкой Маргарет не отвратило клиентов от Джеммы, а наоборот, привлекло их еще больше. За мини пошли клешеные брюки. Даже туристки, приезжавшие в Локерстоун на лето, замечали наряды местных жительниц и стремились увезти с собой хотя бы что-то похожее. Джемма умело сочетала ткани, расцветки и текстуры, много экспериментировала – и бывала вознаграждена за это восторженными взглядами клиенток. Она давно уже поняла, что удовольствие, с которым женщина оглядывает в зеркале себя и свой новый наряд, пожалуй, самое приятное явление в ее работе.

Шитье и Карлайл – вот все, что занимало ее мысли на протяжении дня. Когда начинало вечереть, Джемма откладывала работу, останавливала

жужжание швейной машинки и выходила на крыльцо – как она объясняла всем, подышать воздухом.

На крыльце она на мгновение прислушивалась. Потом выходила к калитке, от которой в три стороны разбегались тропинки, выбирала одну из них и неторопливо шла. Не прошло и пары минут, как на другом конце тропинки в липких сиреневых сумерках появлялась маленькая фигурка. Карлайл шел, едва сдерживая нетерпение. Он точно слышал, когда мать выходила на крыльцо и мысленно звала его. Кивнув приятелям на прощание, он тут же направлялся к дому, где бы ни находился. И всегда встречал ее здесь, на полпути к нему. Любая тропа неизменно приводила их друг к другу, и в дом они возвращались уже вместе, держась за руки, посмеиваясь и рассказывая что-нибудь из недавних мыслей, происшествий, новостей.

Кэтрин, бабушка Джеральдина, дедушка Уильям, мистер Кроули, работники фермы – все привыкли к этим совместным появлениям Карлайла и Джеммы по вечерам. Они были уверены, что Джемма подарила Карлайлу часы и назначает ему встречу каждый день, только никому об этом не говорит. Поэтому-то она так спокойна – ведь сын послушен и всегда приходит вовремя, не доставляя хлопот и волнений, которые когда-то Джемма причиняла Кэтрин.

Вот только никаких часов никто никогда у Карлайла не видел.

После их возвращения семья обычно садилась ужинать. В тот вечер (Джемма запомнила это совершенно отчетливо) на столе рядом с обыденным йоркширским пудингом исходил жирным соком ростбиф. Оливер рассказывал что-то о поставках и выгодном договоре, заключенном им днем. Джемма вежливо кивала, украдкой поглядывая на сына. Она заметила, что его волосы отросли и длинная прядь падает на лоб: «Надо бы подстричь, хотя ему так идет эта прическа! Но пусть лучше его зрение останется в порядке...» Миг – и он улыбнулся ей из-под этой пряди одними глазами. Оливер замер на полуслове и побагровел.

– Сядь нормально! – рявкнул он Карлайлу так, что все сидящие за столом вздрогнули. Джемма окаменела и внутренне подобралась, готовая броситься на защиту сына. Но Карлайл встретил окрик отца, вздернув подбородок.

– Я нормально сижу, – тихо, но твердо ответил он.

Стакан Оливера со стуком опустился на скатерть.

– Как с отцом говоришь? Щенок! Быстро встал и пошел в угол. И сегодня обойдешься без ужина.

Карлайл молча встал и неторопливо отправился в дальний угол

столовой.

– Оливер... – мягко начала озадаченная – Кэтрин.

– Это уже ни в какие ворота! – Оливер перебил ее, брызгая слюной. – Ребенок отвратительно воспитан! Даже за столом сидит, развалившись! И все это потому, что вы все его чуть не в задницу целуете, вместо того чтобы нормально... растить!

Джемма резко встала, почти отшвырнув от себя тяжелый стул. Ее лицо заострилось от злости, и даже веснушки на нем стали бледнее.

– Можно? Тебя? – Не дожидаясь ответа Оливера, она покинула гостиную, и в спальне за ней хлопнула дверь.

В этот вечер Оливер высказал ей все.

– Ты носишься с ним все время! Даже когда его нет рядом, ты все равно там же, где и он, Джемма! Может, тебе психиатру показаться? Это ненормально!

– Оливер, ты не понимаешь, что говоришь.

– Я-то отлично понимаю. Я знаю, что ты даже не слушаешь, что я говорю, не знаешь, что я делаю. Я, понимаешь? Я – твой муж. После того как ты его родила...

– Оливер, – голос Джеммы понизился до шипения. – Я его родила, но ведь это твой сын. Наш сын. Как ты можешь быть таким несправедливым?

– Я ненавижу его, – выдохнул Оливер и тут же пожалел о своих словах. В почерневших глазах Джеммы он видел, что летит вниз, в пропасть, из которой никогда не выберется – по крайней мере, для нее. В это мгновение он понял, что все потеряно и больше ему терять уже нечего. – Он забрал тебя! А ты была моей. Ты думаешь, как он, говоришь, как он, смеешься, как он. А где МОЯ Джемма?

– А ты не задумывался, что твоей Джеммы никогда не существовало? Что ты ее придумал?

Это было жестоко. Внутри все у Джеммы клокотало, но она полностью отдавала себе отчет в словах. И она хотела, чтобы Оливеру было сейчас больно. Потому что ей от его слов было в миллион раз больнее. Он только что сказал, что не любит их сына, более того, ненавидит его. И пусть это было сказано в пылу ссоры, что-то подсказывало Джемме, что в этих словах было больше правды, чем казалось.

А в углу столовой Карлайл, честно уткнувшись в светлые выгоревшие обои, кусал губы. Он не понимал, чем вызвал гнев отца, но не это его волновало. Гораздо более сильным было чувство тоски, змеей свивавшееся в тугой узел где-то в груди. Тоска эта принадлежала не ему – ее испытывала мама там, за захлопнувшейся дверью, откуда доносились только

приглушенные гневные голоса. И мамина тоска была куда сильнее его собственной обиды.

После ссоры в доме было тихо и тяжело. Кэтрин быстро уложила в кровать внука и стала хлопотать вокруг престарелых родителей. Она была так напугана странной вспышкой Оливера, что, помогая Джеральдине раздеться, украдкой глотала слезы.

– Кэти, дочка, – поймала мать ее руку своими подрагивающими пальцами. – Не переживай. Милые бранятся... Сама знаешь. Помиряются.

– Я знаю, мама, – вздохнула Кэтрин.

Джеральдина кивнула и покачала головой, переглянувшись с дедушкой Уильямом. Кэтрин помогла ему перебраться из инвалидного кресла в кровать и поцеловала пергаментные щеки родителей.

– Спокойной ночи.

Ссора в спальне Джеммы и Оливера затихла, но Кэтрин, проходя мимо их двери, замерла, чтобы убедиться в этом еще раз. Тишина...

Она заглянула и в комнату Карлайла. Тот посапывал, до носа укрытый лоскутным одеялом, когда-то сшитым Джеммой. Только после того, как его бабушка прикрыла дверь, он осмелился сесть на кровати.

В доме снова было спокойно. Засыпая, Кэтрин надеялась, что спокойствие больше не нарушится.

А Джемма и Оливер, лежа рядом, не смыкали глаз. Оливер чувствовал, что между ними не только слой покрывала и несколько дюймов незанятой постели – между ними сотни миль и сотни веков.

– Ну Джемма, – взмолился он, найдя ее руку и впиваясь в нее безнадежным поцелуем. – Прости меня, милая. Прости. Сам не знаю, что на меня нашло.

– Все в порядке, Оливер.

– Прости меня, я не хотел так говорить. Само вырвалось. Ты же знаешь, что это неправда.

– Знаю.

Оливер приблизился к ней и обнял. Джемма не шелохнулась.

– Ну же, Джемма... Поцелуй меня, скажи, что не обижаешься.

– Я не обижаюсь, – произнесла Джемма. Но так и не поцеловала. Мягко отстранилась и нащупала ногами туфли на холодном полу. – Знаешь... Я все равно не засну. Пойду подышу воздухом в саду... Ты спи, я скоро вернусь. Спокойной ночи.

Для убедительности она погладила мужа по голове. Оливер тяжело вздохнул и снова поцеловал ее руку.

Джемма выскользнула в сад. Она умела держать себя в руках, но с

каждой минутой, проведенной рядом с Оливером, это становилось все труднее. Только тут она могла почувствовать себя освобожденной из его клетки.

Над садом качался узенький народившийся месяц. Света он почти не давал, и все вокруг тонуло в глубокой ватной тьме, наполненной шорохами. Пел дрозд, в палисаднике кто-то шуршал кустами. Джемма прикрыла бесполезные глаза, чтобы еще сильнее слышать шевеление жизни вокруг.

Было безветренно, и все звуки раздавались отчетливее. Какая-то птица вспорхнула с ближайшей вишни, хрипло, отрывисто крикнула и полетела прочь, хлопая крыльями. На дорожке хрустнул гравий – пробежал какой-то зверек, хорек или полевка.

Чуть слышно скрипнула оконная рама. Сердце Джеммы радостно подпрыгнуло. По траве едва различимо шелестели быстрые легкие шаги. «Раньше мой ангел не издавал таких звуков», – улыбнулась Джемма. Маленькие, но удивительно крепкие ручонки обвили ее бедра, зашуршав тканью подола.

– А я знал, что ты не спишь. – Карлайл не видел ее, но нашел безошибочно. Они опустились на скамейку в дальней части сада.

– Это неудивительно. Ты знаешь все обо мне.

– Как это? Я ведь маленький, а ты большая... – Они разговаривали с темнотой, не видя ни глаз, ни лиц друг друга.

– Да, верно, ты маленький...

Карлайл забрался на скамейку с ногами и лег, положив голову матери на колени. Он любил так лежать и принюхиваться к ее аромату. Джемма пахла духами с жасмином, совсем как куст, усыпанный белыми цветами в конце мая. Но к этому неизменному запаху примешивались непостоянные – выпечки с ванилью, если она недавно пекла булочки, жареного мяса, или укропа и розмарина, или стирального порошка. Карлайлу нравилось узнавать такие мелочи о ней. И больше всего ему нравилось осознавать, что даже папа, наверное, не знает, чем пахнет мама сегодня, чем пахла вчера или три дня назад – а он знает.

– Помнишь, ты мне рассказывала сказку про Тристана и Изольду? – вспомнил вдруг Карлайл. Он скорее почувствовал, чем увидел, что Джемма кивнула. Помедлив, все-таки спросил:

– А папа – это наш с тобой король Марк?

Джемма вздрогнула и рассмеялась:

– Ну что ты, милый. Он нас любит.

– Король Марк тоже любил Изольду. И Тристана – он же был его лучшим рыцарем. Но он их разлучил. Мама, милая, любимая мамочка, а мы

же с тобой не разлучимся? Ты никогда не уйдешь?

– Конечно, нет, мой ангел. – Джемма погладила лоб сына, словно желая пальцами прогнать гнетущие эту маленькую головку мысли.

– Спой мне, – попросил Карлайл едва слышно.

И Джемма запела колыбельную, которая принадлежала только им двоим.

Время шло, и Карлайл вырослел. За следующие несколько лет в доме Вейлмартов-Донованов-Хорни многое изменилось.

Однажды весной, когда холмы только начинали покрываться зеленой дымкой, тихо, во сне скончалась бабушка Джеральдина. Не прошло и месяца, как за ней последовал и дедушка – Уильям.

Глядя на его умиротворенное лицо во время заупокойной службы в локерстоунской церкви, Джемма думала, что смерть иногда может быть и избавлением. После ухода Джеральдины Уильям стал только бледным подобием самого себя. Его тяготило земное существование без той, что на протяжении десятков лет скрашивала каждый прожитый день, растила вместе с ним их детей, содержала в порядке их дом. Теперь они снова были вместе – по крайней мере, Джемма очень на это надеялась.

Она всегда верила, что там, за смертью, что-то существует. Не может не существовать – ведь иначе все это, жизнь, заботы, теряло бы всякий смысл. Может, там не райские кущи с пением соловьев, и не ад с котлами и огненным жаром – но что-то должно быть обязательно!

На кладбище, когда комья земли сыпались на деревянную крышку со звонким стуком, она не чувствовала горя, только грусть и уважение к тому, как были прожиты жизни двух людей, покоящихся теперь с миром. Временами она поглядывала на Карлайла с тревогой: ведь он только ребенок и впервые переживает уход близких людей. Но его лицо было спокойным и не по-детски серьезным.

Летом в город приехало множество туристов, начался настоящий бум. Прогулочные лодки и яхты сновали по заливу яркими пятнышками, на улицах и в магазинчиках было не протолкнуться. Самые смелые совершали заплывы в холодной воде – местные купались редко, только если лето выдавалось жарким. В «Гарпуне» Мюриэл делала чуть не годовую выручку, закармливая приезжих жареной камбалой, лососем, макрелью, морским окунем, крабовыми супами и салатами, лобстерами и гребешками. Все это без устали вытаскивал из щедрого моря ее нестареющий Джон. Во дворе таверны коптилось мясо с травами, и постепенно им пропах весь город. Предприимчивый Оливер, открывший по соседству с хозяйственными

товарами сувенирную лавку, потирал руки – дела шли великолепно, и он снова стал тем же красивым и уверенным в себе мужчиной, каким когда-то приехал в Локерстоун.

Однажды попутный ветер занес в Локерстоун и Берти Кингсли, разведенного журналиста и автора очерков для столичных газет. Ему было около пятидесяти, темные волосы уже тронула импозантная седина, но он еще мог похвастаться военной выправкой, жизнелюбивым неунывающим нравом и пружинистым шагом. У Кэтрин не было шансов устоять. Берти и Кэтрин встретились на набережной в послеполуденный час. Светлыми прядками, выбившимися из прически хрупкой Кэтрин, играл морской бриз, увядающие щеки раскраснелись от долгой прогулки – Берти она показалась статуэткой, за которой нужен глаз да глаз, чтобы не разбилась.

Джемма даже особенно не удивилась, когда Кэтрин, смущаясь, как девчонка, поведала, что приняла предложение мистера Кингсли и выходит за него замуж. Джемма чувствовала, как ветер приносит перемены в их город и жизнь, и противиться не имела никакого права. В несколько дней вещи Кэтрин были собраны.

– Я так рада за тебя, мама, – призналась дочь, обнимая ее на прощание. – Только пиши, звони, не забывай. Мы как-нибудь приедем вас навестить.

– Ты ведь справишься? С фермой? И с Карлайлом и Оливером? – Даже счастливую, Кэтрин не оставляло ее привычное беспокойство. Джемма очень надеялась, что Берти Кингсли научит ее жить без опасения.

– И не с таким справлялась! Тем более у меня мистер Кроули на подхвате, с фермой разберется он, а с мальчиками я.

– На твоём месте, Кэти, я был бы спокоен. Эта девушка явно умеет разбираться с мальчиками! – басил Берти. – Джемма, приезжай и к нам. С «мальчиками». Я устрою вам отличную экскурсию по самым нетуристическим местам Лондона!

– Отлично. Мы ведь не туристы, – рассмеялась в ответ Джемма.

И зеленый автомобиль умчал Кэтрин и Берти на восток.

Несколько месяцев спустя Оливера Хорни избрали в городской совет.

– Я несколько не удивлена, милый. – Джемма ловко завязывала галстук на шее мужа виндзорским узлом. – Ты умеешь расположить к себе любого человека! Ты у меня молодец.

В доме стало пустынно. Все дни Джеммы были заняты работой. Она без усталости строчила на машинке, мимоходом пополнив гардероб мужа несколькими костюмами-тройками. Клиенток у нее по-прежнему было

предостаточно. Кроме того, Джемма наконец решилась на то, о чем давно мечтала, – помимо верхней одежды, платьев, юбок и жакетов она стала шить женское белье. И если пошив одежды был для нее гаммами, то белье стало самыми восхитительными ноктюрнами. Шелк, атлас, муслин, кружево, ленты и крохотные розочки, бантики и тесемки становились нотами, которые каждый раз, на каждой новой даме звучали иначе.

Клиентки пребывали в восторге. Внимательная от природы, Джемма разгадывала характер каждой из них – и предлагала белье, которое идеально подходило к натуре женщины, становилось ее единомышленником. Кому-то она показывала белые батистовые сорочки с нежным шитьем пастельных тонов, кому-то – бюстгальтеры в рюшечках и розочках. И непременно отыскивались те, кому по душе приходились настоящие произведения искусства для роковых красоток: из шелка и атласа густых тонов, со смелыми вырезами и броской эффектной отделкой.

– Вот это да! – Бетси Китс-Лоуренс крутилась перед зеркалом, стараясь разглядеть заднюю часть умопомрачительной бордовой комбинации с черной вышивкой шелковой нитью. – Соблазн в чистом виде!

– Роберт оценит...

После свадьбы с Робертом Лоуренсом, ее давним ухажером, и рождения двоих детей Бетси немного располнела, но даже это не испортило ее природную красоту. На смену девичьей тонкости пришла роскошь женских форм. И тут белье «от Джеммы» было как нельзя более кстати.

Джемма осмотрела свое творение с довольной улыбкой, потом на секунду встретилась взглядом с Бетси и даже оторопела. В глазах Бетси читалось превосходство и чуточку жалости. В следующий миг клиентка отвела глаза.

«Конечно, она считает себя красавицей, а меня дурнушкой, – размышляла чуть раздраженная Джемма, складывая ткани в шкаф, а нитки и иголки в ящик стола. – Я ее понимаю. А может, слухи, которые ползут по городу, правда? Да нет, вряд ли, Оливер не стал бы... И все-таки она красивее. У меня нет ни ее глаз, ни волос. Хотя нет, мои волосы все-таки лучше... Но эти веснушки... А рот? Он такой большой. Можно подумать, я американка».

Джемма распустила волосы. Она заплетала их каждый раз, когда садилась за работу. Несколько раз подумывала даже обстричь, чтобы не лезли в глаза, – но Карлайлу так нравилось перебирать их и смотреть сквозь них на солнце! Она бы не решилась лишиться его этого удовольствия. Тем более что сама всегда втайне гордилась своей рыжей шевелюрой.

Было четыре часа. Карлайл, выходя из школы, чувствовал, что Джемма

уже в нетерпении ждет его дома, но учитель математики попросил его зайти в магазин к отцу и передать заказ. Держа в руке листочек со списком красок, лаков и фурнитуры, Карлайл в мгновение ока домчался на велосипеде до отцовского магазина. Он редко приходил к Оливеру на работу, чаще они виделись дома. Между отцом и сыном не было особого взаимопонимания, они вообще почти не разговаривали, существуя как параллельные прямые, без конфликтов и без примирений.

В магазине никого не было. На вывеске значился перерыв, но дверь оказалась не заперта, и Карлайл зашел внутрь. Быстро огляделся. Стеллажи с гвоздями и шурупами в аккуратных коробочках, банки с краской и шпатлевкой, стиральные порошки, пирамида из мыла, малярные кисти, швабры, метелки, ведра, мешки с цементом – и над всем этим прохладный нежилой запах, какой обычно витает в помещении, где идет ремонт. Так всегда пахло в этой лавке.

– Пап, – позвал Карлайл.

Сверху, со второго этажа, где Оливер жил до свадьбы одиннадцать лет назад, а теперь переводил дух в середине рабочего дня, доносились какие-то звуки. Карлайл быстро взбежал по ступенькам и распахнул дверь в комнату.

– Пап, мне тут...

Он забыл, что хотел сказать, и вытаращенными глазами уставился на развернувшуюся перед ним картину. Двое людей, в которых он узнал отца и Бетси Китс-Лоуренс, отпрыгнули друг от друга, как ошпаренные, и бессмысленно заметались по комнате. Бетси взвизгнула и постаралась прикрыть голую грудь красной с черным комбинацией, болтавшейся где-то на бедрах. Тяжело дыша, Оливер с безумным взглядом натягивал трусы.

– Выйди! – рявкнул он сыну, наконец придя в себя.

Это было похоже на замедленную съемку. Карлайл с отвращением оглядел миссис Лоуренс – видеть отца он не мог. Ее лицо стало таким же бордовым, как и кусок шелка, которым она старалась прикрыться. Мальчику эта ткань показалась знакомой. Да, точно, еще вчера Джемма, его мама Джемма, мурлыча себе под нос песенку, пришивала к этому шелку черное кружево по подолу, и ее тонкие пальчики порхали по гладкой ткани. А сам он сидел на окне, готовя уроки, и следил за каждым ее движением.

Карлайл слетел с лестницы и выбежал на улицу. Ему хотелось свежего воздуха. Но даже ветер с моря не помог.

Прямо на пороге отцовского магазина его вырвало.

Джемма видела, что что-то произошло. По его походке, ссутуленной

спине. По тому, как Карлайл не сказал ни слова, только махнул рукой. Но то, что он запер дверь в свою комнату, ее ошеломило.

Сын чувствовал, что причиняет матери боль. Но боялся, что не сможет сказать «все хорошо», глядя ей в глаза. Все не было хорошо. Он не понял толком, что происходило в комнате над магазинчиком отца, но ощущение грязи, гадливости охватывало его при каждом воспоминании о той минуте. Он просидел до вечера, закутавшись в лоскутный плед, и слышал, как вернулся с работы отец.

О, если бы Джемма догадалась, что именно произошло на глазах у мальчика! Она бы нашла слова его утешить. К ней самой уже давно стекались многозначительные взгляды и намеки, которым она не придавала значения, – что Бетси Китс-Лоуренс слишком часто вертится рядом с ее мужем. Ну и что с того? Джемма с каждым годом все больше понимала, что любит мужа не так уж сильно, легкий угар влюбленности в него прошел почти сразу после свадьбы, оставив лишь привязанность. Однако она была благодарна ему за то, что он подарил ей Карлайла, самый неслыханный, бесценный дар, который только мог преподнести, сам того не осознавая.

Но Карлайл ничего ей не говорил. Все увиденное хоронилось в дальних глубинах его памяти. Он стал еще ласковее к матери, а с отцом не разговаривал. Уже тем же вечером Оливер понял, что сын ничего не рассказал Джемме, и до поры успокоился. Тревожило его теперь только одно: взгляд у сына, когда тот смотрел на Оливера, становился презрительным, уничижительным, как будто Карлайл видел перед собой мерзкую букашку, а не родного человека. Это был упрек. И Оливер ненавидел сына все больше.

– Знаешь, Джемма, – как-то после ужина начал Оливер. – Я договорился, и Карлайла... В общем, его приняли в Ларнихолл, закрытую школу для мальчиков. В Эксетере.

– Что? – Джемма не поверила своим ушам.

– Я подумал и решил, – продолжил Оливер. – Он уже большой, пора ему учиться как подобает. Получить приличное образование. А в этой глуши...

– Что ты сделал? – Джемма была в ярости. – А меня спросить ты не мог?

– И что бы ты сказала? – Губы Оливера изогнулись в издевательской улыбке. – Что любишь его до умопомрачения и готова нянчить всю жизнь? Что ему больше никто, кроме тебя, не нужен и вы вместе проживете до старости? Я ведь предупреждал тебя – он уже вырос, это ненормально – так слепо его любить.

– Ты не в своем уме! – Джемму трясло. – Как ты посмел? Он никуда не поедет!

– Поедет, дорогая, и еще как.

– Нет. Иначе весь город открыто узнает, что ты спишь с Бетси! – Джемма кинула пробный камень и с горечью поняла, что слухи оказались верны. Впрочем, сейчас не об этом речь. – Какой скандал будет, а? Член городского совета мистер Хорни лезет под юбку замужней даме!

Джемма расхохоталась. Но веселье ее было рассчитано только на зрителя – она видела себя хохочущей словно со стороны, отстраненно, внутри ей было не до веселья.

Оливер замер. Затем на его физиономии появилось насмешливое пренебрежение.

– Этот гаденыш все-таки рассказал тебе, что застукал нас...

Лицо Джеммы исказилось, но Оливер не понял смысла этой гримасы. И продолжал:

– Мне уже все равно. Только знаешь что, моя милая? Если ты станешь противиться школе... Я, пожалуй, разведусь с тобой. Мальчик, конечно, останется со мной, мне ничего не стоит убедить нашего судью, что ты плохая мать... Или что со мной ему будет лучше. Я увезу его в Эдинбург, и тебя даже близко к нему больше не подпустят. Весь Локер всегда будет на моей стороне, ты же знаешь. Надо было строить отношения с соседями, а не скакать по горам, как коза, со своим ненаглядным ублюдком!

Джемма чуть не рухнула в обморок, дощатый пол вздыбился под ногами. Она хотела уцепиться за стул, но Оливер сделал шаг, якобы чтобы поддержать ее. Его рука со всей силы стиснула ее запястье, чуть не до хруста.

– Ты не посмеешь, – сухими губами прошептала Джемма, умоляюще глядя на мужа. Она даже не чувствовала боли в руке, страх парализовал нервы. Она проигрывала. Боже, да, тысячу раз да, она всегда была слишком строптива и свободна, чтобы любезничать с горожанами. Они хоть и улыбались ей изо всех сил, но недолюбливали! В открытом противостоянии у нее нет шансов победить очаровашку Оливера.

– Еще как посмею. Он отобрал у меня тебя. А я могу отобрать его у тебя. Справедливо, не находишь? Только пикни, миссис Хорни. И больше никогда не увидишь сыночка...

Необходимость отъезда в школу за полторы сотни миль от дома Карлайл воспринял внешне спокойно. Но внутри все обрывалось от вида любимых, выжженных слезами глаз. Глаз Джеммы.

В последний день перед отъездом он притащил домой котенка с перебитой лапой, которого нашел на пустоши. Котенок пищал и плакал как ребенок, но после перевязки, которую Карлайл провел на удивление умело, попил молока и заснул, свернувшись клубочком на коврике.

– Это тебе мой подарок, – шептал Карлайл Джемме. – Его зовут Реми. Он будет всегда с тобой и будет напоминать обо мне.

– Я буду его любить, но... Мне не нужны напоминания, милый. Я помню о тебе каждую секунду.

– Знаю, мамочка! – Карлайл расцеловал пальцы Джеммы, которые только что застегивали его чемодан. – Я всегда рядом, ты же знаешь.

Джемма вздрогнула и улыбнулась. В самом деле, что это она развела нюни? Разве перед нею не стоит ее ангел, который сопровождает ее всегда и везде, всю ее жизнь? Этот ангел, воплощенный в ее сыне, – разве он может покинуть ее?

Сутки после отъезда она еще жила этой мыслью, твердя ее, как заклинание, возводя ее вокруг себя стеной. Но наступил и тот момент, когда тоска прорвала дамбу и затопила все вокруг. Джемма не могла работать, не могла дышать, мысль о том, что Карлайл сейчас томится тоже, была невыносима. Отрез бледно-желтого крепа никак не хотел кроиться, ткань выскальзывала из рук и раз за разом оказывалась на полу.

Котенок, хромя и подволакивая перебинтованную лапу, подцепил когтями обрезки ткани и стал таскать их по комнате. Джемма улыбнулась сквозь слезы и взяла шалуна на руки, почесала пушистую шею. Тот тотчас же заурчал и доверчиво зажмурился.

– Ну ничего, – прошептала она котенку. – Мы же выдержим, правда? Сто пятьдесят миль – это же такой пустяк...

Отвезя сына в Эксетер, Оливер успокоился. Он не был мелодраматическим злодеем и сам не мог уже себе объяснить, что заставило его поступить так жестоко. Но он не раскаивался, даже видя, как грустна Джемма – по крайней мере, рядом с нею не было этого любимчика Карлайла. И тем не менее его сердце ныло, как уже привыкло ныть за годы жизни с нею, пусть даже причина этого была услана подальше из дома.

Первое время Оливер воспрянул духом. Ему казалось, что теперь, когда сын далеко, Джемма снова станет прежней.

Однажды он вернулся с работы пораньше. Заглянул в комнату, переделанную под пошивочную мастерскую. Джемма сидела за столом и прострачивала на машинке швы на серо-голубой муаровой юбке, рядом гонялся за концом сползающей нитки котенок. При звуке шагов Джемма

удивленно подняла голову:

– О, это ты. Что-то случилось?

Ее тон был тоном вежливого интереса. Оливер решил не обращать на это внимания и снова завоевать свою жену – ведь все люди рано или поздно поддавались его обаянию! Он положил прямо перед ней букет роз и поцеловал в волосы, прямо ароматную полоску ровного пробора.

Джемма повертела букет, кивнула и сходила за вазой.

– Я люблю тебя, – Оливер решил действовать напрямик.

Джемма пожала плечами и как ни в чем не бывало села за работу:

– Хорошо, Олли.

Он опустил перед ней на колени, развернул ее к себе:

– Нет, ты не понимаешь. Я и вправду люблю тебя больше всего на свете. Прости меня. Я доставил тебе столько неприятностей, прости, пожалуйста. У меня с Бетси все кончено. И если ты найдешь в себе силы забыть все это и вернуться к тому, что нас когда-то связывало...

– Хорошо говоришь, Олли... – Джемма вздохнула и погладила его по голове. Он был все такой же, каким она его увидела впервые: красивый, правда теперь уже погрузневший, со светлыми, безупречно лежащими в прическе волосами и взглядом, где уверенность так редко сменялась сомнениями. Ей было даже немного жаль разочаровывать Оливера:

– Только, ты знаешь, мне-то все это совершенно безразлично. Если тебе нравится Бетси...

– Мне нравишься ты! – Оливер рывком поднял ее на ноги и подвел к окну, больно сжав руку.

В окно падал закатный луч, и рыжие волосы Джеммы вспыхнули, будто вокруг головы занялся пожар.

– Смотри. Посмотри на меня! Мне нужна ты, моя жена, – выдохнул он и приник к ней поцелуем.

Оливер терзал ее губы. Джемма хотела было отстраниться, но не могла – муж сжимал ее каменными объятиями. Пришлось терпеть его язык, пытающийся раскрыть, раздвинуть ее губы, завладеть ее ртом. О, как он целовал ее когда-то! Но когда-то все было иначе...

И это именно он стал отцом Карлайла.

Мысль заставила Джемму вздрогнуть так сильно, словно сам дом сотрясло до основания. Оливер отодвинулся от нее на дюйм, ища в ее лице хоть какие-то приметы страсти – и не находил.

Развернувшись, он вышел. Джемма слышала, как во дворе заработал двигатель автомобиля и как покрывки зашуршали, покотив прочь.

Оливер чувствовал, что в горле пылает огонь. Наверное, это слезы,

впрочем, он не был уверен – он уже не помнил, когда плакал в последний раз. Но жжение заполняло всю глотку и непроглатываемым шаром поднималось к гортани. Карлайл был далеко, но Джемма! Она, это маленькое солнце их фермерского дома, все равно не собиралась обращать на него свой свет. Оливер горько усмехнулся: нельзя было грозить ей, что он ложью восстановит Локерстоун против нее с сыном. Старинное корнуолльское поверье гласит, что солнце дарит свет и тепло всем людям, но лжесвидетелю и клятвопреступнику никогда не видать ни его света, ни его тепла. Что ж, он сам попал в свои сети.

Оливер со злостью ударил по рулю – но он не смирится с этим!

Через минуту после отъезда мужа Джемма уже забыла об этом происшествии. Ее воссоединение с Оливером (речь о примирении не шла – они, в общем-то, и не ссорились, и общались вполне спокойно) было невозможно. Она, как и все люди, не имела власти над своим сердцем, которое противилось ее сближению с мужем. Ее действительно не волновала его связь с Бетси Китс-Лоуренс. Но он был виноват. Его первая вина состояла в том, что он не полюбил их сына. Более того, он воспринял его как соперника, хотя это было немыслимо! Джемма прекрасно помнила, что ее чувства к мужу и сыну были разными, но они всегда умудрялись уживаться в ее душе. Возможно, Оливеру не досталось ее любви, такой, какую она испытывала к Карлайлу, но в остальном... Джемма относилась к мужу с симпатией, уважением, признательностью, даже нежностью. Наверное, просто не получалось донести эти эмоции до него: она всегда была скрытной. Взять хотя бы Кэтрин. Как часто мать осознавала, что дочь любит ее? Джемма не признавалась в любви, не сюсюкала, не лезла целоваться и обниматься. Но матери не нужны были осязаемые подтверждения – а Оливеру понадобились. И в этом была его вторая вина.

И ничего уже не вернуть, жизнь расставила все по местам. Джемма была здесь, Оливер – за миллиарды световых лет от нее, в магазине, в Локерстоуне, в этом же доме, на другой половине кровати... А Карлайл... Вроде бы и рядом, но чуть дальше, чем того хотелось бы.

В Ларнихолле Карлайл плохо засыпал. Ему не хватало дома, привычных звуков. Здесь, в закрытом пансионе для мальчиков, больше похожем на монастырь, были такие толстые каменные стены и такие узкие окошки, что сквозь них с улицы не проникал ни один звук. Его окружали гулкое эхо и прохлада каменных переходов. И Карлайлу недоставало ее шагов, шуршания ее домашнего платья, запаха жасмина (с чем он мешается сегодня в складках ее подола?), ее широкой улыбки, веснушек на носу,

добрых глаз. Он скучал по своей маме Джемме.

Хотя в остальном в новой школе было даже интересно. Программа здесь была углубленная, и появилось много предметов, которых не было в Локере. Мальчик, которому недавно сравнялось одиннадцать, быстро нашел общий язык со сверстниками. Лишь однажды, в самом начале, вышла стычка.

Как-то вечером, готовясь ко сну в общей спальне, Карлайл полез в шкафчик за фотографией Джеммы. Он смотрел на нее каждый вечер, вспоминая мельчайшие подробности ее образа, чтобы мысленно пожелать ей спокойной ночи. Но в тумбочке фото не нашлось.

– Не это ищешь? – послышался прямо за плечом голосок. Карлайл обернулся – рядом с кроватью стоял Хьюберт, противный мальчишка, старше его на два года. Он небрежно обмахивался фотокарточкой Джеммы.

– Отдай, пожалуйста, – твердо сказал Карлайл, оглядывая мимоходом спальню. Они были одни, голоса остальных доносились из душевых.

– Это кто? Актриса киношная, что ли? Что-то она не особо красивая для актрисы... – усмехнулся Хьюберт.

– Отдай.

– А ты возьми.

Карлайл погнался было за Хьюбертом, тот, перескакивая через кровати, замер у двери.

– Зачем тебе это надо?

– А тебе? Ну кто это, правда? Какая-нибудь доярка с твоей фермы? Ты ж у нас из деревни...

Карлайл с рыком бросился на Хьюберта без предупреждения. Тот сделал рывок в сторону, задел горшок с фиалкой на деревянной лаковой консоли, не устоял на ногах и упал вслед за горшком. Карлайл выхватил фотографию и только тут понял, что случилось. Хьюберт лежал на полу, зажав ладонью коленку, разрезанную глиняными черепками. Было видно, как сквозь пальцы быстро сочилась кровь.

– Больно... Урод, что ты наделал? – Хьюберт, глядя на кровь, мелко задышал и покрылся меловой бледностью. Похоже, он боялся крови. – Мне плохо... Позови кого-нибудь, быстрее!

Карлайл лихорадочно соображал. Если он кого-то позовет, им не миновать выволочки: драки строгойше запрещены, а Хьюберт наверняка сумеет вывернуться. Карлайл, схватив парня за шкирку, поволок к своей кровати.

– Выпусти меня, идиот несчастный! Мне плохо!

– Сейчас все сделаю.

– Что ты сделаешь?

– Обработаю рану. Или тебе придется объяснять мистеру Стэнтону, почему мы дрались.

– Это ты меня толкнул! – едва шевелил языком Хьюберт, теряя нить разговора.

– Ну а я скажу другое. Что ты ударил меня первым...

Карлайл сообразил, что Хьюберт испуган и сейчас ничего не сможет придумать, скажет правду. И сам же поплатится. Но Карлайлу не нужна была такая месть, уж лучше пусть куратор вообще не узнает об этом инциденте. Он нашел мешочек, в который еще дома уложил бинт, вату и флакончик перекиси водорода. Мама давно научила его не плакать, когда он расшибал себе коленки или локти, и как справляться с несерьезными ранами, тоже объяснила. Равно как и отличать несерьезную рану от той, что действительно требует внимания врача. С этой же он вполне справится сам.

Перекись закипела в ране, но кровь остановилась. Карлайл промокнул ватой сгустки и ловко забинтовал коленку.

– Ну вот. Под брюками не будет видно. Пару дней похромаешь чуток, и все.

Несколько минут они молчали. Хьюберт приходил в себя и поглядывал на Карлайла удивленно: совсем молокосос, но откуда-то столько всего умеет. И не растерялся даже... Карлайл тем временем собрал черепки от горшка вместе с землей и засунул их в бумажные кулечки, сделанные из тетрадных листков.

– Завтра на прогулке надо будет высыпать их за ограду, чтобы никто не видел. – Он протянул Хьюберту один из кулечков, второй положил в школьный портфель.

– А ты профи... Откуда все знаешь?

– Я же из деревни, – беззлобно улыбнулся Карлайл. Он посмотрел на Хьюберта, потом на фотографию, из-за которой и разгорелась стычка. – Это моя мама. Я очень ее люблю. Ты, пожалуйста, не говори больше про нее никаких гадостей, ладно?

С тех пор Карлайл попал под покровительство Хьюберта. Они очень скоро подружились, коленка зажила, глиняные черепки и остатки фиалки покоились за школьной оградой, а Карлайл с подачи друга получил прозвище Док, хотя никто так и не узнал, откуда оно пошло.

Жизнь Джеммы стала похожа на полосатое покрывало. Черными полосами были дни, прожитые в разлуке с Карлайлом. А разноцветными – те, когда она навещала его в Эксетере, и его каникулы, проведенные дома.

Пока Карлайл был в школе, Джемма и Оливер жили мирно. На людях

они появлялись вместе, олицетворяя собой приличие и английскую добропорядочность. Джемма игнорировала пересуды о муже и Бетси, та по-прежнему заказывала у нее наряды, а Джемма иногда усмехалась, думая над иронией жизни: ведь в этих нарядах Бетси потом соблазняла ее мужа, а ей-то и дела не было до этого. Впрочем, стоило сказать Бетси отдельное спасибо за то, что она избавила Джемму от супружеских обязанностей.

Конечно, она недолго любила миссис Китс-Лоуренс, но никогда не выдавала этих чувств. Все это казалось Джемме грязной и мелкой историей, недостойной ее внимания.

Оливер, хоть и был неверным мужем, но с Джеммой оставался ласков, и это вполне устраивало обоих. Джемма понимала, что они с Оливером – обычная среднестатистическая семья. Совместный ужин, обсуждение ничего не значащих новостей, давно остывшая кровать и спокойная вежливость друг с другом – не так ли живет большинство пар, со дня свадьбы которых прошло больше десятка лет?

Истинным праздником для Джеммы были встречи с Карлайлом. Теперь, вдалеке от нее, он выросл еще быстрее. Каждую встречу она высчитывала, сколько дюймов прибавилось в его росте, как вытянулись руки, отросли волосы. Он выросл, но Джемма с ликованием каждый раз узнавала его веселые синие глаза, жарко глядевшие на нее. Их взгляд был неизменен.

Она приехала в школу навестить Карлайла в школе осенью, не сумев дожидаться зимних каникул. Карлайл, поминутно оборачиваясь, провел ее в небольшую комнату с роялем.

– У меня для тебя сюрприз... – сказал он и усадил Джемму на стул. А сам устроился за музыкальным инструментом.

Джемма покраснела – она и не знала, что сын увлекся музыкой. В их доме никто не играл ни на чем, да и во всем Локерстоуне она не могла бы насчитать больше одного рояля – и тот стоял в зале городского совета в ратуше. Конечно, Оливер как член совета мог бы поспособствовать занятиям музыкой для сына... Если бы захотел.

Пальцы Карлайла коснулись клавиш. Джемма замерла. Она знала эту мелодию, с первой до последней ноты. Но откуда узнал ее Карлайл, ведь колыбельную Джемма всегда напевала тихо, робко, не передав и десятой доли музыкального очарования! Однако это была она. То нежная, то страстная, из-под его рук лилась уже не колыбельная, а настоящая серенада, нежная, волнующая. Три ликующих аккорда, звонкое стаккато... Джемма не замечала, что дрожит всем телом, а из глаз катятся слезы.

Наконец мелодия замерла, неоконченная, словно остановившись на

полуслове, не рассказав свою историю до конца. Карлайл обернулся к Джемме.

– Ты плачешь? – с тревогой спросил он.

– Это от счастья, – ответила Джемма.

Хотя вид ее слез разрывал ему сердце, Карлайл кивнул и ничего не ответил. Только протянул вытащенные из кармана спелые темные каштаны и произнес:

– Смотри... Каштаны мне напоминают тут о твоих глазах. Когда скучаю, начинаю их разглядывать.

Когда он приехал домой на Рождество, Джемма с удивлением услышала его приятный баритон вместо мальчишеского голоса. И рост, рост! Карлайл перерос ее. Господи, а ведь ему уже шестнадцатый год.

– И это мой ангел... – покачала она головой.

– Конечно, кто же еще, – подмигнул ей Карлайл и со смехом попытался подхватить на руки. Джемма хохотала. Она снова была совсем молодой.

После сочельника Карлайл преподнес ей свой подарок – несколько метров чудесного темно-зеленого креп-сатина.

– Карлайл... – первый восторг сменился укором. – Ты потратил на это деньги, которые я присылала тебе на карманные расходы?

– Но, мама, ты же знаешь, мои карманные расходы... Словом, я неприхотлив... – отвел глаза Карлайл.

Джемма провела рукой по ткани. С одной стороны матовая, с другой глянцевая, и такой густой, насыщенный оттенок – прекрасная ткань!

Джемма не знала цены этого отреза материи. Карлайл, со свойственной ему бескомпромиссностью, считал, что его мама достойна лучшего. И когда ему в голову пришло, что неплохо бы подарить ей ткань для платья, он пошел в самый лучший магазин в городе. Возможно, где-нибудь он мог бы найти и похожую, но ему и в голову не могло прийти искать лавку попроще и подешевле, ведь разговор шел о подарке для Джеммы! В первый раз он просто побродил между стеллажей, заполненных снизу доверху огромными рулонами тканей. Тут было все, что душе угодно, и Карлайл заулыбался, представляя себе восторг Джеммы, окажись она на его месте.

Управляющая магазина, дама с профессиональной улыбкой и наметанным глазом, следила за юношей с тщательно скрытым недоумением. За долгую карьеру, от уборщицы и работницы торгового зала до второй должности после хозяйки, она привыкла к разным покупателям. Модельеры и швеи приходили сюда одни или с клиентками, долго и

придирчиво высматривали товар и были похожи на коршунов, кружащих над добычей. Капризные дамочки, забредавшие сюда от нечего делать во время дневного шопинга, покупали ткани бездумно, повинувшись первому порыву, и часто ничего из них так и не шили. Их мужья, стоящие в сторонке с кислыми физиономиями, с радостью и облегчением раскрывали бумажники: каждая новая покупка приближала их освобождение.

Этот симпатичный мальчик не походил ни на кого. Он не был модельером, так что его придирчивость тем более впечатляла. Он сорок минут бродил мимо стеллажей и шкафов, разглядывая, ощупывая, сминая и принохаясь к тканям с сосредоточенным видом. Помощь продавщиц он отверг сразу. Это был один из немногих представителей мужского пола, кого ткани, кажется, нисколько не смущали.

Наконец он остановился рядом с тугим темно-зеленым рулоном, потянул за край полотна, чтобы рассмотреть получше, провел ладонью по гладкой поблескивающей материи. И на лице его отобразилась уверенная радость. Управляющая шагнула к заинтригованному ее мальчику.

– Вы определились с выбором, сэр?

– Да. А сколько стоит эта ткань?

Ответ на свой вопрос Карлайл выдержал с недрогнувшим лицом и деловито кивнул, хотя в голове бешено зацелкали цифры. Он планировал купить пять метров ткани, но цена оказалась слишком высока. А ткань слишком хороша, чтобы отказываться. Он уже представил себе маму, окутанную волнами этого крепа, и пришел к выводу, что только эта ткань и достойна быть ее платьем.

Выйдя из магазина ни с чем, Карлайл в отчаянии оглянулся по сторонам. Он нуждался в деньгах, а из карманных сэкономить нужную сумму было невозможно. Наняться на работу он не мог, это помешало бы учебе.

В раздумьях Карлайл брел по городу, пока не очутился в бедном районе. Его обступали накренившиеся, облупленные домишки, выщербленная мостовая коробилась под ногами. Вечерело.

На крыльце крайнего дома по улице ошивалась компания парней. Возраста они были примерно одного с Карлайлом, но выглядели уже потрепанными жизнью. Один, долговязый, явно был заводилой. Он держался уверенно и напористо, громко говорил и смеялся и держал руки в карманах запачканных грязью брюк. Услышав шаги, он обернулся, оценивающе оглядел Карлайла в его школьной форме с белым крахмальным воротничком и нехорошо прищурился.

– Смотрите-ка, кто к нам забрел, – протянул он.

Карлайл остановился и невозмутимо взглянул в лицо долговязому:

– Добрый вечер.

– Кому как, – ощерился долговязый и в два прыжка оказался перед Карлайлом. Тот замер, ощущая исходящую от парня опасность и прикидывая свои дальнейшие действия. Приятели долговязого подошли ближе.

– И что же делает такой благообразный мальчик в наших широтах?

Неожиданно Карлайл ляпнул правду:

– Думаю, где бы раздобыть денег. Нужны деньги, а взять негде. Вы не одолжите?

Долговязый издал звук, будто поперхнулся, и согнулся пополам от смеха. Остальные двое тоже расплылись в улыбках и расслабленно отступили. Отсмеявшись, долговязый всмотрелся в Карлайла:

– А ты ничего. Хоть и в воротничке.

Карлайл пожал плечами и, отстегнув воротничок, засунул его в карман:

– Так лучше?

Долговязый снова захохотал, сгреб Карлайла сильной рукой и повел его к оставленному минуту назад крыльцу.

– Садись. Тут тебя никто не тронет. Мы вообще-то парни смирные, богатеев только не любим. Ну а ты, видимо, не богатей.

– Точно, – с сожалением кивнул Карлайл.

– Я Тони. Это Ник и Кэйл. Играешь? – Долговязый вытащил из кармана засаленную колоду карт и, перетасовав, стал раздавать. Карлайл, никогда до этого не державший в руках игральных карт, взял их и стал рассматривать.

Через час он вполне освоился. Парни быстро научили его паре игр, попутно выпрашивая подробности жизни Карлайла в школе. Узнав об Оливере и его роли в истории со школой, Тони высказался цветисто и совершенно неприлично.

– Зря ты так, это все-таки мой отец. Наверное, он хотел как лучше. Он просто не знает, что мне лучше в Локере.

– Ага, отцы, они знают, как лучше! Мой батя лупил меня и мать каждый раз, когда приходил налитый до краев. А наливался он частенько. Видимо, тоже думал, что так для нас лучше?

– А сейчас не бьет?

– Сдох, – лаконично и равнодушно заключил Тони, и тема была исчерпана.

Ставка в игре была небольшая, Карлайл успел и выиграть, и

проиграть, и все остались совершенно довольны и вечером, и друг другом.

Когда на соседней улице зажглись редкие фонари, Карлайл спохватился и засобиравшись в школу. Его и так, наверное, стали искать, надо было успеть до того часа, когда привратник запирает двери школы на ночь.

– Ну, бывай. – Тони похлопал его по плечу, а Ник и Кэйл пожали руку.

– Приходи, как станет скучно среди богатеев, – ухмыльнулся Ник.

Карлайл пообещал заглядывать, когда будет время, и уже потрусил по улице, как вдруг остановился. Ему в голову пришла блестящая мысль, и он удивился, что она не возникла раньше.

– Тони, слушай... А где бы мне достать колоду карт?

– Ха, понравилось? – Тони потер мочку уха потемневшими от грязи пальцами и решительно протянул карты Карлайлу. – На, бери, не жалко. У меня еще есть.

– Точно?

– Бери, пока дают.

Спустя несколько дней Карлайл после отбоя предложил одноклассникам первую партию в покер. Перед этим он купил в книжной лавке руководство по покеру и перечитал книгу дважды: дворовыми карточными играми учеников Ларнихолла было не завлечь, а вот покер был игрой, за которой их отцы проводили ночи напролет, в клубах сигарного дыма и парах виски.

Азартные игры были строжайше запрещены, предприятие Карлайла грозило ему исключением из школы. Может быть, именно поэтому дело пошло с таким успехом. Пока дежурный, выбранный жребием, следил за коридором, остальные предавались запретной игре. Ставки тут были на порядок выше, чем в партиях с Тони и его друзьями. Карлайлу азарт был неведом, в его голове покер представал раскладками различных комбинаций без примесей острых эмоций – и это позволяло ему оставаться в выигрыше чаще, чем в проигрыше. Он без устали читал и перечитывал книгу, разбираясь в премудростях игры, а вечером пересчитывал свои деньги, убеждаясь, что необходимая для покупки ткани сумма перестает быть недостижимой вершиной.

Спустя месяц Карлайл пересчитал свои сбережения дважды, прежде чем поверил – ему хватает денег на покупку даже шести метров того самого зеленого креп-сатина. В этот же день он собрался выбросить колоду карт и между делом известил об этом Хьюберта. Но тот заартачился:

– Док, ты сбрендил? Только-только наладилась игра, все втянулись, а ты хочешь обломать всех? Нет, брат, не стоит.

– Хью, да ладно. Это ведь опасно. Мистер Стэнтон пронюхает – и

адью. Всем.

– С чего бы ему пронюхать?

– Мало ли! – Карлайлу не нравился этот разговор. Он жалел, что поделился планами со своим более азартным другом.

– Давай так, – глаза Хьюберта заблестели. – Не хочешь играть больше – не играй, никто тебя за хвост не тянет. Только колоду не выкидывай, мне лучше отдай.

С тяжелым сердцем Карлайл протянул карты другу. Но воспользоваться ими Хьюберту так и не довелось.

На следующее утро куратор мистер Стэнтон зашел в спальни перед занятиями и во всеуслышание объявил, что ему известно о картах. Он советовал человеку, принесшему в школу игральную колоду, признаться в этом самому, но по его сверлящему Карлайла взгляду все поняли, что мистер Стэнтон знает имя виновника наверняка.

Карлайл молчал, упрямо глядя перед собой. В голове его проносились разрозненные мысли: мистер Стэнтон ничего не докажет, даже если обыщет его, ведь книга по покеру после седьмого прочтения отправилась к Тони, а колода вчера перекочевала к Хьюберту. С другой стороны, если бы он признался, его бы исключили из школы и он отправился бы домой, а значит – к Джемме. Такая перспектива казалась заманчивой. Тем более он боялся за Хьюберта – если Стэнтон устроит обыск для всех, то колоду все-таки обнаружат.

Но именно от Хьюберта и пришла подмога. Он приосанился и стал похож наконец на того, кем являлся, – старшего отпрыска уважаемого семейства.

– Мистер Стэнтон, не знаю, откуда возникли такие абсурдные слухи, но, уверяю вас, среди обитателей этой комнаты карточных игроков нет.

– У меня есть другие сведения на этот счет, – прошипел куратор, приближаясь к Карлайлу вплотную. Тот уже открыл было рот, чтобы во всем сознаться, но...

– Тогда почему бы вам не обыскать нас? Этим вы, конечно, нарушите наши права и оскорбите нас, и мы сможем пожаловаться родителям, но по крайней мере, правда восторжествует.

Хьюберт смотрел заносчиво, Карлайл растерянно, а остальные недоуменно переглядывались. Обширная лысина мистера Стэнтона покраснела.

– Мне не нужны все, мне нужен ты! – рявкнул он Карлайлу. – Все остальные свободны!

Во время обыска Карлайл понял наверняка, что его кто-то сдал. Скорее

всего, парнишка из параллельного класса, который на протяжении нескольких дней стабильно ему проигрывал. Мистер Стэнтон в своих поисках знал, какой ящик выдвигать и какую книгу вытаскивать из обложки. Но все было безрезультатно. И куратор, пробормотав холодные извинения, удалился.

– Ты с ума сошел? – Карлайл встряхнул Хьюберта за плечо, когда тот вернулся в комнату. – Предлагать обыск! А если бы он и тебя обыскал?

– Я не такой дурак, как ты, – хихикнул Хьюберт. – Я карты храню в специально отведенном для этого месте.

Как узнал Карлайл позднее, этим местом Хьюберт выбрал выступ за рамой иконы Пресвятой Девы, что висела в гостиной.

На следующий день Карлайл шел по улице с замирающим сердцем. А что, если ткань уже продана? Или цена очень поднялась? Или магазинчик закрыли за долги? Или...

Но все оказалось в порядке. Управляющая, моментально вспомнив паренька, приветствовала его с улыбкой и тут же проводила к стеллажу с темно-зеленым креп-сатином. Придирчиво ощупав его еще раз, Карлайл снова убедился, что эта ткань достойна принадлежать его чудесной маме.

– Ты сошьешь себе платье и будешь в нем королевой наших холмов. Тебя будет не различить в траве, – мечтательно пробормотал Карлайл.

– Ты забыл про волосы, – засмеялась Джемма. – Вряд ли такой цвет есть в траве.

– Такого нет, – согласился Карлайл. – Просто в них запуталось солнце, вот и все. В осенней листве запуталось несколько солнечных лучей, вот какого цвета твои волосы!

– А ты романтик... Девушке, которую ты выберешь в жены, повезет. – Джемма смотрела на него с гордостью.

В ее любви не было места собственничеству. Джемма точно знала, что настанет день, когда Карлайл придет домой не один, а под руку со своей избранницей. И Джемма даже желала этого момента, потому что ей хотелось бы, чтобы Карлайл обрел семейное счастье, познал радость отцовства – как не познал его собственный отец. Она считала, что только семья и любовь наполняют человеческую жизнь смыслом.

Когда Карлайл уезжал, Джемма всегда первые несколько дней была сама не своя. Как будто все ее нутро вытаскивали, и она оставалась потрошенной рыбой, брошенной на горячем песке. Ее тело существовало автономно, само ходило, готовило обеды, шило. Но Джеммы тут не было. Она смотрела на окружающий ее мир с удивлением и неудовольствием, но

больше с удивлением, с трудом узнавая привычные лица, места и предметы. Все это казалось ей назойливым, совершенно бессмысленным и ненужным, а главное – ненастоящим. Люди двигались и говорили, как тряпичные куклы, неуклюже, нелогично, и сама жизнь в Локерстоуне напоминала какой-то дурной, нехороший сон, вязкий, затягивающий, в котором даже ноги и руки передвигаются с трудом.

Если в присутствии Карлайла жизнь походила на светлый ручей, то с его отъездом она растекалась по равнине и заболачивалась, затягивалась глухой тиной, ряской, тоской... Но стоило только Джемме и Карлайлу встретиться, как ручей бежал снова.

На каникулах они не вспоминали о школе. Это был негласный уговор. Так мало времени, чтобы побыть вместе, – стоит ли вспоминать о близкой разлуке?

Оливер предпочитал задерживаться на работе, чтобы не видеть счастливого лица, которое Джемма поднимала навстречу сыну. Его приезд всегда нарушал хрупкое равновесие, и Оливер старался реже бывать дома.

Днем Карлайл и Джемма бродили по берегу моря, по холмам, взбирались к замку и играли в прятки в его разрушенных переходах. Собирали цветы. Слушали шум прибоя, неясный рокот в скалах, когда начинался высокий прилив, протяжные крики чаек, стрекот кузнечиков и цикад в полусухой вересковой поросли. Иногда забирались на «вершину мира» и оттуда, из каменной колыбели, смотрели на окрестности, на горящие закатным огнем крыши и окна города, сильно разросшегося вдоль залива за прошедшие годы, на снующие по пенистой поверхности воды суденышки. Когда солнце цеплялось за вершину соседнего холма, бежали, как дети, вниз, к дому. Тропинки петляли между валунов, кустов, от стремительного бега кружилась голова и хотелось смеяться.

Вечерами они сумерничали, не зажигая в доме света. Все тонуло в таинственных тенях, в углах ватными комьями собиралась тьма. Из открытых окон доносились приглушенные шорохи, ветер шелестел занавесками. Карлайл пересказывал матери что-нибудь из прочитанного или делился разрозненными мыслями. В эти моменты он почти не договаривал мысль до конца, да это было и не нужно – Джемма прекрасно понимала его с полуслова, так что речь была скорее привычна, чем необходима. Иногда они и вовсе сидели молча, но эта тишина не тяготила, она тоже была наполнена мыслями. И согласием.

Рядом копошился Реми, давно уже пушистый деловитый кот, а не дрожащий котенок, спасенный когда-то Карлайлом.

– Врач... ты все еще?.. – начала Джемма.

– Да, мечтаю. То есть даже не мечтаю, а серьезно собираюсь.
– А как же музыка? Ты ведь потрясающе играешь. Твой учитель долго требовал пообещать ему, что ты будешь поступать в консерваторию.
– Догадываюсь, что ты ответила...
– Что ты сам решишь и я не вправе влиять на твой выбор...
– Я давно решил. Я обожаю музыку, но... лечить, помогать людям... Тебе...

На летних каникулах, когда ночи становились короче и теплее, они часто уходили гулять в темноту. И Джемме, и Карлайлу все окрестные места, все дороги и тропинки были одинаково знакомы, и не нужно было света, чтобы различить их.

Восемнадцатый день рождения Карлайла они встретили на берегу. В полночь огни на набережной погасли, и Джемма крепко сжала ладонь сына.

– С днем рождения, милый...
– Спасибо.
– Восемнадцать лет прошло, а я даже их не почувствовала. Для тебя это целая жизнь, а мне она кажется одним мгновением...

От самого берега к горизонту легла подрагивающая лунная дорожка, как будто в воду пролили олово.

– Не знаю... Иногда мне кажется... – Карлайл помолчал. – Что времени и вовсе не существует. Посмотри вокруг. Все то же море, те же холмы. В замке до сих пор слышны голоса его жителей, в дольменах до сих пор бродят духи предков. А может, и наши духи тоже. Кто знает наверняка, живы мы, умерли или еще даже не родились? Ты говоришь, восемнадцать лет. Что такое эти года перед вечностью? Все начинается, и заканчивается, и существует без конца...

От нагретых за день холмов тянуло земляникой и мятой. Джемме казалось, что тихий голос Карлайла доносится до нее откуда-то издалека, но откуда именно?

– Посмотри, какая луна. Когда ты в Эксетере...
– Да, я знаю, ты скучаешь, когда я уезжаю, – откликнулся Карлайл. – И я скучаю без тебя. Но это неправильно. Ты говоришь, луна. И думаешь, что она – символ одиночества. Поэты без конца об этом твердят. Всегда одна, всегда сияет на небосводе, и ни одной звезде не сравниться с нею в великолепии. А я люблю смотреть на нее по-другому. Это ведь... это само лицо любви, неужели ты не видишь? Мама, дорогая, посмотри еще раз! Ведь только глупцу кажется, что луна и солнце никогда не встречаются. Ну, не глупцу, но человеку со стороны, несведущему, не понимающему. Это только с земли все видится так, плоско, однобоко. Если бы мы были там, в

небе... Ведь мы видим луну только благодаря тому, что она купается в солнечном свете! Без него она – кусок камня, темна и безлика, и потерялась бы в холодной Вселенной. Но с ним... Оно ласкает ее каждую ночь, и мы видим их слияние. Оно одевает ее в этот сияющий наряд, ночь за ночью, век за веком. Оно уходит за горизонт, не желая затмевать ее, не мешая нам любоваться ею – но само же и охраняет эту красоту, и одаривает ею свою любимую, свою луну... Непрерывающаяся, бесконечная любовь, самый священный союз...

Последний год Джемма пыталась скрыть от Карлайла неприятную новость: Оливер стал пить. Сначала он оставался в новом пабе на набережной, когда в гости приезжал Карлайл. Пара пинт каждый вечер – это было немного. Сначала. Приходил он поздно, но неразлучная парочка этого даже не замечала, ведь Джемму и Карлайла было не оторвать друг от друга. Они либо болтали под покровом ночи, либо спали в своих кроватях, уставшие после долгих прогулок по буковым рощам и холмам. Но когда Карлайл уезжал из дома и возвращался в школу, Джемма, погоревав несколько дней, возвращалась к жизни и уже не могла не замечать творящихся в муже изменений.

Его взгляд все чаще становился мутным, словно подернутым какой-то пленкой, и все чаще в нем загорался зловещий огонек. Оливер молча следил за женой, сидя в старом кресле, и думы его были тяжелы и темны.

В последнее время он сильно изменился, обрюзг. Светлые волосы стали реже, и сквозь них проглядывал розоватый череп, хоть Оливер и пытался скрыть это, зачесывая их назад. В облике появилась какая-то неухоженность, несмотря на то что Джемма всегда тщательно чистила и гладила его костюмы и рубашки, – ведь ее воспитали в уверенности, что внешний вид мужа целиком и полностью зависит от стараний жены.

По утрам он вставал хмурый и недовольный и морщился от назойливой похмельной боли. Джемма пару раз пробовала поговорить, пробиться к его разуму, ведь она-то знала, что Оливер – разумный человек. Но он окатывал ее злобным взглядом и отворачивался, оставив ее воззвания без ответа.

– Поучи меня, поучи... – как-то раз процедил он. – Ты-то сама, ну прямо святая...

Джемма не поняла, что он имел в виду, но сочла за лучшее пожать плечами и удалиться.

У нее был секрет. Близилась выпускной Карлайла, выдача аттестатов и бал по случаю окончания школы. Ларнихолл славился своими

выпускниками и своими выпускными балами, куда приглашали родителей учеников и девушек из женского пансиона мадам Брийяр. И Джемма шила платье к этому торжеству.

Она много раз замечала ищущий взгляд Карлайла, когда он оглядывал ее гардероб или стопки ткани в шкафу. Ведь он так и не увидел, какой наряд она сшила из того чудесного темно-зеленого креп-сатина, подаренного им пару лет назад, но спросить не позволяла гордость. И страх, что, может быть, она не оценила подарок и давно сшила из него платье кому-нибудь из своих клиенток...

Нет, конечно, она даже подумать о таком не могла. Ткань лежала в нижнем ящике гардероба, терпеливо ожидая своего часа. Джемма провела не один день, проглядывая модные журналы и книги по истории моды, и не одну ночь, набрасывая на белом потолке мысленные эскизы и чертежи. Наконец она определилась – и представила платье до мельчайшей подробности, до последнего стежка вышивки. Оно было готово, оставалось только сшить его.

Через две недели, накануне торжества, Джемма обрезала последнюю нитку.

После вручения аттестатов выпускники должны были задержаться в школе еще на пару дней, сдать книги в библиотеку, оформить письма и рекомендации для поступления в университеты. Но уже сейчас все они прощались со школой. Карлайл смотрел на одноклассников, учителей, стены старого здания и понимал, что страница его жизни переворачивается и открывается новая, еще совсем белая...

В зале Ларнихолла родители учеников, знакомые друг с другом по редким общим собраниям, вели светские разговоры. Толпа дышала, шуршала и поблескивала украшениями дамских нарядов и белоснежными манишками мужчин. Но то и дело каждый из этих людей косился на невысокого мистера с пузиком и нахмуренными бровями и его супругу, даму с интересным, чуть асимметричным лицом, большим улыбчивым ртом и россыпью светлых веснушек на щеках – миссис Хорни. Ее яркие волосы, перевитые лентой, были уложены в корону на затылке, открыв длинную шею. Всю девически гибкую фигуру Джеммы оплетало удивительное темно-зеленое платье средневекового кроя. Прямо под подбородком начиналось тончайшее кружево из серебряной нити, облегавшее и шею, и плечи, и руки до самых кистей. Причудливая драпировка на лифе спускалась к пышной многослойной юбке со вставками из органзы. Вдохновленная придуманным образом, Джемма попробовала чередовать в подоле креп-сатин то лицевой, то изнаночной

стороной, получив эффект перетекания из матовости в глянец и обратно. Она знала, что это платье – ее лучшее творение и всем, даже свадебным, нарядам, вышедшим из ее рук, не сравниться с ним. Ей хотелось верить, что подобные платья надевала королева Гвиневра или Изольда, и хотелось быть ими сегодня вечером.

После вручения аттестатов заиграла музыка. Родители с радостными улыбками разыскивали сыновей, пансионерки мадам Брийяр пестрой толпой толкались у стены, бросая быстрые любопытные взгляды во все стороны сразу.

Джемма почувствовала, что глаза Карлайла через весь зал обратились к ней, нашли ее. Повернула голову и улыбнулась при виде его восхищения. Карлайл пробирался сквозь толпу, не теряя ее из виду. Джемма вздохнула: он был такой красивый, ее сын. Высокий, с крепкими плечами, уверенными движениями и умным лицом. Совсем как из сказки.

– Мама, ты могла бы стать нашей королевой, – привлекая ее к себе и целуя в шелковую медь волос, прошептал Карлайл.

Джемма рассмеялась и заговорщицки понизила голос:

– Не говори чепухи, мой милый. Чтобы стать королевой, надо выйти замуж за принца, такого, как ты. А его высочество молодой принц Чарльз, хоть и холост, но и в подметки тебе не годится.

Карлайл церемонно поклонился, приглашая мать на танец, Джемма грациозно присела и вложила руку в его ладонь.

Они закружились в вальсе.

– Однажды, когда ты был маленький, Кэролайн Сондер сказала, глядя на нас с тобой: «Чтобы встретить в жизни идеального мужчину, надо его родить!»

– И ты с ней согласна? – Голос Карлайла достигал ушей Джеммы через россыпь аккордов.

– Не знаю. Мне кажется, если бы я тебя не родила, ты нашел бы другой способ родиться и отыскать меня.

Он ничего не сказал, но по глазам Джемма поняла ответ: конечно, отыскал бы. Не мог не отыскать.

Они танцевали без усталости. Джемма не помнила, когда кто-то обнимал ее талию в танце – с последнего танца прошла, кажется, тысяча лет. Сперва она побаивалась, что не сможет быть достойной своего сына, искусно обученного в закрытой школе, но решила просто расслабиться. Тело послушно повиновалось любому движению Карлайла. Они двигались, будто были не двумя людьми, а одним, с одними на двоих плавными шагами и поворотами. Рядом танцевали пары с неловкими партнерами и

кусающими от досады губы партнершами, их красные от волнения лица сливались в сплошное пятно. Карлайл держал в руках свою любимую, свою нежную маму, самую прекрасную для него женщину в мире, и почти задышался от радости, что может подарить ей хоть что-то, достойное ее – этот вечер, этот танец. У Джеммы сердце вырывалось из груди, она чувствовала себя Золушкой на балу и была счастлива от макушки до кончиков пальцев.

Люди вокруг переговаривались и перешептывались, удивленные. Эти двое, мать и сын, танцевали, как приглашенные танцоры, красивые, но какие-то не здешние, чужеродные. Многие отводили глаза, не понимая, почему им становится неловко от одного только вида этой пары.

И только Оливер, стоя в углу и поглощая бесплатный виски, неотрывно жег их глазами. Внутри горла снова возник горячий неповоротливый комок, который мужчина пытался протолкнуть вниз торопливыми глотками алкоголя. Но ничего не выходило. Он видел Джемму и ее улыбку, улыбку влюбленной женщины, и ее запрокинутое навстречу Карлайлу лицо. Перед глазами Оливера плыли картины тех ночей почти двадцатилетней давности, когда он на рассвете смотрел на свою молодую спящую жену и с горечью догадывался, что она во сне улыбается не ему. Но улыбалась она тогда так же, как сейчас, во время этого бесконечного вальса.

После отъезда родителей Карлайл долго бродил по Ларнихоллу, обуреваемый непонятным волнением. Кто-то из родных его одноклассников еще прощался в холле, и оттуда доносились голоса и смех. Хьюберт, уже студент университета, приехавший поздравить друга, встретил его в коридоре.

– Эй, Док.

Карлайл кивнул.

– Знаешь, я понял. Помнишь, когда мы с тобой подрались, ну, в детстве? – Хьюберт улыбнулся. – Ты тогда сказал, что очень любишь свою маму, а я нес какую-то чушь... Я сегодня понял, почему ты так ее любишь. Она у тебя королева. Никогда раньше такой ее не видел...

Карлайл похлопал его по плечу:

– А я всю жизнь вижу ее только такой.

– Да, брат, теперь понял. Завидую!

Хьюберта окликнули, и он отошел. А Карлайл вернулся в спальню, где провел так много ночей, думая о доме и маме. Его почему-то трясло, и в голову лезли тревожные мысли. Казалось, что на это нет причины, но

дрошь не стихала. Он понял, что должен сделать.

Попросив у Хьюберта ключи от машины, Карлайл быстро покинул двор школы, сел в автомобиль и утопил педаль газа в пол. Ему нужно было срочно попасть в Локерстоун.

Домой Джемма и Оливер вернулись далеко за полночь. Оливер был мертвецки пьян, и она сама вела машину всю дорогу от Эксетера, сменив свое средневековое платье на привычные брюки и джемпер. Покосившись на дремлющего мужа, у которого из уголка рта свешивалась, все удлиняясь, липкая нитка слюны, она усмехнулась: так сказка о Золушке заканчивается в современности.

Когда она стала укладывать Оливера в постель, он неожиданно пришел в себя. Сел на кровати и презрительно оскалился:

– Ну что, довольна, шалава?

Джемма отшатнулась.

– Мало тебе всего этого, еще и перед людьми меня позорить вздумала, да? – Он вдруг побагровел и стал кричать: – Что, думаешь, никто не заметил, как вы там друг с другом шуры-муры, да?

– Оливер, ложись спать, – твердо проговорила Джемма, отступая на шаг от кровати. – Ты пьян и не соображаешь, что несешь.

Но он продолжал сидеть. Джемма с тревогой заметила, что муж совершенно протрезвел. В нем чувствовались угроза и какая-то бесшабашная обреченность.

– Я не пьян, и ты это знаешь. А слушать меня не хочешь, потому что знаешь, что это все правда. Ты же не такая чистая, какой прикидываешься, наша святая Джемма. И никто тебе не поставит памятник за то, что ты спишь с собственным сыном. Что, думаешь, я не знаю?

Джемму охватило чувство гадливости. И жалости. Перед ней сидел человек, который за свою жизнь так ничего и не понял в самых близких ему родных людях. Он плевался и говорил неслыханные мерзости, но Джемма запрещала себе их слушать.

– Оливер, надо ложиться спать.

– Кому это надо? А? А-а-а?.. Я понял. Ничего не подозревающий муж сейчас будет дрыхнуть без задних ног, а женушка – что?.. Поедешь обратно к нему? Вот как ты ему улыбалась. Спать с собственным сыном! Шлюха! Да все даже видеть вас не могли, перешептывались, хоть бы постыдились, сами не позорились и меня идиотом не выставляли! Всю жизнь вы мне испортили, ты и этот щенок, твой выродок Карлайл.

Он замолк на мгновение, чтобы перевести дух. Тут его лицо исказила догадка:

– Я понял! Это он сейчас приедет сюда. И вы всю ночь будете кувыряться тут, под этой вот самой крышей, в моем доме. А я буду спать, да? Такой план? Ну уж нет. Так не пойдет.

Он встал с кровати и направился к Джемме. Инстинктивно скрестив руки на груди, она шагнула в угол, еще не понимая, что этим отрезает себе путь к отступлению. А Оливер все приближался. В его глазах горел безумный огонек.

– Ну что, женушка, правильно я разгадал, да? Сынка в любовники, отличная идея. Поздравляю. И со мной ты не спишь по этой же причине. Что, он лучше, чем я? Только вот сегодня не получится, ты уж извини, дорогая. Надо было подсыпать мне снотворного, если уж так хотелось, сучка течная. Но все, поезд ушел. Сегодня женушке придется покувыркаться с законным мужем. Поняла меня?!

Он взревел, и Джемма вскрикнула от испуга. Оливер схватил ее за руки с нечеловеческой силой и поволок к кровати. Швырнул на покрывало и стал лихорадочно раздирать на ней одежду.

– Оливер! Пусти! Ты с ума сошел?

– Да? – Он замер, крепко сжимая ее запястья и пригвоздив ее к кровати. – Сошел с ума? Это потому, что хочу собственную жену? Потому что всегда хотел, а ты всегда проходила мимо, поэтому, что ли?! Потому что жена стонет под своим сыном вместо мужа? Наверное, ты уже вся потекла в ожидании его, да? Ну, сейчас проверим...

Сжимая ее запястья одной рукой, второй он резко рванул застежки ее брюк. По паркету стукнула и покатила под кровать пуговица. Джемма забила изо всех сил. Слова Оливера и его действия – это все не может быть по-настоящему. Это какой-то кошмар, страшный сон. Надо двигаться что есть сил, и тогда она проснется, и тогда...

Она почувствовала руку Оливера у себя между ног, и ее замутило от отвращения. Она закричала, завертелась, как в огне под пыткой. Укусила его за руку, но Оливер только на секунду ослабил хватку. Джемма согнула ногу, стараясь ударить его в пах, но промахнулась. Она и не представляла, насколько силен ее муж. Его руки были словно из стали, пальцы оставляли на ее коже синяки, наручные часы черкнули длинную кровоточащую царапину на ее груди, но она не чувствовала боли. Ей нужно было только одно – вырваться, сбросить с себя его тело, этот удушающий кошмар, и вырваться на свободу, подальше отсюда, подальше от Оливера. На холмы, на берег, куда угодно!

Она еще вертелась, но силы были на исходе. Под разорванной одеждой Оливер шарил руками по ее обнаженному телу, покрывающемуся

крупными мурашками от ужаса. Ее сознание соскальзывало куда-то в сторону, на край происходящего, и перед глазами уже плыли холмы, затянутые розовой пеленой вереска, сиреневым пахучим маревом лаванды... И вокруг пенные волны, волны...

Ей надо бороться. Но силы иссякли.

Она закричала, протяжно, как чайка, как раненый зверь.

В этот момент Оливера отшвырнуло к шкафу. Он ударился головой, хрипнул и затих. Над Джеммой стоял Карлайл с перекошенным от ужаса лицом и темными, страшными глазами.

– Джемма... – Он назвал ее по имени. – Где больно?

– Это ничего, это ничего, – как заведенная повторяла она. Ее была дрожь, судорогой сводило челюсти, и слова выходили неразборчиво. – Ничего, мой милый...

– Руки... Здесь больно? Перелом есть? – Он быстро щупал плечи, локти, запястья, на которых уже проступали под тонкой кожей и вспухали багровые синяки. От ключицы наискосок через грудь шла глубокая царапина, из которой капельками сочилась кровь. Карлайл промокнул царапину рукавом своей рубашки.

– Голова. Не разбила? – Его пальцы осторожно исследовали ее голову, перебирая волосы.

Оливер зашевелился у шкафа, открыл глаза и, оценив ситуацию, исчез за дверью комнаты. Карлайл даже не повернулся к нему. Но Джемма тут же почувствовала, что она свободна. Из глаз хлынули неправдоподобно огромные слезы и непрерывным потоком полились по щекам.

Карлайл прижал ее к груди. Страх за мать постепенно утихал, кроме нескольких синяков, никакого физического урона ей не нанесли. Она дрожала, рыдала, и ее слезы текли по его шее, но с ней все было в порядке.

И тут Карлайла парализовала ярость. Он понял, что и как именно собирался сделать отец, он видел, как из последних сил отбивалась Джемма. Его Джемма. Оливер сделал ей больно. И бог знает сколько раз сделает больно еще. Он должен защищать свою любимую маму. И от Оливера в том числе.

– Я убью его.

– Не уходи... – Джемма цеплялась за его руки, ее залитое лицо было совсем безумным, словно она не понимала, что происходит.

– Я скоро.

В комнате стало тихо. Джемма задыхалась, грызя подушку, пока наконец слезы не кончились, будто внутри кто-то завинтил текущий кран. И тут в ее проясняющемся сознании возникли слова: «Я убью его». Они

еще висели в воздухе комнаты, отравляя его ненавистью. И Джемма, окаменев, почувствовала, что Карлайл сейчас действительно бежит по двору, догоняя Оливера и собираясь его убить. Она видела происходящее его глазами, испытывала эту ярость, этот черный гнев, эту чудовищную решимость. Эту грядущую ошибку, самую роковую, после которой не будет уже возврата.

Господи, нельзя этого допустить. Убийство – страшный грех, а убийство отца! Карлайл навсегда исчезнет, если сделает это. Нельзя, Карлайл, нельзя!

Джемма двигалась в лихорадке. Разорванную одежду она в секунду сменила нормальной и помчалась вниз по лестнице, перепрыгивая ступени. Убьет, убьет – тяжело, молотом бухало ее сердце, заполнив всю грудную клетку, так что трудно было дышать.

Она выскочила во двор. Тьма была непроглядная, одна из тех глухих безлунных ночей, которые будто созданы для самых ужасных злодеяний. В стоячем воздухе пахло смертью, и у Джеммы, кинувшейся вперед по тропинке, волосы встали дыбом от страха неминуемой гибели их всех.

– Карлайл, не надо, – едва слышно прошептала она. Хотела крикнуть, но не смогла. Мужчин не было видно нигде. Джемма остановилась, не зная, куда спешить.

Карлайл услышал ее. Он догнал отца, но не нанес ни одного удара, только отшвырнул в траву.

– Что, сынок? Убьешь папашку-то? Чтобы занять его место? – шипел Оливер, переводя дух.

– Нет. Увезу маму подальше от такого уroda, как ты!

– Ну это мы еще посмотрим... – Воздух завибрировал от нового скачка Оливера. Он обогнул Карлайла и зашагал в сторону города.

– Сегодня все узнают правду! Что вы любовники! Извращенцы! Я долго терпел, но теперь... Весь город узнает.

– Тебе никто не поверит.

– Поверят, ты же знаешь, – на ходу бросил Оливер. – Сгниете в тюрьме, оба!

Прокричав последние слова, он понесся к забору фермы. Карлайл рванулся было за ним, но его удержали руки подоспевшей вовремя Джеммы.

– Отпусти его. Мы уедем, сейчас же. Уедем. Далеко-далеко, и он нас не найдет.

Не смея перечить, Карлайл кивнул. Гнев, только усилившийся от мерзких обвинений отца, наполнял ядом вены, бурлил по всему телу, колот

кончики пальцев невидимыми иглами. Ему хотелось растоптать, разорвать на части этого человека, который по странной прихоти судьбы стал ему отцом. Но руки Джеммы возвращали его в этот мир, как якорь удерживает корабли в родной гавани.

И тут...

Тьму прорезал короткий вскрик, от которого они оба замерли, как от удара.

– Оливер? – позвала Джемма, но никто не откликнулся. – Оливер?!

Тишина была густой и ледяной. Вдвоем, как сообщники, Карлайл и Джемма двинулись по мокрой от росы траве.

– Стой, – вдруг остановила она сына. – Там выгребная яма. Новая, вчера вырыли...

Карлайл нащупал в кармане зажигалку и чиркнул. Яма зияла в паре ярдов, и он осторожно подошел ближе.

– Не ходи сюда, не надо, – предостерег он Джемму, но она все равно подошла. Стало слышно, как застучали ее зубы.

В свете маленького пляшущего огонька было видно дно большой прямоугольной ямы. Внизу, в нелепой позе сломанной игрушки лежал Оливер, обездвиженный и бездыханный. Он был мертв.

На церемонию прощания из Лондона приехали Кэтрин с мужем Берти, родители Оливера из Эдинбурга, собрался почти весь город. Старшая чета Хорни держалась изо всех сил, хотя отец Оливера, Джозеф, пожилой властный мужчина, совсем почернел от горя: за минувшие годы он так и не успел помириться с сыном.

Джемма была рада, что никто не знает подробностей гибели Оливера. Она все-таки верила, что, несмотря на помутнение рассудка, закончившееся так трагически, Оливер заслуживает уважения и светлой памяти. Она прожила с ним почти двадцать лет, он стал отцом Карлайла. И до последнего времени она не могла пожаловаться на его пренебрежение или невнимание. Ее добрая память вычеркнула отвратительную сцену, произошедшую между Оливером, ею и Карлайлом. И сын молча согласился с этим, хотя сам придерживался иного.

Родители Оливера настояли, чтобы им отдали тело сына, чтобы похоронить его в фамильном склепе в Шотландии. Джемма не перечила, втайне она даже вздохнула с облегчением. Они уехали сразу после панихиды, на которой только безутешная Бетси Китс-Лоуренс давала волю слезам и причитаниям, ставя своего мужа в неловкое положение и давая пищу для локерстоунских сплетен еще на несколько лет вперед.

Через неделю Джемма и Карлайл покинули Локерстоун. Ферма и дом Вейлмартов-Донованов-Хорни были сданы в аренду среднему сыну мистера Кроули, который давно уже был управляющим вместо своего престарелого отца.

Карлайл поступил на медицинский факультет Эксетерского университета, Джемма сняла небольшую квартиру неподалеку. Им двоим, а больше всего пушистому Реми новое жилье пришлось по вкусу. Окно мансарды выходило на крыши соседних домов, и отсюда Карлайл и Джемма любовались небом, а Реми – соседскими кошками.

Джемма немного скучала по привычным холмам, пустошам и развалинам, хотя и признавала, что Эксетер тоже красив. Часто она прогуливалась по узким улочкам, любовалась громадой старинного знаменитого собора, его высокими сводами и улетающими ввысь окнами. Ее зачаровывала История – здесь ее дыхание чувствовалось отчетливее, чем на лоне природы. Повсюду вокруг стены, сама мостовая, дома помнили жизнь других поколений, и они, современные жители, были здесь только гостями или прохожими.

Однажды Карлайл пригласил ее на спектакль университетского театра. Давали «Ромео и Джульетту». Джемма с удовольствием отдалась неизвестному ей чувству, когда прямо перед ней жили и любили люди иного времени, а зрители выступали только бесплотными призраками будущего. Ей захотелось быть причастной к этому. На следующий день она устроилась в театр костюмершей. Платили немного, но вкуче с арендной платой за ферму им с сыном хватало на приличную жизнь.

Режиссер, мистер Хокинс, не переставал воздавать руки к небесам. Хвала Господу, они наконец нашли художника по костюмам! Джемма Хорни оказалась не только умелой мастерицей, она была сведуща в истории моды, и ему больше не приходилось объяснять очередной пигалице, что такой тип манжет или модель жакета нельзя пустить в спектакль, потому что они были изобретены лет на двести позже описываемых в пьесе событий. Мистер Хокинс радел за правдоподобие и историческую точность в театре – и был теперь вполне доволен.

А Джемма... Ее радости не было предела. Она целыми днями конструировала, раскраивала и шила. Парча, органза, ажур, шелк, барез, муслин, шифон, гипюр, бархат, вельвет, лен... Меланжевые, мулированные, набивные... Это была ее стихия. Костюм для служанки доставлял ей такое же удовольствие, как и наряд знатной герцогини или облачение священника. Она творила само время. Благодаря ей в примерочной бойкая студентка филологического факультета превращалась в монахиню-

урсулинку, а скромный нескладный физик становился богатеем-маркизом из комедий Гольдони.

Карлайл часто забегал поведать Джемму. Сам он не чувствовал стремления к сцене, но ему нравилось наблюдать, как под руками Джеммы рождается волшебство. А на репетициях он садился за рояль и наигрывал актерам мелодии, подходившие под настроение того или иного эпизода. В перерывах, пока шло обсуждение или перемещение декораций, он, словно задумавшись, касался пальцами клавиш, одной, другой, третьей. И Джемма, закалывая кому-нибудь костюм или подшивая на живую нитку подол, чуть улыбалась полным булавочным ртом: она единственная знала, кому эта мелодия посвящалась...

Частенько ей в работе помогала Энни Гамильтон. Она училась вместе с Карлайлом, только на курс старше. Первое время Джемма думала, что девочка мечтает о театре, но потом сообразила – о Карлайле. Достаточно было поглядеть, как розовеют ее аккуратные ушки в его присутствии, как нежнееет голос. Джемма была бы довольна, если бы сын выбрал Энни себе в подруги, она была умна, вежлива и вообще очень симпатична. Карлайл улыбался ей ласково, и сотню раз Джемма уже ждала, что он поделится своими душевными переживаниями насчет этой молодой особы – но Карлайл молчал.

Осенью часто шли дожди. Однажды, как обычно съев на завтрак жидкой овсянки на молоке, яичницу и тосты, Джемма и Карлайл шли через парк к университету. Карлайл повторял на ходу конспекты и краем глаза следил, как Джемма осторожно обходила дождевых червей, повывлезавших из влажной пахучей земли прямо на дорожку. Сколько он помнил свою маму, она всегда поступала именно так. Карлайл вздохнул полной грудью влажный осенний воздух и тоже принялся обходить стороной дождевиков.

– Не хотел тебе об этом говорить, – улыбнулся Карлайл, – но на занятиях мы во имя будущего режем белых мышей и лягушек... А в следующем семестре и вовсе будет анатомичка...

– Знаю, – вздохнув, кивнула Джемма. Это для науки, так надо. А гибель этих существ под ногами людей будет бессмысленна... Вот я и не участвую.

Чмокнув сына в нос, Джемма поспешила к крылу здания, где находилась ее каморка-костюмерная.

Заперев за собой дверь, Джемма поморщилась и потерла руками виски. Голова снова разболелась, как обычно перед сменой погоды. В последнее время она болела очень часто, но, конечно, Джемма не признавалась в недомоганиях – незачем беспокоить сына по пустякам.

– Что ж, мы не молодеем, – философски пробормотала Джемма и оглядела себя в зеркало. Ее веснушки всегда прибавляли ей озорной вид, но скоро, лет через пятнадцать, они станут больше похожи на старушечьи пигментные пятна... Правда, морщин пока не так уж и много, только несколько лучиков вокруг глаз. Это оттого, что влажная погода сохраняет молодость, напомнила она себе. Волосы она уже несколько лет не носила распущенными – Джемма, носящаяся по округе с видом рыжеволосой колдуньи, осталась в прошлом. Зато фигура была прежней, девичьей, гибкой. Хотя когда-то, после рождения Карлайла, Джемма беспокоилась, что станет пышкой – как Бетси Китс.

Она улыбнулась своему отражению. Стоило прожить эту жизнь. Стоило пережить все то, что пережила она. Оглядываясь в прошлое, Джемма видела там только хорошее: улыбку Кэтрин, глаза бабушки Джеральдины и дедушки Уильяма, встречу с Оливером. Дольмены и замок, где жили ее старинные невидимые друзья. Ангела, который самым сказочным образом вдруг вошел в ее жизнь осязаемым человеком...

На втором курсе Карлайл устроился санитаром в городскую больницу и стал получать жалованье. В сочельник, оторвавшись от рождественского кекса, его самого любимого, он быстро исчез в прихожей и тотчас вернулся.

– Не могу дотерпеть до завтра, – сказал Карлайл. – Это тебе, моя любимая мама...

Он протянул Джемме крохотную коробочку, чрезвычайно гордый собой, ведь это был его первый заработок.

Джемма открыла синюю бархатную крышку, и ей на ладонь выскользнула подвеска на цепочке. Это был адуляр, который чаще называют лунным камнем, ограненный в виде большой гладкой капли, которую обвили четыре нити из красного золота. Холодные голубоватые всплески камня переливались и смешивались с золотыми искорками теплого металла.

– Луна в объятиях солнца... – прошептала Джемма. – Самый священный союз.

– Да, – Карлайл улыбнулся и покрыл поцелуями ее ладонь. – Знал, что ты поймешь.

– И откуда ты такой взялся...

Они вместе рассмеялись.

Джемма наблюдала за Карлайлом и Энни с нетерпением. На их месте, думала она, я была бы посмелее. А то вдруг появится кто-нибудь третий, смекалистее – и не бывать паре. То есть бывать, но уже с другой

переменной...

Карлайлу тоже нравилась Энни. Он был уверен, что любовь – это то чувство, которое он испытывает к матери, то, что невозможно описать словами, что доставляет боль, но больше – удивительное, трепещущее ощущение невесомости. С Энни Гамильтон все было по-другому. Он видел, как Энни напрягается в его присутствии, и его это волновало. Ему хотелось почувствовать, как тепла ее кожа, какие на вкус ее маленькие твердые губы. В ее близости было что-то волнующее, что-то телесное, простое человеческое. Он замечал, как грудь Энни выпирает под блузкой двумя нежными холмиками и начинает быстро подниматься и опускаться, если он задевает ее руку. Как мужчина и как студент-медик, он знал, что происходит между двумя людьми противоположного пола, но еще не успел подкрепить свои знания практикой. И здесь, рядом с миленькой шатенкой, хотелось перейти именно к этому. От таких мыслей Карлайлу становилось одновременно и жарко, и холодно.

Джемма шила костюмы к спектаклю. В «Ромео и Джульетту» вводили новый состав, и мистер Хокинс предложил ей перешить костюмы главных героев на свое усмотрение.

В четверг после органической химии Карлайл заглянул к матери в костюмерную. Энни уже была тут и, высунув кончик языка, размечала куском мела ткань по вырезанным Джеммой выкройкам. При появлении Карлайла девушка вздрогнула и неловко уронила линейку на пол.

– Слушайте, Карлайл, Энни. У меня тут возникла трудность. Никак не могу придумать для Ромео подходящий фасон и цвет. Может, вы мне почитаете? По ролям? Ну, чтобы воображение поработало быстрее, а?

Карлайл нахмурился. Это было не похоже на его Джемму – обычно посторонние ей только мешали. Энни же, наоборот, заметно обрадовалась и с готовностью взяла протянутый томик Шекспира.

– Я там заложила, – кивнула на книгу Джемма с невинным видом. – Только у меня один экземпляр, так что придется как-то вдвоем...

Карлайл метнул на нее лишь один взгляд. Его Джемма сейчас была похожа на проказливого лесного эльфа, какие водятся в дубовых рощах и ради забавы заманивают людей в непролазную чащу светом блуждающих огоньков.

Они с Энни начали читать. Это была сцена на балконе^[9].

– Как ты сюда пробрался? Для чего? Ограда высока и неприступна. Тебе здесь неминуемая смерть, Когда бы тебя нашли мои родные.

– Меня перенесла сюда любовь, Ее не останавливают стены. В нужде она решается на все, И потому – что мне твои родные!

– Они тебя увидят и убьют. – Твой взгляд опасней двадцати кинжалов. Взгляни с балкона дружелюбней вниз, И это будет мне от них кольчугой.

Карлайл и Энни читали признания других молодых людей, но... «Разве кто-то изобрел с тех пор новые слова?» – думала Джемма. От ее взгляда не ускользало ничего. Читая по одной книге, они вынуждены были сидеть рядом, и их головы и руки почти соприкасались.

Очень скоро Джемма отгородилась от слов, и голоса стали доноситься как из-за шторы. Ее эскизам не нужно было вмешательство, костюмы давно были сконструированы в ее голове. Она успела начертить в блокноте пару моделей для «Медеи», когда Карлайл оборвал реплику на полуслове:

– Мам. Ты не слушаешь.

– Конечно, слушаю, – возразила Джемма.

– Может, ты нас отпустишь? А то у меня голос что-то садится. – В доказательство он кашлянул.

– Конечно, идите. Там такой денек. Я вообще не понимаю, что вы тут застряли, – нетерпеливо тряхнула головой Джемма. Из прически выпало две шпильки, и она проворно воткнула их обратно, глядя, как за Карлайлом и Энни закрывается дверь.

С тех пор Карлайл все чаще вечерами пропадал с Энни. Они обошли, судя по их рассказам, все музеи, объехали все окрестности. Джемма была довольна.

Но вечерами Карлайл все равно находил успокоение только рядом с Джеммой. Он по детской привычке садился на пол у ее ног и обнимал их, прижимался щекой к коленям.

– Я скучаю по тебе, – пробормотал он как-то раз.

– Почему? Я ведь рядом, – слукавила Джемма. Она не могла признаться себе в этом, но тоже скучала по нему. Они успокаивались, только находясь рядом, когда одни, карие, глаза могли найти другие, синие.

– И я рядом. Ты единственная, ты моя любимая, самая родная. Единственная, – с нажимом произнес Кармайл, словно требуя от нее чего-то со смутной ревностью.

Она положила руку ему на голову, и больше за весь вечер они не проронили ни слова.

Дни сменялись днями, снова наступила весна. Карлайл делал большие успехи, его хвалили преподаватели, со многими из которых Джемма была знакома, и прочили ему будущее блестящего врача.

Но в последнее время Джемма старалась обходить врачей стороной. Ей казалось, что любой специалист непременно заметит, что с ней творится

неладное.

Она с недавнего времени знала это лучше всех докторов.

– Чувствуешь? Ммм... какой запах. Как у нас с холмов, – как-то, гуляя по живописному берегу Экса с нею под руку, Карлайл втянул носом воздух.

– Да... Иногда я вспоминаю Локер, – мечтательно кивнула Джемма. Но испытала только тревогу: никакого запаха она не чувствовала. Осторожно, незаметно Джемма постаралась принюхаться. Ничего. Она не чувствовала запаха привычной улицы, автомобильного газа, духов с жасмином, которыми час назад сбрызнула запястья. Ничего!

Джемма приказала себе не паниковать. Переутомилась, или еще что-то...

Но следом стал пропадать слух. Казалось, что звуки, раньше громкие, с каждым днем становятся все тише, все неразличимее.

Умирая от страха быть замеченной Карлайлом, она посетила врача в городской больнице. Проведя исследования, тот пригласил ее в кабинет.

– Видите ли, миссис Хорни... Вы в детстве не ударялись головой?

– Ну, однажды меня сбила машина... Лет в пятнадцать. Я пролежала два месяца в больнице Труро.

– Да, на снимке видны следы старой травмы. Видимо, в ней-то все и дело. Ваши органы чувств получают информацию, но до мозга она не доходит... – В глазах врача было сочувствие. – Что очень странно, потому что за разные функции – я имею в виду зрение, слух – отвечают разные отделы мозга. Честно говоря, я в замешательстве.

– И что, ничего нельзя сделать? – с тревогой, которую она скрывала изо всех сил, спросила Джемма.

– Повреждение было очень серьезное... Можно попробовать поддерживающую терапию, но она только затормозит процесс.

– И постепенно я оглохну окончательно... – Джемма вдруг разозлилась. Ну как же так?! Ее жизнь только началась.

– Возможно, и ослепнете.

Она до вечера бродила по городу. Закат искрился в стеклах домов, в воде широкой реки, в красных облаках. Мимо проходили корабли, кричали чайки. В парковом пруду плавали лебеди. Джемма купила у торговки сдобную булку и долго крошила ее, кидала крошки пригоршнями, и лебеди опускали в воду свои розоватые клювы.

Ей не было страшно. Только грустно, что ее болезнь причинит горе Карлайлу. Но, в конце концов, – это жизнь. Одно поколение стареет, второе приходит ему на смену. Они из разных поколений, пора признать это. Карлайл был ее вечным спутником и до, и после своего рождения. Будет с

нею и дальше, хотя теперь ему это доставит не только радость.

Она решила, что, пока есть силы, ни за что не признается в своем недомогании.

По ночам в ее голову шурупом ввинчивалась боль. Но утром Джемма была еще веселее, чем всегда, и так продолжалось ежедневно.

Сначала все шло как обычно, Карлайл много гулял с Энни, ездил знакомиться с ее родителями, просил ее руки. Они вместе строили планы на будущее, как отправятся отдыхать в Локерстоун или в Лондон, к бабушке Кэтрин.

Свадьбу запланировали на следующую весну. Джемма уже прикидывала свадебное платье для Энни и костюм для Карлайла. Ее дети должны быть удивительно красивы в этот торжественный день!

Лето подходило к концу, когда Карлайл заволновался. Он часто вглядывался в Джемму, в ее привычные движения, точные жесты. Что-то было не так, что-то изменилось. Джемма, всегда такая резкая, быстрая, ловкая, теперь двигалась сосредоточенно, настороженно и плавно. Будто с опаской.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – приобнял он ее, когда Джемма, задумавшись, поморщилась и потерла рукой ноющий лоб.

– Да, конечно. Просто устала немного.

– Приляжешь? Давай я уберу посуду.

Джемме не хотелось спать, не хотелось уходить с кухни, ведь они и так виделись с Карлайлом только вечерами. Но в комнату ее прогнал страх, что Карлайл догадается обо всем. Ведь не зря же он это спросил. И не зря он считается самым перспективным студентом факультета...

Теперь вечерами Карлайл приходил домой пораньше. Энни он говорил, что ему надо много выучить, на самом деле какая-то неведомая сила тянула его ближе к Джемме. Он не мог отойти от нее ни на минуту, даже нужда выйти в магазин вызывала тоску.

Больше Джемма не позволила себе в его присутствии ни единого бесконтрольного жеста. Она боялась выдать себя, хотя и знала, что этот день неумолимо приближается. Она села за свадебное платье, боясь, что не успеет его закончить зрячей.

Тринадцатого октября Джемма ждала репетиции спектакля и мимоходом делала зарисовки платьев. У нее было несколько замыслов, и она все не могла выбрать, какое платье больше всего подчеркнет красоту Энни Гамильтон, в будущем Хорни. Как вдруг... Изображение в блокноте помутнело.

Джемма, сердце которой тяжело билось, поморгала несколько раз. Она

видела, но сквозь какую-то пелену, контуры предметов расплывались. Джемма поняла, что пришло время сказать Карлайлу правду.

Взглянула на часы, поднеся их к самым глазам. Половина третьего. В это время у него закончилась последняя пара, сейчас он накинёт бежевое шерстяное пальто, сшитое ею год назад, попрощается с однокурсниками и придет сюда. Можно подождать, но... Тоска стала невыносимой. Джемме показалось, что если она не прижмет его к груди прямо сейчас, то умрет. Ей так хотелось, чтоб он пришел на помощь, защитил ее, как защищал всю жизнь, заслонил от болезни. Набросив на плечи плащ и обвив шею длинным шарфом, она выбежала на улицу.

Ее чуть не сбил с ног ветер, холодный, промозглый. Под ним Джемма почувствовала себя одиноко. Она с детства не переносила такой свирепый ветер, это был ее единственный враг. Ветер размотал шарф, растрепал прическу. Джемма хотела поправить ее на ходу, но сделала только хуже, и рыжая волна хлынула ей на спину и плечи. Ладно, пусть, это уже не важно.

Джемма и Карлайл увидели друг друга на перекрестке, точнее, Карлайл увидел, а Джемма скорее почувствовала: у людей вместо лиц были размытые пятна. Карлайл улыбнулся ей через улицу, глядя на ее разлетающиеся огненными языками волосы, и она ощутила тепло, согревшее ее даже на этом ледяном ветру.

Мимо них ехали машины, пешеходам горел красный сигнал. Джемма вздохнула с облегчением: все хорошо, сын стоит и терпеливо ждет, когда можно будет пойти ей навстречу. Джемма еще в самом детстве строгонастроено наказала ему, чтобы он не смел кидаться к ней через дорогу, пока не убедится, что это безопасно. Каждый раз, глядя на него с противоположного тротуара, она понимала по его улыбке, что он мысленно говорит ей сейчас: «Ну вот, видишь, я покорен твоей воле, я не хочу лишний раз огорчить тебя, и стою, жду, смотрю по сторонам, и перехожу дорогу только со всеми, только в специальном месте, хотя мог бы расшвырять все и вся вокруг, только чтобы скорее оказаться рядом...»

Наконец зеленый сигнал переключился на желтый, и автомобили затормозили. В голове вдруг стало как-то холодно и пусто, и Джемма поняла, что ничего не слышит и почти ничего не видит, ее глаза и уши были залиты белым бетоном. Она догадывалась, что рядом с нею уже пошли по переходу люди, и Карлайл двигается ей навстречу. Вот еще несколько секунд, и она будет в безопасности, она почувствует его горячие руки и поймет, что он рядом. Как жаль, что она его больше не видит!

И Джемма торопливо шагнула на проезжую часть, не замечая, что пешеходы все еще нетерпеливо переминаются с ноги на ногу, пропуская

запоздавший на поворот трамвай.

Он видел, как она шагнула на проезжую часть, на рельсы, и видел трамвай. Наверное, трамвай отчаянно звенел, но тишина заливала уши Карлайла, как бетон льется в опалубку, глухо, безнадежно. Еще можно спасти! Мама! Джемма, стой! Но он слишком далеко, и проклятое тело мешает, двигается слишком неповоротливо, медленно. Он успел всего три шага – а она, его тонкая кареглазая Джемма, уже в ярде от уродливой морды несущейся железной машины.

Он не видел ее гибели. Перед ним стояла другая картина: над улицей еще звенит его отчаянный крик. Джемме пятнадцать лет, ее волосы лужей расплавленной меди растеклись по пыльному треснутому асфальту. Туфли почему-то валяются в стороне, а рядом лежит опрокинутый навзничь искореженный велосипед, и спицы в его колесах еще мелькают, мелькают...

Уже год прошел со смерти Джеммы. Она похоронена на локерстоунском кладбище, там, где пахнет примулами и вереском, мокрой землей, морем, откуда видно ее любимые холмы и даже ферму. С подвеской из лунного камня и золота на бездыханной груди. Похоронена, но не оплакана – Карлайл не мог оплакать ее до конца, это было выше его сил. Как будто из жизни вынули сердцевину, то, что и составляло саму эту жизнь.

Энни не вынесла таких перемен. Вместе с Джеммой ушел в небытие и тот веселый и умный молодой человек, что покорила ее сердце. Того, кто остался вместо него, Энни не знала.

Он бросил университет, узнав, что Джемма обращалась перед гибелью к докторам и те не смогли ей помочь. Медицина оказалась бесполезна, когда речь зашла о самой дорогой ему жизни, – так зачем она тогда вообще нужна, эта чертова наука? Карлайл жил в Эксетере, в Локерстоуне ему становилось так больно, что он едва дышал. Но заставить себя не приезжать на родину он так и не сумел, ведь там была она.

Карлайл остался один. Он засыпал, помня ее глаза и улыбку широкого рта, а просыпался со всхлипом. Он помнил о ней все. Ее правое плечо, которое на полдюйма выше левого оттого, что она поджимала его, сидя за машинкой. Ее привычку держать булавки во рту и разговаривать, придерживая их в уголке обветренных губ. Подрагивание крыльев усыпанного веснушками носа, когда она старалась сдержать смех. Шорох ее подола и жасмин, которым до сих пор пахнет в шкафу с платьями.

Лил сильный дождь. Прошел год, а Карлайл так и не смирился. Он гнал по шоссе на пределе скорости, и от дождя не спасали крыша и ветровое стекло – его щеки были такие же мокрые. Дождем застилало глаза. Сколько раз он преодолел этот путь за год? Сто? Двести? И ни разу даже не заметил дороги. Там, в конце, дома – он верил – его ждала его Джемма, смеющаяся, с растрепанными волосами и этими своими резкими, точными движениями. Он всегда гнал как сумасшедший в этой яростной надежде. Но в доме Вейлмартов-Донованов жили другие люди, и ее смех в синей гостиной больше не звенел. Она ждала его под холмиком земли, так пьяно пахнувшей черной земли, поросшей клевером.

Карлайл убрал руки с руля всего на мгновение, чтобы вытереть глаза. На мокром повороте этого было достаточно.

Часть пятая

Он огляделся, мучительно пытаясь понять, где находится. Мощенная гладким булыжником аллея посреди осыпающегося сада, и вокруг оглушительная осень. Тихо ложатся на влажную землю последние листья, тихо оседает туман, покрывая все тончайшим слоем влаги.

Он не мог вспомнить, кто он, как его зовут и как он сюда попал. Но мог поклясться, что еще мгновение назад видел перед собой дорогу и ночь. И его лицо было мокрым от дождя. Он провел рукой по лицу – так и есть, влага. Наверное, это от тумана. Но при чем тут дорога? Ответа не было.

Концы аллеи терялись в тумане. Пахло холодным утром, поздними цветами и яблоками, прелой листвой, давно угасшим костром. Наверное, пахло именно так, впрочем, он не мог бы описать запахов, потому что запахи не имеют имен, да если бы и имели – он этих имен теперь не знал. Он не знал о мире ничего, меньше, чем только что родившийся младенец. Но внутри ворочалось Чувство. Оно было так велико, что грудной клетке не хватало пространства вместить его. Чувство это было сильнее, крепче, больше его самого, и начинало казаться, что это не Чувство растет внутри его, а он живет внутри этого чувства, как в сверкающем кристалле.

Чувство имело направленность. Вектор. Оно тянуло туда, вперед по аллее, затянутой кисеей тумана.

Он побежал. Как только он понял, что нужно сделать, он исполнил это без терзаний и сомнений. Надо бежать, что есть сил, на пределе возможностей, чтобы быстрее оказаться там, где... Там? Где?

Ботинки мелькали по булыжнику. Он ни разу не поскользнулся, не подвернул ногу на скользком камне. Мышцы не загудели от перенапряжения. Потому что камня не существовало, и ног тоже. Он был сам этим чувством, одной сгустившейся мыслью: туда, скорее.

И он достиг своей цели. Иллюзорное сердце радостно затрепетало в иллюзорной груди.

Он стоял перед величественным Домом. Это был его храм. В этом храме жило божество, какое именно – разве божества имеют имена? Разве имена – не придумка людей, не их глупое желание назвать все и вся вокруг себя?

Он шагнул на первую из шести мраморных ступеней. Она наполовину вросла в землю, и на нее со всех сторон напозала трава. Сделав этот единственный шаг, он остановился. Того человека, что несся сейчас по

аллее, от этого, стоящего на первой ступени, отделяла бесконечность.

Потому что он вспомнил.

Он вспомнил все.

Перед ним промелькнула его первая жизнь, в стране оптимистов и злодеев, и эта жизнь через пелену времени показалась нереальной. Промелькнула и вторая, с недавним, очень печальным концом и утратой, которую он не смог пережить. И он понял, что это за чувство, выросшее больше его самого, такое щемящее, болезненное и прекрасное. Унять боль – значило подняться на крыльцо. Так просто.

Он взбежал по ступеням и распахнул дверь.

За дверью стояла она. Бесконечно любимая, неотделимая, вечная. На краю его памяти вспыхнул образ: она встречает его с работы, в маленьком миниатюрном тельце и с шаловливым лицом в обрамлении растрепанных черных волос. Или другой: она торопится к нему по изгибу холма, высокая, рослая, и нос весь в веснушках, а на щеках ямочки. Два этих образа наплыли один на другой, потому что он не мог решить, в каком обличье она лучше. Этот вопрос был обречен на провал: она прекрасна, и ее внешний облик не играет никакой роли, это не более чем привычка. Сейчас она стояла перед ним, счастливая, сотканная не из плоти, а из света. Он видел только глаза. Глаза ее души. Все ее лицо было неясно, зыбко, оно менялось, шло рябью, даже не пытаясь застыть в одном из двух знакомых ему вариантов. Он знал, что и она видит его так же.

Они слились. Он и она больше не были разделены и видели все вокруг таким, каково оно в действительности. В настоящей действительности. Из обрывков человеческой памяти мелькали их человеческие лица, их встречи, их мысли – одни на двоих.

Рядом вспыхнула и заискрилась знакомая вещица, оттуда, из далекого материального мира. Лунная капля, обвитая солнечным металлом. Их единство, воплощенное в предмете. Рядом соткалось из воздуха обручальное кольцо. Это были ее мысли, которые он видел так же отчетливо, как и свои. Этим она говорила ему:

– Видишь, мы вместе. И эти предметы – это тоже мы, мы знали, что вместе, еще тогда, когда были на земле и не знали вообще ничего, в каждой нашей жизни.

– Когда любишь, знаешь все. Все самое главное.

Дом ждал. Он был неясной дымкой вокруг двух душ. Он содержал в себе все многообразие форм и предметов. Как белый лист вмещает в себе миллион не нарисованных на нем образов, так и Дом по их желанию мог превратиться во что угодно. Но этого желания не было.

«Зачем цепляться за предметы, места, пространства. Какая нам разница...» – думали они.

Вокруг все тонуло в ярком мареве. Это было небо, такое, каким его никогда не видит человек. Жаркий солнечный свет в синеве, зыбкий теплый янтарь, ослепительное сияние. Они парили, плыли, купались в небесном огне.

Мимо, рядом, внутри и одновременно снаружи роились неисчислимые множества Идей. Все человеческое происходило Сейчас, потому что не было ни прошлого, ни будущего. Сейчас на земле, далеко-далеко, человек брал в руки палку-копалку, изобретал самолет, рождался и умирал. Сейчас Платону открылось то же самое, что и им, и Данте начал свою «Божественную комедию», и возводился Стоунхендж, и заселялись соседние планеты, и они вместе с Пифагором слушали музыку сфер – Пифагор слышал только отзвук, а они были растворены внутри ее... Идеи плыли, неизменные, вечные. Те, что известны человеку, и те, что еще станут известны, и те, которые никогда даже не появятся на людском пути. Они все были рядом, единым целым, одним сверкающим вихрем мыслей, творений, форм, жизней, судеб, событий, войн и перемирий, рождений, написанных и ненаписанных книг, симфоний, картин. Все уже было решено, пройдено, и еще ничего не началось, и было в самом разгаре. Вселенная начиналась, и кончалась, и длилась – сейчас, здесь, в этот самый момент, которому не было конца.

– Всегда хотела узнать, что такое гениальность... – подумала она ему. – Оказывается, это возможность еще во время человеческой жизни заглянуть сюда... Никто из живущих здесь не бывает, только стоит на пороге и в щелочку подсматривает. Но это и называется откровением... Как запрокинуть голову и увидеть в небе падающую звезду.

Она сама поразилась такому плоскому сравнению. Ни одного из человеческих языков, которые на самом деле были одним и тем же языком, не хватало, чтобы описать хотя бы малую толику того, что открылось им сейчас, в мире идей. В этом мире они, он и она, видели луну, покачивающуюся вместе с солнцем, так близко, что светила почти сливались. Ночь была то же самое, что и день. Верх и низ – просто слова. Ни границы, ни начала, ни конца. Бесконечность, вечность – все это даже отдаленно не объяснило бы то, что видели сейчас они, две души, которые обрели друг друга.

Они плыли. Земной тропический тайфун, крутясь вокруг, бережно покачивал их. Мелькнувшая грозная молния тут же и застыла, освещая своим светом их то исчезающие, то появляющиеся лица. Они привычно

разъединились и приняли более-менее человеческие очертания – чтобы взяться за руки и прогуляться. Облако под ногами напоминало клочья мыльной пены.

Она зачерпнула целую пригоршню облака и запустила в него, хохоча. По небесам раскатился, звеня, ее веселый смех. Он поймал обрывок облака и дунул на него: тот стал самостоятельным облачком и уплыл куда-то. Они вместе подумали: может, сейчас кто-то с земли увидит его. Но вряд ли... Тогда они вместе соорудили большую тучу – сизую, пронзенную снопом солнечных лучей, – и пустили вдаль, в надежде, что хоть один человек там, вдалеке, заметит ее и почувствует прекрасное. Пусть только на секунду.

Она потрогала рукой радугу. Лизнула. На вкус радуга была... ни с чем из земного не сравнима. Но вкусная.

– Ты смешная. И любимая.

Безмятежность. Счастье. Растворение.

Они вернулись в Дом. Или Дом возник вокруг них – по одной только мысли.

Она откинулась на диванные подушки и обвела глазами обстановку. Чем сильнее она вглядывалась, тем больше вокруг становилось вещей. Кувшин с клюквенным морсом, картина, занавеси на окнах, деревянные панели на стенах, резной шкаф, позвякивающая от ветерка люстра, мягкий ковер, паркет, кровать под полупрозрачным балдахином. Вешалка на стене, рояль, чайник, герань в горшке...

– Стой-стой, – засмеялся он. – Зачем все это? А как же радуга? Не хочешь съесть ее всю? Обставить дом – это так по-земному...

– Почему бы и нет? Женщины так любят вить гнездо.

Они хитро переглянулись. Конечно, это было только баловство. Ее душа всегда отличалась озорством, только теперь можно было это не скрывать. Да и не получилось бы скрыть – все ограничения оказались забыты, точнее, их никогда не существовало. Вечность баюкала их и позволяла делать все что угодно.

Она могла начать готовить ужин. И еда была бы вкусной и приносила удовольствие.

Он мог собрать для нее полевые цветы. И они пахли бы в меру остро, но не навязчиво.

Она могла бы повесить Полярную звезду у кровати, чтобы та освещала их спальню одним бесконечным вечером.

Они могли бы смотреть на закат, на луну, на море, гулять в горах или по линии прибоя, играть в снежки на Эвересте или собирать сокровища на дне древних морей. Они знали, существовала ли Атлантида (существует?

будет существовать?), и видели своими глазами постройку пирамид.

Они получили ответы на все вопросы.

Вода была мокрой. Снег – холодным. Песок сыпался между пальцев, цветы распускались и увядали, и на их месте вырастали новые цветы. Облака бежали по кругу, меняясь, переливаясь из одного в другое. Млечный Путь мерцал туманностью, не важно, качался ли он над головой или под ногами. Все дары мира, вся его красота, все его идеи, тайны – все восставало перед ними, одинаково удивительное, очевидное и близкое. Это не могло надоесть, чувства не утрачивали свою остроту, ясность, чуткость. Все ощущения были равными для них двоих, все мысли, стремления, малейшие движения – согласие и гармония.

И был вечер, и было утро... И подул ветер. Сначала потянуло легким сквозняком по ногам. Она босыми ступнями почувствовала его первой. И печально вздохнула. Таков был закон, придуманный не ими. Тем, кто создал этот мир, кто сам был этим миром.

Пока они гуляли в вечности, уже забылось, что есть земля, люди, человеческий путь. И что все это вокруг – лишь награда за любовь, за жизнь, прожитую без зла. Теперь им припоминалось все очень смутно. Но главное, что они и там встречали друг друга.

«У меня найдется сил разыскать тебя, – подумали они оба, сливаясь на мгновение. – Я рядом с тобой. Только не делай глупостей, только не оступись»...

Ветер подул сильнее, и дверь Дома не выдержала, распахнулась.

Поток воздуха влек их за собой. Они вышли, держась за руки, и спустились по ступеням плечо к плечу. Только тогда их подхватило и понесло в разные стороны. Пока туман не сгустился, они смотрели друг на друга. Но наступил момент, когда все завертелось волчком и пропало.

Часть шестая- Аэропорт

Москва, Россия. Монреаль, Канада. Наши дни

Это был последний день перед отпуском. Инна только что оформила путевку очередному клиенту и пожелала ему с супругой приятного отдыха – в этот раз на Бали. Клиент вышел, а Инна устало откинулась на сиденье офисного стула. Ее напарница Аллочка сбежала час назад, так что в кабинете она осталась одна.

Люди, побывав в этой комнате, разлетались кто куда: Франция, Германия, Таиланд, Мальдивы, Сейшелы – да мало ли прекрасных мест на свете! Инка всегда оставалась здесь, в душном замкнутом пространстве с плохо работающим кондиционером, сильно греющимся компьютером и диффенбахией в горшке. Заученно улыбаясь, она расписывала прелести пляжного – или активного – отдыха в выбранной стране, отели, экскурсии, анимацию. И втайне вздыхала.

Ее зарплаты хватало не на многое. Жила семья Инны на пенсию мамы, Алевтины Сергеевны, зарплату папы, Антона Ивановича, учителя географии, и на ее. Вроде бы внушительная сумма, но за вычетом квартплаты, еды, бензина и запчастей рассыпающейся на ходу старенькой «шестерки»... Инна каждый раз удивлялась: куда же подевались деньги? Копить никто из них не умел, и денег всегда было впритык. С трудом выкраивалось на сапоги, куртку взамен изношенной, новый диван вместо окончательно продавленного за долгие годы пользования. Правда, пару раз за свои двадцать пять лет девушка ухитрилась слетать в Турцию и один раз – в Египет, но этим все путешествия и ограничились. Не было и мысли позволить себе, например, трансатлантический перелет. А ведь этого хотелось Инне больше всего. Ей почему-то казалось, что там, за Атлантикой, ее ждет совсем другой мир...

Глаза Инны невольно обратились к большой глянцевой карте мира, висящей на стене. Желтые, сиреневые, розовые, зеленые, оранжевые и фиолетовые пятна стран и континентов, и вокруг всего этого – густая синева океанов. Мир такой огромный, такой загадочный, такой манящий. Инне не верилось, что на его карте больше не осталось белых пятен, такого просто не может быть! Скорее она бы поверила в то, что человеческая самоуверенность убеждает в этом каждого из жителей планеты: все

открыто, все известно, пожалуйста, убедитесь. Если бы самой начать убеждаться, наверняка нашлось бы что-то неведомое. Если бы.

Мир манил к себе Инну начиная с ее любознательного детства. Первым словом Инны было «земля» – наверное, оттого, что отец, не зная, чем занять грудного ребенка, часто крутил перед ней старый советский глобус, немного потертый с одного бока и поэтому списанный из школы и принесенный Антоном Ивановичем домой. Перед густо-каштановыми глазенками девочки мелькали острова, реки, материки. Это зачаровывало сильнее, чем сказки, – и Инна могла рассматривать маленькую планетку часами.

На десять лет, первый юбилей, папа преподнес ей неслыханный подарок: глобус с подсветкой. Они тогда только-только появились и стоили баснословно дорого. Без подсветки это был глобус с физической картой, а при свете вся суша расчерчивалась границами государств и окрашивалась в разные цвета, словно расшитая заплатками. Долгими ночами, пока не просыпалась мама, Инна щелкала выключателем глобуса и смотрела. Мельчайшие крапинки островов превращались в ее воображении в далекие берега, где на песок ложатся волны, или ревет в скалах шторм. Кергелен, Сырдарья, Сент-Люсия, Антананариву, Фиджи, Туамоту, Рейкьявик – названия будоражили, сводили с ума.

Инна много читала. С тех пор как в руки попался «Остров сокровищ» Стивенсона, она не переставала читать. Рафаэль Сабатини, Фенимор Купер, Райдер Хаггард были ее вечными спутниками. С ними она забывала обо всем, с головой окуналась в приключения на таинственных землях, и ей порой казалось, что все это происходит с ней самой, сейчас, просто в другом, каком-то параллельном пространстве. Любимые Тристан и Изольда, Гвиневра и Ланселот были для нее больше друзьями, чем персонажами, ведь Инна перечитывала истории о них столько раз, что выучила наизусть. И иногда ей даже начинало казаться, что она знала эти истории еще до того, как первый раз прочла.

Инна решила быть ближе к миру. И после школы выбрала себе профессию менеджера по туризму. Однако это оказалось не так интересно, как ночью вглядываться в очертания неведомых земель. Редко кто из клиентов собирался не по проторенной дорожке, чаще это были все те же Турция и Египет. А она и вовсе раз за разом оставалась тут, в Москве.

...Девушка очнулась и посмотрела на часы. Пора закрываться. Отдав ключи от офиса охраннику, она вышла на шумную гудящую улицу.

У Инны начался отпуск, и теоретически она была свободна как ветер. На практике же завтра ей предстояло ехать в маленький поселок Пряслень,

затерявшийся среди полей Черноземья, и продавать там старый домишко, оставшийся в наследство от недавно умершей бабушки Лиды.

Оставалось решить еще один маленький, но очень неприятный вопрос. Вопрос звали Артемом.

Они встречались уже пару месяцев. Артем казался Инне вполне симпатичным парнем. Он работал в головном офисе их турагентства и оказался более настойчивым, чем другие ее поклонники, поэтому-то девушка и пошла на сближение. Она все прислушивалась, когда же при звуке его шагов у нее затрясутся коленки – или что там должно случиться, если влюблена? Но коленки были все так же спокойны, да и сердце не торопилось выпрыгивать из груди.

Иногда Инна задавалась этим вопросом: как чувствует себя влюбленный человек? Не просто симпатизирующий кому-то, а страстно влюбленный, испытывающий это главное в жизни чувство – любовь. Она была повсюду, в кино, книгах, рассказах многочисленных подруг. Казалось, только к Инне любовь все еще не нашла тропинку. Так странно! Инна много читала и в свое время проглотила не один десяток романов в цветочных мягких обложках с сердечками. Прекрасные героини и сильные герои, они встречались и порождали вокруг себя непрекращающийся фейерверк, а послесловие или эпилог обычно твердили, что это светопреставление не утихло и с годами, и с многочисленными беременностями героини. Ну даже если не брать во внимание простые мелодрамы и любовные романы... Инна обожала Ремарка. Не одну ночь она рыдала в подушку, страдая за его героев. Вот кто умел любить, так сильно, что сама смерть не могла растоптать эту любовь. Вот кто был чист душой, честен и смел. Такими и должны быть настоящие люди, думала она.

Сначала Инна была уверена, что все то, что пишут про любовь, правда, и иначе просто не может быть. Она для успокоения влюблялась в одноклассников и однокурсников, но это не было даже отдаленно похоже на фейерверк. Постепенно она стала разочаровываться. Юленька Самгина, подруга Инны по институту туризма, пышечка с веселыми светлыми кудряшками и жизнерадостным нравом, почти каждый месяц звонила и, захлебываясь словами, долго и многословно описывала нового парня, с которым у нее «все серьезно». Инна даже в чем-то завидовала ей: такие чувства, такой накал! Не важно, что проходило все это через месяц или, в крайнем случае, через три. Главное, что во время своей короткой любви Юленька была готова и в огонь и в воду за своим избранником. Она описывала его глаза, прическу, стиль одежды, словечки, места свиданий с ним, вопросы, которые он задавал, и ее ответы – и еще миллион различных

подробностей. Это было совсем уж удивительно. Когда на свидание ходила Инна, она потом почти ничего не помнила. Весь вечер она чаще всего вполуха слушала самые непримечательные монологи, ковыряясь в дежурном салате «Цезарь» и панакоте или потягивая не менее дежурный мохито. Обычно она не запоминала ни одежду своего спутника, ни предмет разговора.

– Значит, пока не твое! – пожимала плечами Юленька. – Наступит момент, и ты...

Но момент не наступал. Инне было понятно все, о чем повествовали любимые авторы. Она знала, что такое любовь, ведь родителей-то она любила! Но мужчину... Ей казалось, что наступит такой день или вечер, когда она столкнется с ним лицом к лицу и поймет все и сразу. И не будет этих глупых разговоров ни о чем, стеснения, томительного молчания, условностей, предрассудков.

У нее не было недостатка в ухажерах. С некоторыми дело не шло дальше первого свидания, с кем-то она проводила несколько ночей. И все прислушивалась. Вокруг было так пусто, будто никого и вовсе не было рядом с нею, ни в темноте кинотеатра, ни в глухоте смятой остывающей постели.

Артем долго добивался внимания Инны. Этот улыбчивый шатен, высоченный, широкоплечий, был мечтой любой девушки. Нормальной девушки. Когда его увидела Юленька, она замерла на полуслове, за спиной у него показала Инне два больших пальца, а потом, наедине с подружкой, томно закатила глаза:

– Он просто бог! Красавчик, да еще с мозгами и работой. Вот везет некоторым...

Да уж, повезло. Вчера Артем как бы невзначай сказал, что вскоре собирается познакомить ее с родителями и не прочь сам представиться ее папе и маме. Инна быстро перевела разговор на другую тему, а внутренне только разочарованно простонала. Пора. Пора заканчивать все это.

– Расстаться? Как это?

Они сидели на скамейке в парке. Было жарко, от плавленого асфальта поднималась душная пелена. Инна решила рубить сразу, чтобы никого не мучить. Даже в ресторан пойти не согласилась, лучше уж поскорее все прояснить.

– Я просто поняла... что это неправильно. Мы с тобой совсем разные.

На лице Артема было нескрываемое удивление.

– Не понимаю. Инна, хоть убей, не понимаю, – помотав головой, произнес он. – Ну и что, что разные? Так же еще интереснее!

Артем хмурился, на его красивом лице появилось обиженное выражение, и девушка слегка улыбнулась. Артем взвился:

– Смеешься, что ли? Это шутка у тебя такая?

– Нет. – Инна покачала головой. – Это не шутка, я абсолютно серьезно. Мы с тобой больше встречаться не будем.

Несколько минут Артем сидел молча, переваривая сказанное. Пару раз искоса поглядывал на девушку, пытаясь разглядеть в ее чертах... Что именно? Огорчение? Разочарование?

Инне все это было неприятно. Эх, вот бы как-то и без слов, и без терзаний проблема просто разрешилась сама собой... Инна вообще не любила доставлять людям неприятности, а уж тем более боль. А Артем расстроился, даже обиделся, хотя до боли, к счастью, дело еще не дошло. Ну а чего, с другой стороны, она хотела? Чтобы молодой человек обрадовался и веселым шагом ушел прочь? Обычно людям надо выяснить все до конца.

– У тебя кто-то есть? – угрюмо спросил – Артем.

Инне хотелось сказать «да». Когда ночами ей не спалось, она по-прежнему включала свой любимый глобус с подсветкой. И вертела его пальцем вокруг оси, пытаясь разгадать: где он, ее любимый? Тот, кому она предназначена с рождения. Здесь, в России, может быть, даже в Москве? Или на другом конце света? Он ведь уже родился, даже вырос, наверное. Может, он старше ее. Сейчас, в эту минуту, что он делает? Спит? Смеется шутке, читает книгу, смотрит телевизор? Едет куда-то? Разговаривает, жует? На земле почти восемь миллиардов человек – каков шанс встретить свою половинку? Или в это верят лишь девочки пубертатного периода и ей давно пора заканчивать валять дурака? В сущности, даже если эта половинка и есть, то как ее найти среди тысяч и тысяч плывущих мимо лиц... Так не бывает. Или все-таки бывает? Может быть, разделенные надвое души сами притягиваются? Возможно ли разгадать высший замысел, если он действительно существует? С другой стороны, чем больше Инна жила, тем чаще теряла надежду познакомиться хоть с одной парой, которая бы прожила жизнь душа в душу – так, как описано в сказках.

Это все сказки... Или?

Он точно есть, его не может не быть...

Река Святого Лаврентия искрилась под солнцем. Марсель Моран доедал сэндвич с курицей, не отрываясь глядя на край острова Монреаль из окон издательства, занимавшего несколько кабинетов на двадцатом этаже

небоскреба.

В кабинет вошла Франсуаз, невыразительная блондинка средних лет, так и не научившаяся носить деловые костюмы. Видимо, из принципа. Вместо этого на ней были джинсы и футболка, волосы стянуты в хвостик. Когда-то, только приняв ее на работу, Марсель пару раз посоветовал Франсуаз надевать юбку и пиджак, но скоро закрыл на это глаза. Франсуаз оказалась незаменимой секретаршей, толковой и исполнительной, и с делами расправлялась виртуозно. А то, что не соблюдает дресс-код, – ну и пусть, это же не Уолл-стрит, а обычное издательство туристических путеводителей.

Франсуаз замерла у двери.

– Что-то случилось? – Марсель смял бумажную обертку из-под сэндвича и послал ее прямым броском в корзину для бумаг.

– Там пришла... автор романа. – Слова Франсуаз прозвучали как-то непонятно, то ли это вопрос, то ли утверждение. Франсуаз явно была удивлена.

– А, Дороти Тревел?

То, что шеф сразу сообразил, о ком идет речь, удивило Франсуаз еще больше. Их издательство занималось путеводителями и туристическими брошюрами, романы они не издавали. В приемной она настоятельно советовала женщине проверить свой блокнот, потому что была уверена: та ошиблась этажом. Однако, видимо, шеф в курсе дела. Что ж, сама Франсуаз никогда точно не могла понять, что у него на уме. За его яркими, даже чересчур яркими сапфировыми глазами скрывался незнакомец. Столько лет они уже работают вместе, а она все не может разгадать его, особенно когда мсье Моран вот так смотрит вдаль в окно их офиса, на поблескивающую ленту Святого Лаврентия и куда-то дальше. В его взгляде сквозит какая-то боль и поиск. Что он ищет, когда вот так смотрит? От вида застывшего в задумчивости шефа ей всегда становилось не по себе.

– Так что? Пригласить ее войти?

– Да, конечно. – Марсель кивнул и поправил галстук, застегнул пуговицу сорочки у горла.

Франсуаз пригласила посетительницу и плотно затворила за собой дверь.

Дороти Тревел радостно улыбнулась ему. Как и всякая уроженка Торонто, она больше смахивала на американку, чем на канадку (Марсель, конечно, имел в виду франкоканадок), особенно широкой улыбкой. Впрочем, она была очень мила. Они познакомились с месяцем назад на книжной презентации. Узнав, что Марсель возглавляет издательство,

Дороти буквально упростила его прочесть ее только что написанный роман. Никакие увещевания и доводы, что он не занимается художественной литературой, не помогли, и Марселю было проще согласиться прочесть книгу.

Роман оказался любовным. Осознав это на пятой странице, мужчина поморщился. За свою тридцатилетнюю жизнь он прочитал довольно книг, и любовные романы не входили в его приоритеты. Слишком часто Марсель видел примеры бедствий, которые влекла за собой эта самая любовь. Тем более что... Тем более что саму любовь, в том виде, в котором ее воспевали трубадуры, он сам никогда не встречал. Кажется, даже идея ее слишком переоценена, а слова «я тебя люблю» слишком часто себя дискредитировали.

Все чаще Марселю начинало казаться, что такого чувства и вовсе не существует, что это выдумка людей, чтобы хоть как-то оправдать бессмысленность своего существования. Но, каждый раз при этой мысли, он мгновенно понимал, что не прав. Одно дело – высказывать такие суждения на людях. Обычно ироничный взгляд на чувства придает мужчине необъяснимый вес в глазах противоположного пола: все тут же стараются доказать, что он не прав. Совершенно другое дело – действительно искренне верить, что любви не существует. В самой глубине души Марсель знал: это не так. Она есть, и она, наверное, еще страшнее и прекраснее, чем он может себе представить. На всякий случай Марсель Моран старался держаться от такого предмета дискуссий на расстоянии.

Мисс Тревел смотрела на него с надеждой. А он... он молчал. Признаться, он еще ничего для себя не решил. Книга ему понравилась. Преодолев предубеждение, Марсель прочел до самой последней страницы и остался доволен. В книге всего было в меру – и слез, и приключений. Это оказался крепкий, перспективный, прибыльный роман – его потенциал внутренний цензор Марселя отметил сразу. Даже несмотря на то что...

– Наше издательство занимается путеводителями, как я вам и сказал, – нерешительно напомнил он.

– Да, я помню это... Мне бы хотелось узнать именно ваше мнение о книге. – Мисс Тревел говорила по-французски с сильным акцентом, но на удивление правильно. Впрочем, она же все-таки канадка, подумал Марсель.

– Вы знаете, мне понравилось. Я удивлен, что вас еще не оторвали с руками другие издатели! Легкий слог, хорошая интрига...

Дороти кивнула в знак благодарности. Ее щеки порозовели от похвалы, и Марсель с удивлением понял, что она привлекательна. На вид – его ровесница, может, чуть младше, где-то около двадцати восьми –

тридцати. Невысокая, с ясным взглядом и немного детским лицом в форме сердечка.

– Один вопрос... – Марсель пристально посмотрел на нее, и Дороти настороженно заерзала в кресле. – Вы сами верите в то, что написали?

– Да, – мгновенно последовал ответ. Выпалив его, Дороти стушевалась и даже легонько закусила губу.

И Марсель поверил ей. Он встречал разных женщин, стервозных, мечтательных, ядовитых, квелых, скучных, ветреных, умных. Американских, канадских и немного европейских. Но эта была первой, которая действительно убедила его в том, что верит в любовь. Без жеманства и кокетства, но мягко, просто – и глядя в глаза.

Марсель улыбнулся:

– Меня побьют коллеги, но... Мы опубликуем роман. Наверное, это все из-за вашей фамилии, не хочется упускать такой шанс!

Мисс Тревел весело рассмеялась, и Марсель невольно улыбнулся. Не бог весть какая шутка, но ей понравилась.

Заклучив договор, он пригласил Дороти на свидание, чего сам от себя не ожидал.

После ее ухода Марсель снова уставился в окно. Он прислушивался к себе. Внутри разливалась тоска. Странное ощущение, если учесть, что он только что назначил свидание хорошенькой женщине!

Он снова вернулся к воспоминаниям о сне. Именно его он обдумывал, когда зашла Франсуаз. Сон был давний, знакомый, но от этого не менее тревожащий. С мелкими вариациями он повторялся из месяца в месяц уже много лет.

Какая-то улочка или аллея, как будто в пригороде Лонгёй, и осень вокруг. Он стоит один, все теряется в тумане. Он ищет кого-то, пристально вглядывается в концы аллеи, прислушивается. Вроде бы слышит шаги, идет на звук – но звук постепенно затихает, и он снова остается один. И вокруг только шелест багряных листьев.

Марсель просыпался с этим давящим одиночеством. Было больно в груди, сердце заходило стучком. Иногда он даже обнаруживал, что плачет, и вытирал слезы. Слава богу, у него нет постоянной девушки, иначе было бы как-то неудобно перед ней: взрослый мужчина ревет в подушку...

Он перевел взгляд с ленты реки на стену, где висела большая карта мира. Флажками помечены страны и города, о которых его издательством уже были выпущены брошюры. Все, хватит предаваться унынию, вечером, как говорит его отец мсье Моран-старший: «Хорошее вино и хорошая женщина прогонят грусть». А пока – надо работать.

Все уже было сделано. Продав дом бабушки Лиды и вернувшись в Москву, Инна написала заявление об уходе.

Это решение повергло родителей в шок. Не только родителей – коллег, подруг, саму ее отчасти. Все было решено в одну бесконечную секунду.

Наутро после неприятного разговора с Артемом Инна отправилась в Пряслень. Последний раз она была тут у бабушки на школьных каникулах, лет десять назад. Но в поселке, конечно, ничего не изменилось, только несколько соседских домов обшили сайдингом да вставили пластиковые окна, что в сочетании с традиционной постройкой малороссийской хаты смотрелось как-то диковато.

Встретившись с покупателями дома и оформив в администрации все нужные бумаги, Инна отправилась на речку. До обратного поезда было еще три часа, солнце в зените, жара, стрекот кузнечиков в высокой пахучей траве – нужно было непременно искупаться.

Отойдя подальше от пляжа, Инна оставила одежду в кустах и зашла в воду. Захватило дух – оказалось не так уж и тепло, но девушка продолжала заходить все глубже и глубже и, наконец, поплыла. Это было блаженство, усталость унесло течением, и даже головная боль, до этого разламывавшая затылок, растворялась в речном потоке.

Инна перевернулась на спину, зажмурившись, опустив голову на воду так, что залило уши. Ничего страшного, только вот все звуки пропали, осталось только какое-то гулкое эхо и далекое позвякивание цепи по подводным камням. Девушка отдалась на волю течению, изредка подгребая руками и слушая причудливые отзвуки речного мира. А потом она приоткрыла глаза и взглянула вверх.

Если лежать на воде и смотреть прямо над собой, берегов не видно даже краем глаза, и кажется, что река и небо – одно и то же. Солнце забежало за тучку, и на землю его лучи больше не падали. Но там, в вышине, все было ослеплено солнечным светом. Горячее синее небо обливалось сахарной глазурью легких размытых облаков, и Инне чудилось, что она купается в этом небе, плывет мимо изогнутых белых гор и молочных прожилок. Ее подхватывает ветром, согревает солнцем, она растворяется в небесном огне, таком сильном, таком синем, цвета чьих-то смутно знакомых глаз.

Где раньше она видела это сверкающее марево? Когда солнце будто совсем рядом? Когда вокруг проплывают то ли облака, то ли мысли, то ли само время, вязкое, почти осязаемое? Наверное, в иллюминатор самолета, во время перелета в турецкий Даламан... По крайней мере, другого ответа

Инна найти не смогла.

Тогда-то, в эту минуту, она и решила.

Ну конечно, как она сразу не догадалась! Этот сверкающий небосвод был самым прекрасным из того, что она видела в своей жизни. Она любила путешествовать. И была профессия, которая объединила бы для нее две эти страсти...

Вернувшись в Москву, Инна уволилась из турагентства и поступила на курсы подготовки стюардесс.

Два месяца она горела от нетерпения. Куда делись ее привычное спокойствие и покорность? Ей хотелось больше, быстрее – овладеть профессией стюардессы. Оказание первой медицинской помощи, поведение во время внештатной ситуации, психология и улаживание конфликтов, техническая безопасность, устройство самолета – все она впитывала с одинаковым рвением, и скоро стала лучшей в группе.

Еще одной заслугой Инны были языки, английский и французский, которые она знала в совершенстве. Английским она овладела по необходимости, а французский оказался ее отрадой. Инне нравилось его звучание, его похожая на русскую грамматика, сам дух французского языка: она могла поклясться, что у каждого языка есть свой дух, характер. Английский утилитарен и прагматичен, итальянский певуч и страстен, а французский – легкий и жизнерадостен. И наверное, особенно красив из уст мужчины. Так или иначе, языки ей оченьгодились.

На вокзалах и в аэропортах Инну всегда охватывало возбуждение. Для нее они казались большими перекрестками, где во все стороны света ложились дороги, железные или воздушные, не важно. Они разбегались, их концы терялись за границами этого государства, далеко-далеко. Почему-то возникала мысль, что среди них есть только одна правильная, которую непременно надо выбрать, чтобы достичь цели своего пути. Но Иннины глаза словно застлала пелена повседневности, она оказывалась в самом центре лабиринта, без карты и даже без мотка ниток, которые помогли бы ей выбраться. В поезда она садилась спокойно, но... Те три полета, два в Турцию и один в Египет, оставили в девушке чувство разочарования. Едва сядя в самолет, она понимала, что выбрала «не тот» путь и летит «не туда». Непонятное, неприятное ощущение! Ее изводило беспокойство, и она снова и снова внимательно читала в билете номер рейса, место назначения, время отправления, только чтобы убедить себя в том, что все правильно и она нигде не ошиблась. Беспокойство отступало, но не разочарование.

Новая профессия подарила ей надежду. Сама Инна не смогла бы

объяснить это. Ей просто нравилось, что теперь она станет свободной и побывает во всех странах, на всех континентах. И непременно перелетит через Атлантику, не раз и не два. Побывает в Америке и Канаде, заглянет в Бразилию, на Карибы... Мир открывался перед ней, готовый к встрече. Мечта осуществлялась.

После обучения, стажерских полетов, экзаменов, медицинских комиссий и изнурительного теста из 600 невыносимых вопросов («Любите ли вы свою мать? Желаете ли вы добра всем людям? Способны ли вы убить человека? Кажется ли вам, что за вами наблюдают?») она стала бортпроводницей третьей категории.

С этого момента Инна стала принадлежать только небу.

Все остальное она переносила стоически, с непрменной улыбкой на губах. «Только работа, ничего личного»: всегда летая с разными экипажами, она не успевала познакомиться с кем-то поближе, и поэтому сосредотачивалась на своих обязанностях. Пассажиры поначалу сливались в одну бесформенную массу, и было тяжело различать и запоминать их лица, их просьбы, потребности... На земле Инна и не предполагала, сколько всего ей надо будет делать там, на высоте 10 000 метров.

В самолет они, стюарды и стюардессы, заходили примерно за час до пассажиров. Проверяли, все ли в порядке со спасательными средствами, принимали аккуратные брикетки еды, укомплектовывали тележки. Им привозили газеты и журналы, и их тоже надо было разместить, чтобы часть лежала в карманах кресел, а часть можно было раздать. Час проносился в делах незаметно, и вот уже слышался сигнал:

– Внимание, принимаем гостей!

Торопливо напяливая на голову пилотку, а на рот – приветливую улыбку, Инна встречала пассажиров и помогала им рассестись. Следила за тем, чтобы у аварийных выходов не сели дети, и пересаживала их, если они уже успели расположиться там. Отвечала на вопросы, но если просили плед, вежливо отказывала:

– Непременно принесу, когда поднимемся в воздух... – Вместо крутившегося на языке: «Ну какой плед?! Мы ж еще на земле, тут тепло!»

Во время первого полета Инна спросила у старшего бортпроводника Оксаны, почему нельзя увеличить температуру кондиционера? Тогда можно не раздавать пледы...

– Ха, – Оксана ухмыльнулась, – тогда половине из них станет жарко, и ты же первая замучаешься тягать по проходу тележку с водой!

С тележкой и правда было тяжело. Когда все пассажиры рассаживались («Наконец-то! У нас расписано все до минуты!») по местам,

надо было раздать им газеты. У стюардесс и пассажиров возникал конфликт интересов номер один, который для последних проходил незаметно: пока они долго раздумывали, что бы почитать, у стюардесс, и Инна не была тут исключением, тикал внутренний секундомер. Чаще всего оказывалось, что на момент включения табло «Пристегните ремни» некоторые, забыв обо всем, держали в руках газеты и журналы. Но этот факт отходил на второй план: пристегнуться требовалось всем без исключения. Еще на курсах Инну пугали страшными историями о воздушных ямах, в которых нерадивые пассажиры и бортпроводники получали травмы, если проигнорировали ремень.

На собственной шкуре она испытала это в рейсе Омск – Москва. Самолет попал в турбулентность, когда Инна еще была на ногах. В мгновение ока она оказалась на полу, больно ударив коленку и вцепившись в кресло руками. Стюард Миша помог ей перебраться в кресло и развел руками, мол, сама виновата, предупреждали.

Однако ради этих минут, когда горело благословенное табло, Инна и летала. Самолет, громко гудя турбинами, взмывал ввысь, оставляя землю далеко внизу. Даже если на земле было пасмурно и холодно, там, над облаками, над всем миром, пылало солнце. Все терялось в бескрайней синей пустыне. Это так напоминало Инне когда-то увиденное ею из воды реки – та же безмятежность и невыносимое торжественное великолепие.

Теперь Инна часто чувствовала покой даже в дождь. Ей нравилось думать, что дождь и ненастье – это только здесь, на земле, будто понарошку. Ведь есть высший, «верхний» мир, где всегда отличная погода, и сам разреженный воздух, сквозь который видно на сотни километров, вселяет умиротворение, которое есть в небе и которого нет на земле.

Стюардессы, сидя на местах, довольствовались минутами отдыха и болтали без умолку. Инна редко поддерживала их болтовню, чаще смотрела в иллюминатор, каждым сантиметром кожи ощущая трепет и наслаждение.

Но гасло табло, и работа брала свое. В туалет тут же выстраивалась очередь, а стюардессам нужно было развозить соки и воды, а потом и обед. Наступал конфликт интересов номер два, теперь уже заметный обеим сторонам, но преодолеваемый все так же: невозмутимой улыбкой очаровательных девушек в форме. Тележка была тяжелая, проход узкий, и приходилось катать ее туда-сюда. Самые голодные пассажиры требовали еды, менее голодные долго не могли решить, что именно предпочитают: курицу, рыбу или мясо. Периодически нужно было заглядывать в список спецпитания, которое некоторые заказывали за 32 часа до рейса. Инна только вздыхала. Спецпитание готовили в Лондоне, а потом доставляли в

аэропорты Москвы. Кошерные, вегетарианские, диетические, диабетические блюда – голова шла кругом. Ситуация осложнялась и тем, что люди часто менялись местами, кому-то хотелось ближе к проходу, кому-то к иллюминатору, и в итоге владельцев спецпитания приходилось искать по всему салону.

Были и другие сложности. Иногда попадались пассажиры из разряда «Обслуживайте меня, я вообще-то на самолете лечу», кто-то хамил, относился как к прислуге. Инна не имела ни права, ни желания ответить. В такие моменты она находила в себе достаточно гордости и выдержки, чтобы не сорваться. В конце концов, именно хладнокровием и славилась ее сестры по профессии. Это хладнокровие пригождалось в каждом полете. Инна улаживала супружескую ссору, успокаивала расплакавшегося малыша и совершала еще десяток-другой незаметных подвигов, пока шасси снова не касались земли. Правда, совершенно терялась, когда надо было разговаривать с китайцами на английском: не получалось разобрать ни слова.

Несмотря на кутерьму, Инне нравилось. Родившись под знаком Весов, она считала воздух своей стихией. Воздух – но не ветер. Это единственное, что выводило ее из равновесия в новой профессии: ветер, разрывавший в клочья пространство любой взлетно-посадочной полосы, любого аэропорта мира. Она с самого детства недолюбливала ветер. Даже теплый, он пробирал ее до костей и вносил какой-то непонятный разлад в душу. На первых порах в своей авиакарьере Инна пыталась, соответствуя требованиям, убирать волосы в идеальный узел на затылке, но не спасали никакие заколки, шпильки и невидимки. Злой ветер вытаскивал их из темных локонов, прическа рассыпалась, и волосы взвивались вокруг ее лица змеями.

Что ж, если нельзя избавиться от ненавистного ветра – она избавилась от волос. Теперь, вместо гривы ниже лопаток, голову Инны обрамляло короткое дерзкое каре. Знакомые сошлись на том, что ей это очень к лицу.

– Ммм, ты прямо парижанка! – заявила Юленька, увидев ее новый стиль. – Или у тебя «аман франсэ»^[10]?

Нет, никаких любовников у Инны не было. Да и когда? Она часто уже не знала, куда сейчас летит. Барнаул, Иркутск, Красноярск, Благовещенск, Страсбург, Краснодар, Женева, Санкт-Петербург, Мюнхен, Франкфурт, Дели, Копенгаген... Благодаря знанию языков ее сразу же поставили и на международные рейсы тоже. Частенько времени между прилетом и отлетом было совсем мало.

– Ну что, девчонки, пойдём подышим заморским воздухом? – как-то

раз предложила стюардесса Маша, с которой Инна прилетела из Москвы.

Они спустились по трапу. В Москве только что, каких-то четыре часа назад, была уже поздняя осень, а тут, в Стамбуле, еще поднималось от бетонных плит взлетной полосы мягкое летнее тепло. Заходя обратно в самолет, Инна привычно взглянула на часы: на стамбульской земле она простояла одиннадцать минут. «Привет Паоло Коэльо», – усмехнулась про себя девушка.

Но выдавались и другие дни. Когда экипаж ночевал где-нибудь за границей в ожидании обратного полета. Тогда Инна, несмотря на валящую с ног усталость, выбиралась в город. Достопримечательности ее не интересовали, только лица. Казалось бы, лиц в ее жизни и так предостаточно, чуть не полторы сотни за один рейс. Но она все равно не могла себя заставить не смотреть. Ницца, Барселона, любой город мира – везде она бездумно бродила по улицам и вглядывалась в лица людей, будто старалась найти кого-то... и не находила.

Все получилось до смешного банально. Дороти забеременела. Их отношения продолжались всего два месяца, и Марсель, естественно, оторопел от такого известия. Но ребенок – это не проблема, на которую можно закрыть глаза, и от которой можно избавиться, это живой человек. Поэтому других мыслей у Марселя даже не возникло: он предложил Дороти пожениться.

Дороти Тревел нравилась Марселю. Англоканадка, а по факту типичная американка, она действительно оказалась очень самостоятельной и по-американски независимой. Видимо, ситуация с беременностью и ее немного вывела из равновесия, но Дороти старалась держать марку.

– Тебе вовсе не обязательно жениться на мне, Марсель, милый, – сощурилась она в ответ на его предложение. – Мы же взрослые люди. Эта ситуация... полностью моя вина.

Марсель расхохотался:

– Ну, я там тоже принимал участие!

– Да, и очень значительное, – улыбнулась Дороти. – Тем не менее я пойму, если ты не...

– Знаешь? Я хочу на тебе жениться, – проговорил Марсель. – И я рад, что у нас будет ребенок. Я тебя люблю.

Эти слова, сорвавшись у него с языка, оставили едкий серный привкус.

– Ты самый удивительный человек на свете, Марсель Моран. И мне очень повезло, что я тебя встретила, – с дрожью пробормотала Дороти и, обняв Марселя за плечи, поцеловала.

Благодарение Господу, Дороти не стала затевать пышных торжеств,

они тихо расписались в мэрии. Свадебного путешествия тоже не последовало, в самом разгаре была работа над путеводителем по Африке и изданием романа. Дизайнер несколько раз правил макет обложки, пока новоявленная мадам Моран не была удовлетворена.

Свою квартиру в Торонто она сдала внаем и переселилась к Марселю. Дороти писала новый роман, хоть и жаловалась периодически на скуку: мужа не было дома до вечера. Рядом с этим невысоким, крепко сбитым мужчиной с удивительно красивыми и мудрыми глазами ей жилось очень комфортно. Он безропотно сносил ее капризы и вообще оказался на редкость покладистым. Только вот в свои мысли жену не посвящал. Впрочем, она не очень и стремилась узнать, о чем он думает.

– Нам неслыханно повезло, – мурлыкала порой Дороти. – Издатель и писательница, чем не идеальный союз?

Марсель обычно в ответ на это думал, что он-то, положим, все-таки издатель путеводителей, а она автор любовных романов, так что союз можно найти и совершеннее. Но молчал. На его взгляд, самой интересной из увиденных в жизни пар являлись режиссер Тим Бертон и его супруга Хелена Бонэм-Картер. Мало того что режиссер нашел себе в жены актрису, которую снимает в своих фильмах. Главное, что Хелена Бонэм-Картер сама по себе, с этими огромными таинственными глазами и тенями под ними, была воплощением страшноватого мира фильмов Бертона, порождением его стиля. Если бы этой женщины не существовало, режиссеру пришлось бы ее выдумать. Но он ее просто встретил. Так, наверное, и другие пары, настоящие пары – носят в себе знак, отличительную черту своего предназначения друг другу.

«Впрочем, возможно, это просто мой сентиментальный бред, – остановил себя Моран. – Ведь режиссер и актриса – люди публичные, их истинная жизнь скрыта от обывателей типа меня... А там – кто знает...»

Дороти сидела дома, пока он пропадал в офисе. Они как-то чересчур быстро перешли от стадии влюбленных к статусу супругов, и пыл, не успев разгореться в полную мощь, уже угасал. Дороти часто бывала в дурном настроении, наверное, сказывалась гормональная перестройка или еще что-то... Жаловалась, что вдохновение дремлет, что ребенок пинается в животе, что постоянно тошнит, что соседка вчера укатила на лифте, не дождавшись ее, входившую с улицы. Марсель часто спрашивал себя, в беременности ли дело, ведь эту женщину он, по сути, и не знал даже. Какая она в жизни? Не в кафе, где они провели пару свиданий, не в постели, не в парке Нотр-Дам-де-Нэж на воскресной прогулке, а в жизни. Такие мысли он старался отгонять прочь и заваливал себя работой еще больше.

А когда работа все-таки заканчивалась, бывало и такое, он направлялся к своим русским знакомым, Лене и Роману, в школу иностранных языков в Кот-де-Нэж. Это было его хобби – изучать русский язык.

Лена и Роман, супружеская пара иммигрантов из русского города Саратова, несколько лет назад основали в Монреале школу русского языка. Впервые Марсель услышал о ней, когда готовил брошюру «Обучение в Канаде», и очень обрадовался. Используя брошюру в качестве повода, он познакомился с основателями школы, а вскоре и подружился. Россия и русский язык интересовали его всегда, он много слышал о русской культуре, литературе, музыке, балете. Обожал вечерами включать потрясающие произведения Чайковского, чтобы музыка волнами разносилась по всей квартире.

Он вообще очень любил музыку, сам умел немного играть на рояле, хотя и начал заниматься уже во взрослом возрасте. В его голову иногда навязчиво пробивалась какая-то томительная мелодия, нежная и пылкая – и он попытался музицировать, чтобы вытолкнуть мотив наружу. Увы, из этого пока ничего не получилось...

Марсель знал, в отличие от многих, что русские не питаются водкой и медвежатиной, не ходят в ушанках и валенках и не заставляют детей играть матрешками с лицом президента. Что, оказывается, климат там сильно похож на канадский, а это Марселю представлялось очень важным. Он был глубоко убежден: менталитет народа зависит, кроме исторических потрясений, во многом от природы края, где этот народ обитает. Россия и Канада – две большие северные страны, и сходного у них куда больше, чем принято думать, считал он.

В бытность свою студентом университета Макгилла Марсель даже посещал курс русского языка, но в то время не смог уделить ему должного внимания. Сейчас же никто этому не мешал. По воскресеньям Марсель даже ходил на встречи русского общества в Монреале, которое всегда и называли смешным словом «zemlyachestvo». Читал еженедельную русскую «Место встречи – Монреаль». Лена и Роман составляли ему компанию на прогулках по горе Мон-Руаяль, старому городу, бродили по Рю-Сент-Пол, сидели в многочисленных кафе рынка Бонсекур. И говорили с ним, говорили. Марсель был влюблен в русский! Такой певучий, долгий, вкусный. Он брал в библиотеке книги Чехова, долго рылся в словарях. Когда не мог понять значение какой-нибудь шутки или фразеологизма, непременно шел за разъяснением к своим учителям.

– Ты так рьяно учишь русский... Это не похоже на хобби. Можно подумать, собрался эмигрировать, – покачала головой Лена, крупная дама с

пепельной стрижкой. Вместе с тщедушным, чуть лопоухим Романом они смотрелись комично.

– Что такое «рьяно»? – уточнил Марсель, хотя и понял общий смысл ее слов. Беседа, конечно, шла по-русски.

– Ну, увлеченно, серьезно, активно, настойчиво...

Марсель, черкнув в блокнот новое слово, улыбнулся:

– Такие мысли об отъезде... Нет, нет таких мыслей.

– Пока... – протянул Роман хитро.

– Нет-нет! – Марсель замахал рукой. – А Дороти? Я ее не могу оставить...

Вечерами, именно из-за Дороти, ему не хотелось домой. Он ничего не имел против нее, но... Он от нее уставал. От ее внимания, и от невнимания тоже, от плохого настроения, и не меньше – от оживления, которое ее иногда охватывало. То она хотела прогуляться по парку, то мерзла и требовала принести одеяло, то гоняла Марсея в магазин за фруктами и молоком. Он беспрекословно исполнял просьбы жены, но при этом чувствовал только легкое раздражение, как от гудящей под потолком мухи.

– Как можно написать тонкий и проникновенный роман о любви, где герои чувствуют друг друга на расстоянии и понимают с полуслова, и с собственным мужем быть такой нечуткой? – вырвалось у него однажды, тихо, по-французски, с горчинкой. Дело было в кафе «Новый мост», затерявшемся в переулочках Латинского квартала. Лена ушла в дамскую комнату, и разговор с Романом быстро свернул на жену Марсея.

– Я пришел домой уставший и голодный, у нас ничего не было на ужин, и вокруг только беспорядок и какой-то мусор. Можно же было заказать еду, вызвать горничную... Да мало ли...

– Прости за то, что я сейчас скажу, но... Видимо, ты ее не любишь. В этом все дело, – Роман вздохнул с сочувствием. – Лена тоже часто не убирает в доме, а домработницы у нас нет. И готовит через раз. Бывает, я бурчу, конечно, но... В целом мне это не кажется проблемой. Главное, что она всегда со мной, и дома, и на работе. Дети приезжают на выходных... Нет, ты не подумай, что я ставлю нас в пример, просто я говорю, как у нас это... бывает.

– Она сказала, что верит в любовь. В такую, о которой написала. И я знаю, что верит!

– Только это не значит, что эта вечная любовь должна быть между вами, верно? С чего ты взял, что вы должны любить друг друга до гроба? Ты как будто в прошлом веке родился, теперь такие мысли – редкость...

Марсель поморщился.

Вокруг струился чудный джаз, на город и кафе ложились дымчатые сизые сумерки, все дышало красотой и ненавязчивостью. Давно вернулась Лена, они с Романом, откинувшись в полутьму, слушали музыку, извлеченную из саксофона молодым и красивым темнокожим музыкантом в серебристом парчовом фраке. Марсель смотрел на людей вокруг и понимал, что Роман прав. И что сам он, Марсель Моран, оказался просто глупцом. Ну да, благородное воспитание требовало, чтобы он женился на мисс Тревел, но... Она ведь предлагала отступить, пока не поздно. А впрочем, он все сделал правильно. Ничего ведь страшного не случилось? Месяца через полтора родится ребенок, его дочь. Это уже само по себе чудо и волшебство! И родится она в законном браке.

Почему-то от этой мысли Марселю полегчало.

Через месяц ему оказалось нужно лететь в Париж, в командировку. Французский издательский дом ждал его для важных переговоров насчет представительства, собирались многие издатели из Америки и Европы, и нужно было ехать непременно, чтобы не остаться за бортом.

Дороти закатила жуткий скандал.

– Ты меня не любишь! – Ее акцент стал еще более отчетливым. – А что, если я умру в родах?

– Дороти, не надо так переживать, – пробовал объяснить Марсель. – Я всего на пару дней, а рожать тебе еще через неделю или две.

– Это уж как ей, – она указала на живот, – вздумается! Ты тут не указ.

Марсель пожал плечами.

– А вдруг что-то пойдет не так. – На глазах жены появились слезы.

«Ей страшно, – уговаривал себя Марсель. – Не будь скотиной, прояви понимание».

– Милая, врачи всегда рядом. Они-то помогут лучше, чем я. Ничего не бойся. Это же не твоя книга о Средних веках, сейчас никто от этого не умирает, – попробовал пошутить он, но наткнулся на обиженный взгляд.

Несмотря на все увещевания, расстались они в ссоре.

Переговоры прошли успешно. Марсель решил не задерживаться в Париже, а сразу вылетать домой. Незаменимая Франсуаз успела заказать билет на ближайший рейс, и до вылета оставался всего час, который Марсель коротал в аэропорту «Шарль де Голль», или Руасси, как его называли тут.

Уже несколько часов им владело незнакомое, непонятное чувство. Он подгонял таксиста, боясь опоздать на рейс, хотя здравый смысл подсказывал, что он успевает. Рейс отложили. Ворвавшись в терминал номер 1, Марсель не мог найти себе места. Нет, свободных кресел было

достаточно, просто он не был способен усидеть ни в одном из них. Его была нервная дрожь, и он слонялся по терминалу, не зная, чем себя занять. Поминутно подходил к табло вылетов и прилетов, видел, как медленно его рейс ползет вверх, строчка за строчкой. Посадка еще не была объявлена.

Когда мимо кто-нибудь проходил (а люди сновали тут постоянно), Марсель вздрагивал, оборачивался, заглядывал в незнакомое лицо.

Порывы ветра гуляли по огромным залам, еще больше внося сумятицу во взбудораженный разум мужчины.

Марсель знал: что-то должно случиться. Что чувствует человек, садясь на самолет, которому не суждено долететь до пункта назначения, и похоже ли это на то, что испытывал сейчас он сам? Это интуиция, дурное предчувствие? Его ощущения не были дурными. Он ждал чего-то, все тело ждало, каждая клеточка его существа... Волнение, беспокойство, но и предвкушение, как будто в детстве, в рождественское утро, шаг за шагом приближаешься к елке...

Чтобы немного успокоиться, Марсель стал глубоко дышать. Усилием воли он заставил себя усесться в кресло с металлическим сиденьем в дырочку. Отсюда через панорамное стекло была видна улица. В метре слева от него подросток покупал газировку в красном автомате «Кока-колы», и мелочь падала в поддон как-то очень уж громко.

Зашелестел газетой высокий господин в зеленой шляпе. Подросток открыл банку колы с характерным пневматическим звуком, отпил и побрел восвояси.

Объявили посадку на рейс 8114, его рейс, но Марсель не двинулся с места. Ему не хотелось улетать. Он готов был все отдать, чтобы не лететь сейчас никуда, не вставать с этого кресла! Пусть все провалится в тартарары, не важно! Его пригвоздило к сиденью неведомой силой.

В кармане запиликал телефон. «Дороти Тревел» – высветилось на дисплее. Прежде чем поднять трубку, Марсель успел усмехнуться: он так и не переименовал ее в своей телефонной книжке.

По пятницам и вторникам Инне выдавали расписание на ближайшие дни. Во вторник она взяла лист уже привычно, без трепета. Вечером – рейс в Курган, туда и обратно, а в четверг – Париж. Инна обрадованно улыбнулась.

– Париж! – рядом с ней выдохнула белокурая девушка, глядя в свой лист.

– У меня тоже. Значит, вместе полетим? Я Инна.

– Женья, – приветливо отозвалась блондинка.

В Курган слетали без происшествий, спокойно, и утром так же вернулись обратно. Всю среду Инна провела дома. Вдруг надумала сделать маску на лицо и волосы, понежилась в пенной ванне, намазалась кремом. Хотелось чувствовать себя красивой.

– Для кого чистишь перышки? – поинтересовалась мама, Алевтина Сергеевна.

Инна пожала плечами:

– Для себя.

Ей пришло в голову, что неплохо бы выбрать платье... Но о каком платье может идти речь, когда вся ее жизнь проходит в форме, красной летней и синей зимней. Тогда она нашла в недрах шкафа туфли из черного бархата с лаковыми каблуками. И накарсила ногти пастельным тоном. Это единственная вольность, которую может позволить себе стюардесса.

Не зная, чем себя отвлечь от навязчивых мыслей о предстоящем полете, Инна отыскала на полке томик Ахматовой. Пальцы сами открыли страницу ближе к концу. «Реквием». Инна любила это произведение и одновременно ненавидела. Потому, что не могла закрыть поэму на середине. Потому, что все, там написанное, било прямо в грудь, больно царапало по самой душе, и рана начинала болеть, саднить. Потому, что все описанное было отчего-то так знакомо самой Инне, будто она сама вместе с автором пережила эти страшные времена репрессий, стояла в тюремных очередях, не смыкала обожженных слезами глаз и видела такие же глаза всюду вокруг. Глаза, глаза, тысячи глаз, познавших горе и ужас.

Инна прочла поэму дважды, вся содрогаясь под теплым одеялом, словно стояла на холодном ветру со снегом. И заснула, зажав книгу заледеневшей рукой.

Перелет в Париж был суматошным, пассажиры, как назло, попались требовательные и капризные, пару раз между ними даже вспыхивала ссора, и Инне пришлось разрешать ситуацию. Поразительно, как людям иногда нравится затевать скандал. Сама она всегда предпочитала до последнего молчать, чтобы не нарываться на грубость.

Бородач из четырнадцатого ряда трясся еще до взлета.

– У вас все в порядке? – поинтересовалась она, замечая его бледность, особенно контрастировавшую с чернотой волос.

– Я... У вас есть водка?

Все ясно. В глазах плескался страх. Пассажиры, боящиеся перелетов, встречаются почти на каждом рейсе. Пришлось с сочувствием пообещать, что водку она принесет чуть позже.

После нескольких бутылочек из дьюти-фри бородач впал в

полубессознательное состояние, периодически что-то вскрикивая. За ним глаз да глаз нужен, подумала Инна, а то такие пассажиры всегда незаметно перерастают в проблему.

Тысяча различных мелочей отвлекала ее весь полет. Женя, оказавшаяся на редкость веселой спутницей, вполголоса сыпала шутками и меткими замечаниями, так что Инна давилась от смеха. Долетели в очень приподнятом настроении.

Убрав салон после пассажиров, Инна решила прогуляться. До Парижа ей не доехать, через два часа обратный рейс. Ну хоть не стамбульские одиннадцать минут, успеет пройтись по аэропорту «Шарль де Голль». Она столько о нем слышала, так мечтала, что когда-нибудь прилетит сюда, а дальше – Лувр, Нотр-Дам, остров Сите, Сена, Эйфелева башня и, конечно, несравненный Монмартр... Увы, сегодня придется довольствоваться только аэропортом.

И все равно настроение было замечательное. В животе поселилось прохладное облако и шевелилось от легкого приятного волнения.

– Собралась прогуляться? – Женя вслед за ней спускалась по трапу.

– Да. Пройдусь немного...

– Жалко, что мы скоро улетаем. Я так мечтала тут оказаться, побыть подольше. Это же Париж! – На оживленном лице тараторящей Жени мелькал восторг. – А ты... совсем парижанка! Эта прическа... о, точно как у Мирей Матье! А еще я заметила, что у тебя глаза напоминают каштаны. Говорят, Париж всегда осенью пахнет жареными каштанами.

– Ну, сейчас весна...

– А мы еще вернемся, осенью, и поедем, да?

Инна с улыбкой кивнула. Женя была мила и непосредственна, но сейчас ей хотелось побыть одной. В аэропорту они разошлись в разные стороны.

В первом терминале было многолюдно. И безлико. Никакой это не Париж, это просто аэропорт. Здесь всегда один и тот же дух, несмотря на разные страны и континенты. Какая-то интернациональная зона, суetyщаяся, с большим пустым пространством, блеском хрома, стекла и каменного пола, громким голосом диспетчерских объявлений на разных языках мира.

В животе у Инны что-то происходило, будто поселились диковинные птицы, большие, сильные, и сейчас неспешно разворачивали там свои разноцветные крылья. Ощущение не из приятных, но и неприятным его не назовешь, этакое волнение пополам с ожиданием.

«Чего я жду, – удивлялась Инна. – Обратного рейса? В нем не будет

ничего примечательного, а больше и ждать нечего!»

Пару раз, увидев униформу стюардессы, к девушке подходили и спрашивали, как пройти к такому-то выходу, где регистрация на такой-то рейс... Инне хотелось стать невидимой, затеряться, раствориться, от таких вопросов она ощущала досаду, будто все это отвлекает ее от какого-то жизненно ей важного занятия.

Она смотрела на людей вокруг, тех самых, с которыми она никогда больше не встретится, прилетевших из разных концов земного шара – и сейчас разлетающихся обратно.

Усталая симпатичная женщина кормила ребенка, прикрыв грудь платком. На открытом плече у нее виднелась татуировка с дракончиком.

Бодрая старушка катила непомерно огромный чемодан и весело болтала по мобильнику, повторяя жизнерадостное итальянское «Си, си!»

Высокий господин в зеленой шляпе прошел, помахивая скрученной в трубку газетой.

Большое семейство выходцев с Ближнего Востока, цветастое, шумное, толпилось у стенда информации и верещало.

Японцы и китайцы, по своему обыкновению, фотографировали все вокруг: кадку с цветком, окно, балкон...

Инна засмотрелась на них и чуть не столкнулась с подростком с банкой газировки в руке.

– Pardon, – пробормотал он. Через пару шагов он кинул банку в урну, она зазвенела.

Инна побрела дальше. Сердце колотилось, будто она пробежала стометровку. То ли испугалась такого неожиданного столкновения, то ли... Девушка прибавила шаг. Ее шпильки касались плит пола с громким цоканьем.

По залу раскатывалось эхо объявления:

– Продолжается посадка на рейс 8114 Париж – Монреаль... Пассажиров просим пройти к воротам 12...

Инна остановилась у большого панорамного окна на улицу, тронув плечом ярко-красный автомат «Кока-колы». В висках застучала кровь. Инна обернулась и увидела кресло с металлическим сиденьем в дырочку, стоящее на отдалении от других и от этого какое-то одинокое.

Девушка присела, откинулась на спинку. Сиденье было теплым, как будто на нем только что сидел кто-то другой. Она судорожно вздохнула, и этот вздох был похож на всхлип. Плакать и правда захотелось невообразимо, слезы подбирались все ближе к глазам, пока не закипели у самых век. Инна запрокинула голову. Со стороны могло показаться, что она

с увлечением разглядывает потолок.

Обратный перелет был невыносим. Пассажиры явно желали ее скорейшей гибели, а может, дело было и не в них. Боль сверлила голову, Инна все забывала, путала, непослушные пластиковые стаканчики норовили выскользнуть из немеющих пальцев. Ко всему прочему, она чуть не забыла перевести селектор в нужное положение, но даже не ужаснулась: хотя за такое нарушение светил либо огромный штраф, либо отстранение от полетов.

– Что с тобой такое? Кто-то украл настоящую Инну и заменил ее подделкой, – попробовала пошутить Женя. Но, увидев ее бледность и блестящие глаза, перепугалась: – Эй, правда, что такое?

– Голова ужасно болит, – едва ворочая языком, пробормотала Инна.

Женя быстро сбегала за аптечкой, померила давление, дала таблетку и оставила коллегу в покое.

После набора высоты Инне все же пришлось приступить к своим обязанностям. Она улыбалась через силу, ноги в проклятых туфлях ныли, и хотелось только одного: земли, Москвы, теплой постели и – забыться.

Маленькой шалунье Сесиль исполнилось уже три года, а Марсель все еще в точности помнил тот день, когда она родилась. Он сидел в аэропорту Парижа, когда позвонила Дороти, рыдающая в истерике.

– Марсель, я рожаю! Они везут меня в больницу. Я же говорила, что ты не успеешь. Ну почему, почему ты никогда меня не слушаешь?!

Всю обратную дорогу в Монреаль он маялся в самолете. Пытался спать, но сон не шел, смотрел в иллюминатор, но ничего не видел. Его не оставляло ощущение, что он забыл, оставил на земле что-то важное. И эти мысли мешались с видениями о Дороти, которая, наверное, мечется сейчас в родильном отделении.

Он успел к самому финалу. И новорожденную Сесиль дали ему на руки. Ребенок был таким крохотным, таким сморщенным и плакал, но на отцовских руках тут же смолк.

– О, мсье, вы ей нравитесь! – засмеялась медсестра.

С тех пор Сесиль была папиной дочкой. Марсель не мог отказать ей ни в чем, вся жизнь его, работа, отдых – все было подчинено этой крошке. По воскресеньям он водил ее гулять на площадку, покупал сладости, отчего Дороти бесилась: она была сторонницей здорового воспитания детей. Впрочем, у нее самой не было особых склонностей к педагогике, и она только диву давалась, как этот мужчина знает все наперед. Марселю удавалось почти всегда угадывать: отчего плачет его дочь и чего хочет –

даже пока она не умела говорить.

Молодые родители разговаривали с Сесиль на родных языках, Марсель на французском, Дороти на английском. Втайне Марсель мечтал, что потом он научит ее и русскому тоже.

Он осознавал, что не сможет развестись с Дороти уже никогда. Ну, если она сама не захочет, конечно. Нанести такой удар дочурке он бы не посмел. А Дороти все и так устраивало. Она писала в год по роману и очень скоро приобрела значительную известность, больше не сидела дома, ходила на презентации и интервью, ее приглашали на ток-шоу. Теперь супруги редко встречались, были заняты каждый своими делами. Даже с дочерью они общались в разное время. Так что мысль о разводе отпала сама собой, Марсель и так почти не чувствовал, что женат, – и был этому весьма рад. По крайней мере, Дороти теперь не докучала ему своим настроением, недовольством и пространными разговорами.

Они втроем переехали в собственный дом в пригороде Монреалья. Иногда к ним заглядывали Лена с Романом, изредка – знакомые Дороти.

Однажды Марсель приехал домой на обед. Сесиль играла с соседским мальчиком за оградой дома напротив, через улицу. Увидев машину отца, она заулыбалась.

– Папа приехал!

Забыв про соседского мальчика, девочка кинулась к обочине и на глазах у замершего от ужаса Марсея перебежала через дорогу. Машин в этот момент не было, но, несмотря на это, у Марсея внутри похолодело. Он схватил дочурку в объятия и сжал, ревниво, сильно.

– Сесиль Моран! – поставив ее на тротуар, проговорил он строго, стараясь унять дрожь. – Пообещай мне, что никогда больше не будешь вот так кидаться через дорогу. Никогда. Ни при каких условиях. Дорогу переходят, встав у обочины и посмотрев сначала влево, потом вправо. И убедившись, что машин нет нигде, слышишь, нигде – можно идти. Поняла меня?

Уловив незнакомые нотки в голосе отца, девочка сжалась и захлюпала носом. Марсель присел на корточки и обнял ее.

– Не реви. Я не ругаюсь, просто испугался за тебя, я ведь тебя люблю. Но пообещай мне, что переходить дорогу будешь осторожно.

– Обещаю, папочка, – прошептала Сесиль.

Марсель видел, как покраснели ее глазенки, видел застрявшую в светлом локоне колючку от соседской изгороди, зеленое травяное пятно на платице.

– Пойдем, будем учиться переходить, – вздохнул он и потянул девочку

за руку. Встав у дороги, он кивнул налево:

– Смотри. Нет машин?

– Нет.

– Тогда пойдем до середины. А теперь смотри направо. Нет машин?

– Нет.

– Вот так и надо переходить. Поняла?

Из соседского дома спешила мать мальчика, мадам Флорэн.

– Мсье Моран, что-то случилось?

– Не знаете, где наша няня? Дети играли без присмотра...

– А она ушла в магазин, сказала, что ненадолго.

Этого хватило. Через час Марсель уже рассчитал няню своей дочери.

Простить ей такое он бы все равно не смог.

Дороти была в гневе:

– Ты считаешь, я буду сидеть с нею круглые сутки? Я, между прочим, тоже работаю.

– Найдешь другую няню. Или лучше я найду. Потому что лучше уж так, чем потом увидеть, как твой ребенок бежит прямо под колеса. Или тебе все равно?

Дороти впервые видела Марселя таким. Это была не просто ярость, или злоба, или недовольство. В его удивительного цвета глазах она отчетливо видела страх и затаенную боль, очень сильную, до сих пор не угасшую.

– Марсель. – Она смягчилась и даже приобняла мужа. – Прости. Это правда важно... У тебя кто-то близкий попал под машину?

– Н-нет... И не хочу, чтобы это произошло.

В эту ночь ему виделись неясные образы. Колесо велосипеда, крутящееся в воздухе, бескрайние зеленые холмы, теряющиеся в тумане, чьи-то развевающиеся волосы, красный сигнал светофора, сменяющийся зеленым, и над всем этим – чей-то крик и неумолчная, тревожная, визгливая трамвайная трель.

Утром было прохладнее, чем она предполагала. А ведь уже август... Времена года ничего не значат, когда живешь в воздухе.

Инна видела, что немного опаздывает. Взять форму и погладить ее в аэропорту она уж точно не успевала, так что пришлось нацепить ее еще дома. Этого она не любила: в метро и на улице все обязательно будут пялиться.

Она понимала, что ничего страшного в этих взглядах не было. По форме понятно, что она стюардесса, а люди почему-то считают стюардесс

более интересными и симпатичными, чем остальные девушки. Она столько раз видела это многозначительное выражение лица, когда отвечала на вопрос о своей профессии. И от этого было как-то не по себе.

Что ж, ничего не поделать, переодеться все равно не успею, вздохнула она и вышла во двор.

– Девушка, с добрым утром! – послышалось сбоку.

«Ну что за идиот, – поморщилась невыспавшаяся и раздраженная Инна. – Полшестого утра. Наверняка возвращается с гулянки, и душа требует общения...» И не повернула голову.

– Девушка! – В настойчивом мужском голосе послышалась улыбка. Инна посмотрела краем глаза – и тут же оторопела. Рядом с ней стоял молодой мужчина, тоже в форме авиации, но не стюарда, а пилота. Она улыбнулась.

– Рыбак рыбака видит издалека, – покачал головой он. – Не знал, что тут, кроме меня, еще кто-то из наших живет...

– Ну вот видите...

– Куда летите? Из Шереметьева?

– Эээ... Кажется, во Владивосток. Да, точно! И – да, из Шереметьева, – эта встреча неожиданно развеселила Инну.

– Ага, а я в Мурманск. Вас подвезти?

– До Мурманска?

– Туда тоже можно, если пожелаете!

Пилота звали Паша Герасимов. Он оказался удивительно приятным собеседником, и дорога до аэропорта показалась Инне чересчур короткой. Она уже давно не общалась с кем-нибудь так непринужденно. Если быть честной, Инна вообще редко общалась с кем-то, кроме родителей, ребят из экипажа и пассажиров. Она выбрала эту профессию, потому что ее душа всегда рвалась куда-то, а самолет – самый быстрый способ добраться до места назначения. И летала Инна на пределе сил и возможностей, прося сверхурочные, несмотря на запрет, с радостью заменяя кого-нибудь из заболевших.

Они встретились с Пашей еще. Сходили в кафе и в кино. Паша показался Инне красивым. Когда он что-нибудь рассказывал, она смотрела на его рот, чувственный, с резко очерченной выемкой верхней губы. И однажды не удержалась, впиалась поцелуем.

У Инны давно никого не было. Работа, небо, самолет затмевали все остальное, отодвигали человеческую жизнь на второй план. Даже если бы и появился какой-нибудь мужчина, он недолго смог бы выносить ее постоянные разъезды.

А природа, между тем, брала свое. От одного поцелуя кровь забурлила в венах, резко бросилась в голову, прилила к животу. Инна едва устояла на ногах.

Паша смотрел на нее с желанием, и еще – с пониманием. Он был свой, ему не нужно было объяснять все это, и ее реакцию, и ее вождление.

Отдаваться любви урывками, между рейсами, между городами и странами – вот был удел Инны и Паши. Страсть кипела, затапливала голову и тело яркими волнами. Встречаясь в аэропортах, они только вежливо кивали друг другу, но на пороге Пашиной квартиры одежда падала к ногам бесформенной кучей, разлеталась по всей комнате, коридору. Жар был так силен, что они не вылезали из постели часами, стараясь потушить его телами друг друга.

– Мы с тобой не авиация, мы пожарники, – смеялся Паша, пытаюсь привести в норму дыхание.

Раскрасневшаяся Инна бесстыдно улыбалась ему, и костер начинал разгораться снова.

Вот так, просто, легко, без обязательств. Не испытывая друг к другу ничего, кроме симпатии и безудержного влечения. Не обещая, не спрашивая. У каждого из них была своя жизнь, и только постель – общая.

И было в этом что-то от отчаяния.

– Золушка не дождалась своего принца, перестала верить в вечную любовь – и стала нормальным человеком, – качала головой Юленька, единственная подруга, выдержавшая график Инны и долгое ее отсутствие. Несмотря на слова, втайне Юленька была поражена. Она могла ожидать такого поведения от кого угодно, только не от сдержанной, строгой Инны.

– Зачем ждать чего-то, когда можно брать прямо сейчас? Мне не нужна любовь, у меня работы полно, – усмехалась Инна.

Она только сейчас нашла эту маску, и маска пришлась ей впору. Раньше все смотрели на девушку с жалостью, мол, бедненькая девочка, все никак не устроит свою личную жизнь. Теперь во взглядах читалось что угодно – неодобрение, тревога, удивление, зависть. Жалости больше не было, и Инну это вполне устраивало. Родители, конечно, переживали, но втайне надеялись, что с Пашей Инну связывает нечто большее и наступит день, когда молодые люди это поймут. Как наивны порой родители, усмехалась про себя девушка.

Инне нравилось играть эту роль циничной штучки. С самого детства среди знакомых пар (сперва друзей родителей, потом и собственных знакомых) она жаждала найти живое подтверждение тому, что вечная, непреходящая любовь существует.

Долгое время она считала эталоном своих родственников, дядю Федю и тетю Веронику. Вот при взгляде на кого захватывало дух. Всегда вместе, расслабленно-довольные друг другом, выросшие вместе дочку. Инна любила приходить к ним в гости в их чистую уютную квартирку в сталинском доме на Ленинском проспекте, обставленную со вкусом и при немалых затратах. Сидеть в глубоком кресле, пить чай со слойками с корицей и изюмом, которые так хорошо пекла тетя Вероника и которые так любил дядя Федя. Запах корицы был неотделим от запаха этого дома, где люди, поженившись в молодости, до сих пор любят друг друга – и проживут в этом состоянии, «пока смерть не разлучит их».

Однажды Инна вернулась из рейса и застала тетю Веронику в гостях. Они с мамой чаевничали, на блюде лежали фирменные слойки. Тетя была грустна, глаза ее припухли, а мама старалась выглядеть как всегда, что получалось прескверно. Расцеловав обеих и подцепив с тарелки булочку, Инна тактично ушла в душ и вскоре услышала, как хлопнула входная дверь.

После душа она обнаружила на кухне одну маму.

– А что тетя Вероника? Она плакала, что ли?

– Да все Федор. Мужики вот эти... как же они меня бесят!

– Что такое? – Инна запахнулась в махровый халат, будто от сквозняка.

Мама вздохнула:

– Да все не может определиться, с кем ему жить. То ли с Вероникой, то ли с Наташей этой.

– Подожди, какая Наташа? – Инна замотала головой, стараясь не понимать маминых слов.

– Ну помнишь, Наташа, темненькая, худенькая такая. С Федей вместе работает. Ты ее у него на дне рождения видела, она тебе еще понравилась, помнишь? Так вот у Федора с ней роман уже несколько лет. Вероника мучается и ходит мне душу облегчить. Одной такое тяжело выносить, сама понимаешь...

– И что, тетя Вероника все это время знала, что он ей изменяет? И не разводится с ним? – Инна не могла поверить.

От запаха корицы ее замутило.

– Инночка, ну а как разводится? Ей пятьдесят лет. Дом, Федя зарабатывает неплохо, Вику вместе вырастили... Разведется – и что ей делать? А так хоть в старости будет с кем поговорить, все лучше, чем одной.

Инна ничего не ответила. С тех пор она не выносила булочек с корицей и рассказы о счастливых долгих браках. Уж лучше, как у них с

Пашей: свобода, замешанная на сексе. И никаких привязанностей. Инна с некоторых пор осознала, что привязанность, а еще больше любовь, приносит в жизнь столько хаоса и боли, что от этого лучше держаться на расстоянии. По крайней мере, по возможности.

Прошло четыре года с тех пор, как она стала стюардессой. За плечами были перелеты на все континенты; Штаты, Канада и Латинская Америка перестали быть для Инны огромными неизведанными землями. Все те же города, а в них – все те же люди, краснокожие, белокожие, темнокожие... В отпуск она решила воспользоваться скидкой, которую предоставляла профессия, и махнула в Квебек, самое сердце французской Канады. Не хотелось ей ни к теплому морю и нежному песку, ни в музеи старинной Европы, Инна желала убедиться, все ли в Квебеке так, как она читала, и если не так, то как иначе? Остались ли там еще гуроны и алгонкины^[11], или они затерялись среди жителей мегаполиса и обзавелись мобильными телефонами? И катит ли свои неторопливые воды Святой Лаврентий?

Ей редко выдавалось вот так просто посидеть в кресле самолета. Очень непривычно! Вокруг суетились девочки-стюардессы, попалась и знакомая, при виде ее расплывшаяся в улыбке куда более теплой, чем просто профессиональная:

– Ого. А ты куда это? В отпуск?

– Да, – протянула довольная Инна. Ее выученный глаз фиксировал все действия персонала, замечал всех пассажиров, а тело то и дело стремилось подскочить, потащить по проходу тележку... Да уж, привычка, вздыхала Инна и почти приказывала себе расслабиться.

После посадки в аэропорту Жана Лесажа Инна в течение двух часов разместилась в маленьком отельчике, приняла душ и спустилась пообедать. Самолетную еду она, хотя бы в силу работы, недолюбливала. Сидя на летней веранде кафе, она наконец начала осознавать, что попала в Канаду, в Квебек, город ее мечты. Он был совсем не такой, как она представляла, но ей все равно нравилось. Маленькая улочка, на которой находилось кафе, почти не освещалась солнцем, так близко сходились дома. Совсем как в Европе, в старых средневековых городках. Пахло свежей выпечкой, кофе и рекой.

И Инне пришло в голову, что, если бы она хотела встретить человека, своего человека... она хотела бы, чтобы эта встреча произошла здесь. А впрочем... Это чувство стало ее тяготить. Какая безумица! Зачем она вбила себе в голову, что все люди созданы парами? Возможно, некоторым так и не суждено встретить своего человека, кто знает...

Инна с горечью мотнула головой и раскрыла путеводитель, купленный

в аэропорту. Почему-то дома ей не верилось, что она едет в Канаду, и только тут, получая багаж и осматриваясь, она осознала этот факт. И тут же приобрела брошюру.

– Мадемуазель, у вас потрясающие духи с жасмином. – Официант, черноглазый, вертлявый, наклонился к ней чуть ближе положенного. Инна смущенно поблагодарила. Он поставил перед ней чашечку дымящегося кофе, кивнул на путеводитель:

– Мадемуазель недавно в нашем городе?

– О да. Только сегодня приехала.

– Добро пожаловать. Вам понравится. Вы парижанка?

– Что? О нет, конечно, нет, но спасибо, – засмеялась Инна. Официант не смутился:

– Вы так замечательно говорите по-французски...

– Я из России.

По лицу парня было видно, что он с трудом представляет, где это. Озадаченность сменилась удивлением:

– Великолепное произношение... только не квебекское...

– Да, я уже слышала, что тут язык отличается. Раз уж мы с вами беседуем... Что посоветуете посмотреть в вашем городе?

Польщенный, парень заулыбался пуще прежнего. Указал на раскрытую глянцевою книжку еще раз:

– Ну, в вашем путеводителе наверняка есть все, что требует внимания. Впрочем... Я заканчиваю в семь. Мог бы показать вам город.

Инна вежливо поблагодарила, но отказалась. С городом она справится и сама, тем более что у этого молодого человека были, судя по горящему взгляду, совсем не экскурсионные планы на нее и вечер. А этот человек (она вздохнула) явно не тот, кого она надеялась найти.

Город был великолепен. Из четырехсотлетней истории он вынес все только самое красивое и стильное. Новая Франция – это больше, чем просто название. Квебек – это действительно Новая Франция. От старой остались неторопливость, вкус к жизни во всех ее проявлениях, от кухни до архитектуры. Но все это оказалось в другом, более свежем, интересном ключе, с размахом Североамериканского континента.

Инна бродила одна, нисколько не опечаленная своей добровольной отчужденностью. Ей чудилось, что сам город говорит с нею своими старыми стенами, окнами, шпилями соборов. Железнодорожный вокзал был так красив, что не казался вокзалом, скорее, каким-то шато с очаровательными серо-голубыми башенками над входом. После него Инна долго любовалась громадой университета Лавалея – тоже с башнями, на этот

раз зелеными. Башенки вообще тут были повсюду, город словно пытался улететь куда-то ввысь. Квебек оказался легким, его мало что удерживало на бренной земле.

Даже торжественный «Отель дю Парлеман», здание Квебекского парламента в стиле Второй империи, был легким, несмотря на восемь своих этажей. Наверное, город держала только крепость, раскинувшаяся на мысе Диаман. Она, со своим совершенно римским входом из серого камня, с четырьмя колоннами по бокам, единственная выглядела крепко вросшей в землю, якорем, давно вонзившимся в плоть берега.

Инна и сама парила вместе с городом, радостная, чувствуя небывалый прилив сил. Она забыла, кто она, где родилась, кем работала, – все это сейчас не существовало, точнее, осталось в далеком прошлом. Впереди уже дрожала новая страница книги жизни, готовая со дня на день перевернуться от легкого дуновения ветра судьбы.

Она побывала везде, где советовал побывать путеводитель. Как будто он вел с ней неспешный разговор, совсем как человек, показывающий зарубежному другу свой город. Инна подхватывала диалог с книгой, и, после каждого нового величественного фасада или захватывающей панорамы, отдыхая за чашкой кофе, она писала свои впечатления на гладких страницах, иногда сбоку, иногда между строк или на форзаце. Безликая тиражная книга становилась дневником ее путешествия.

Так, возле фотографии замка Фронтенак появилась надпись синей ручкой: «Ни за что бы не подумала, что это постройка XX века! Такая мощь, такое великолепие. Наверное, Нойшванштайн производит похожее впечатление. Сказка, воплощенная в камне, не хватает только бала. Хотя, наверное, они там случаются...»

Инна была без ума от города. Ее сердце, всегда бывшее не столько в груди, сколько где-то рядом, и клещами тянувшее ее всю жизнь куда-то в дальние страны, здесь билось почти спокойно, только в каком-то медленном, тягучем восторге. Стоя на пешеходной дорожке ажурного Квебекского моста и глядя на огни Леви в одной стороне и Квебека – в другой, Инна мечтала о другой жизни, которая здесь была почти возможна.

Неделя промчалась. В день отъезда Инна чувствовала себя почти больной.

– Я не могу уехать отсюда, не могу... – шептала она растерянно, бродя по родным уже улочкам.

Словно вторя ей, с неба мелко сеял дождь.

Она верила в чудо. Сегодня – как никогда в жизни. Казалось, что сейчас, за этим углом, нет, за следующим – что-то произойдет. Что-то

перевернет все раз и навсегда. Ведь это Канада!

Она опаздывала в аэропорт. Замешкалась сначала в гостинице, потом в такси. Вещи не влезали в чемодан, молния заедала, не желала застегиваться.

Выскакивая под ливень у аэропорта, Инна поняла, что уложила зонт на самое дно чемодана, и вместо него воспользовалась путеводителем. Спутник ее странствий, он и сейчас сослужил ей добрую службу, пытаясь прикрыть от дождя.

Уже объявляли ее рейс, номер 758, Квебек – Москва. Пытаясь вытащить билет и паспорт, она скинула сумки на свободную скамейку, долго обшаривала боковые карманы. Вот, наконец-то. Кое-как собрав вещи, Инна заторопилась к стойке регистрации, потом к таможне. Аэропорт, по обычаю будней, утягивал ее в свои недра, все дальше и дальше от забытого на скамейке промокшего путеводителя по Квебеку.

Марсель опаздывал в аэропорт. Вот черт, такой выдался шанс, побывать в России, а он опаздывает! Книжная ярмарка в Москве длилась всего несколько дней, и в последний момент его издательство подтвердило свое участие. Марсель как раз был в квебекском представительстве издания, когда Франсуаз сообщила, что зарезервировала ему билет. Милая, удивительная Франсуаз, что бы он без нее делал!

Вообще-то Марсель мечтал поехать в Россию с Сесиль, но девочка еще слишком мала, чтобы оценить такую страну по достоинству, так что, может, все и к лучшему.

Едва бросив взгляд на табло, Марсель понял, что все-таки опоздал. Рейс номер 758 уже поднимался в воздух, унося в Москву всех, кроме него.

– Я опоздал на рейс. Вы можете предложить мне другой билет? – поинтересовался он у администратора. Женщина пообещала сделать все возможное. Ожидая, Марсель опустил на скамейку неподалеку.

Рядом с ним лежала забытая кем-то книга. Ее обложка показалась знакомой, и Марсель взял книгу в руки. Ах да, это же их путеводитель! Марсель тут же вспомнил, сколько раз пришлось верстать страницы с седьмой по тринадцатую. Дизайнеры спорили с пеной у рта, один доказывал, что нужно поместить еще фото Ша-то-Фронтенак с разных ракурсов, а второй убеждал, что лучше уже имеющееся сделать больше размером... Обложка потертая и немного покособилась. Наверное, это от дождя, хотя на первый взгляд кажется, что бумага погнулась от пролитых на нее слез.

Марсель огляделся. Рядом сидела только пожилая дама в малиновом

берете.

– Мадам, это ваша книга?

Дама покачала головой. Больше никого поблизости не было. Похоже, владельцу она больше не понадобится...

Путеводитель пах духами с жасмином, и Марсель сообразил, что оставила его женщина, возможно, очень привлекательная: как-то не шло в голову, что так могла благоухать серая мышка. Запах был очень знакомым, родным, даже в груди защемило. Кажется, когда-то давно, может быть, в детстве, кто-то из близких пах так же. Наверное, мама – Марсель не был уверен. Он втянул носом аромат раз, другой – восхитительно!

Но еще восхитительнее были пометки, оставленные на страницах рукой незнакомки. Точные мысли, сильные впечатления – вот что это было. История целого путешествия раскрывалась сейчас перед его любопытным взглядом.

Он не сразу понял, что пометки сделаны по-русски. В последнее время этот язык стал ему чуть ли не вторым родным, ну, может, третьим после утилитарного, но такого необходимого английского. Так, значит, хозяйка улетела в Москву, быть может, тем самым рейсом? Марсель вдруг горько пожалел о своем опоздании. Он мог бы познакомиться с нею, поболтать. Наверняка им нашлось бы о чем поговорить:

«О, вы читаете путеводитель. Издательство, которым я владею... – Нет, не так. – Издательство, в котором я работаю, как раз и создало эту книгу. Как вам Квебек?»

Глупые фантазии. Девушка улетела, оставив ставшую бесполезной книжонку. Хотя нет, забыла и теперь, наверное, горюет. Тут остались ее пометки, замечания, мысли – она хотела сохранить книгу и долгими русскими зимами вспоминать о поездке. Кажется, ей тут понравилось.

Нашлось свободное место на следующий рейс до Москвы, и, чтобы сообщить это, администратору пришлось дважды окликнуть Марселя. Он, кажется, увлекся...

Устроившись в кресле самолета, Марсель тут же продолжил изучать путеводитель. Читал сперва отпечатанный текст, потом вспоминал эти места, какими он сам их знает, – и тут же замечания незнакомки. Они во многом соглашались. Квебек и ему казался легче и невесомее Монреаля. Фронтенак тоже выглядел для Марселя сказкой. Хозяйка путеводителя, видно, не бывала в баварском Нойшванштайне, но она права: впечатления схожие. И у водопада Монморанси действительно кажется, что стоишь на краю света, и хочется крикнуть...

От одной надписи сердце Марселя замерло, и почему-то стало больно.

Под фотографией Квебекского моста синела вязь женского почерка:

«Мне бы хотелось стоять тут с кем-то... – Ночью. И смотреть на огни Квебека».

Она была одна! Все эти места, достопримечательности, замки, базилики, порт, крепость, все улицы и каждый камушек на мостовой она исходила одна-одинешенька. Может быть, хотела поехать с подругой, а та не смогла, или парень бросил, или... Или она приезжала к кому-то, но встретиться так и не удалось. И этот путеводитель, ее единственный спутник, закрывший своим ненадежным бумажным плечом от канадского ливня, остался на земле, а она улетела.

Она будет скучать по книге, подумал Марсель. И неожиданно решил, что сохранит путеводитель для себя. Он снова приблизил брошюру к лицу и потянул носом аромат. Страницы пахли нежно, тонко, и он испугался, что когда-нибудь запах окончательно выветрится, улетучится, растает, как растаяла в толпе его владелица. Эта мысль разрывала ему сердце.

Инна заметила пропажу не сразу. Первые несколько дней после прилета она бродила по комнатам сама не своя. Даже чемодан не в силах была разобрать. То и дело начинала рассказывать родителям о Квебеке, но тут же замолкала: слова были не в состоянии передать то, что она видела, а больше – что *чувствовала* там.

Потом родители отправились на дачу, а Инна осталась одна. Она не звонила Паше, и вообще с трудом вспоминала, что на свете живет и он тоже. Видимо, роман с плотью был окончен.

Однажды утром, через неделю после возвращения, ей показалось, что ничего этого не было: ни моста через Святой Лаврентий, ни шпиля Нотр-Дамм-де-Виктуар. Что Квебека не было.

Она не брала в отпуск фотоаппарат, чтобы не заставлять себя смотреть на мир через объектив вместо двух полноценных глаз. И ее единственным свидетелем, ее единомышленником был путеводитель. Где же он?

Она перерыла все вещи, чемодан сверху донизу, сумку, посмотрела в карманах, куда он ни за что бы не уместился. Путеводитель исчез. Квебека не было в ее жизни – вот что это означало.

И сразу навалилась густая, черная тоска. В ней больше не было просвета, надежды, огонька. В ней больше не было вообще ничего. Чернота окутывала, зализывая светлые пятна Инниной жизни, как черная собака. Ничего не осталось.

Это было плохое решение, Инна знала. Распаковывая баночки с маминым снотворным, она старалась не думать. Ни о родителях, ни о том

мире, что оставался рядом. Миру ничего не будет, это она – умрет. А мир останется, все такой же сияющий, такой же невероятный. Он не заметит ее ухода, никто не заметит.

Две полные горсти таблеток, запитые водой. Инна прилегла на кровать среди разоренных вещей. Комната была под стать душе, такая же неприютная, неубранная. Хотелось спать.

Спать, спать, спать. Чернота лизалась остервенело, непроницаемой смертельной слюной покрывая все тело Инны, ее руки, ее губы, глаза.

Она стояла на аллее, усыпанной багряными канадскими листьями.

«Что же я делаю?» – билась мысль. С каждым шагом по аллее мысль пульсировала все быстрее.

На аллее она была не одна. Любимые, знакомые руки схватили ее, стали трясти:

– Что ты делаешь? Я же говорил, так нельзя. Ты погубишь нас. Себя и меня вместе с собой, ведь один я – ничто!

Она плакала:

– Я не знаю, что делать. Любовь моя, почему ты не пришел? Я так тебя ждала, я так тебя искала.

– Я тоже искал тебя. Прости, что не успел найти, прости. Но сейчас ты не имеешь права, слышишь!

– Я устала... – Вся горечь ее тоскующей жизни была в этих словах.

Она опустилась на колени посреди этой аллеи, закрыла лицо руками. Со всех сторон наступал туман, холодный, липкий. Туман затягивал все вокруг.

– Что же я делаю? – ужаснулась она, отнимая руки от заплаканных глаз.

Он стоял рядом с нею, тоже на коленях. Так близко, что она не могла рассмотреть его лица. Его руки сжимали ее в объятиях, тормозили.

– Не делай этого. Это билет в один конец. Не делай этого, нельзя, нельзя! Нельзя. Ты все разрушишь...

Они задыхались от ужаса, оба как единый организм. Туман лип к их телам, застилал глаза, застилал все.

– Проснись. Проснись и встань. Я не смогу сделать это за тебя. Ты мой единственный свет, ты моя жизнь. Ты не можешь все погубить. Вспомни! Вспомни, что уже было раньше. Это было страшнее, но мы справились. Я люблю – тебя.

И она вспомнила. Вспомнила, как теряла его, вспомнила, как их разлучали. Как умирал он, как умирала она. И как они встречались снова.

– Я люблю тебя, – эхом отозвалась она. С силой, нечеловеческой силой

она поднялась на ноги. От его лица расходилось сияние, и туман боялся этого света, истончался, таял.

Его крепкие руки до боли впились ей в плечи. Он тряс ее, как куклу.

– Найди в себе силы. Найди! Только не так.

– Только не так, – согласилась она со всхлипом. Ей понадобилось все: ее сила, ее воля, ее память. Три жизни – и все зря? Она должна была вынести это, чтобы... чтобы он был жив. Ради него, только ради него.

Она стиснула зубы, развернулась и побежала по аллее, все дальше от него, полная решимости исправить самую чудовищную свою ошибку.

Инна выплыла из забытья. Сон утягивал на самое дно, но эта мысль была сильнее всего сна в мире. «Нельзя. Только не так».

Мысли ворочались с трудом, во рту было сухо, голова шла кругом. Инна приподнялась на локте, и тошнота накатила с безудержной силой. Увидев пустые флакончики из-под лекарств, она вспомнила и поморщилась.

– Нельзя. – Спекшиеся губы твердили одно слово постоянно.

Она поползла до ванны, пару раз оседая по стене и балансируя на краю ускользающего сознания. Если соскользнуть в забытье – это навсегда, и Инна понимала весь ужас этого страшного слова «навсегда».

В ванне она заставила себя выпить воды, потом еще и еще. Ее рвало. Когда казалось, что желудок выскочит через горло, она снова пила воду и снова засовывала пальцы в рот. Из глаз лились едкие слезы.

Обессилевшая, уже не в состоянии передвигаться на ногах, на четвереньках Инна выползла в коридор и набрала телефон «Скорой». Продиктовав адрес и сказав, что выпила снотворное, она выронила трубку.

Накатывался сон. Последнее, что она сделала перед тем, как сдаться, – открыла входную дверь на площадку.

Марсель проснулся дрожащий, в холодном поту. Дороти ночевала у друзей, и в кровати он был один.

Этот страшный сон! Он помнил каждый его миг. Женщина, дороже которой нет и не будет, пыталась уйти от него, бросить его одного на аллее, затянутой густым туманом. Всюду взвивался злой холод, и он умолял ее не делать этого. Кажется, она послушалась.

Его руки были ледяными. Наверное, это из-за ночной прохлады, все-таки уже почти сентябрь.

Марсель пошел на кухню, долго пил воду и никак не мог напиться. Во рту было сухо, горло саднило. Сердце готово было выскочить из груди.

– Это только сон. Всего лишь сон.

Марсель пытался себя успокоить, но это не получалось. Убеждение, что приснившееся – просто кошмар, не действовало. Ему было жизненно важно узнать, что решила эта женщина на аллее. С ним она – или он один?

Инна клятвенно обещала врачу, что такое с нею больше не случится. Она и сама уже приходила в ужас от того, какая идиотская, чудовищная мысль пришла ей в голову. Наложить на себя руки! Боже, как она вообще посмела сделать это? Она чувствовала такой леденящий страх при мысли, что эта попытка могла увенчаться успехом. Никакое рациональное размышление не могло помочь. Она не помнила своего видения, не понимала, как нашла в себе силы очнуться. Здесь явно не обошлось без вмешательства свыше. И она была благодарна небу, что не убила себя. Ей казалось, что, убив себя, она разрушила бы целую вселенную.

Возможно, это было самонадеянно.

Так или иначе, но свое обещание доктору она сдержала. Вернувшись из больницы, она поняла, что такое жить. Это ведь просто. Чувствовать струящийся от соседей запах печеных перцев с мясом. Резать хрусткий арбуз, который пахнет так остро, свежо, сентябрем. Шуршать страницами любимой книги. Смеяться в компании родных. И ни за что не верить, что все может быть недостаточно хорошо.

В сорок пять Инна вышла на пенсию, до этого облетев несколько сотен раз вокруг всего земного шара. География, так любимая ею в детстве, стала ее философией. Весь мир принадлежал только ей. Никого не было рядом, но и сам этот мир был ее спутником, самым надежным и самым родным.

Марсель вырастил Сесиль. Она стала умницей, его гордостью, а по достижении двадцати пяти лет – и партнером по бизнесу. Встретила хорошего парня и вышла замуж. Это было немножечко грустно – для Марселя. Но он чувствовал, что все это правильно, все, как и *должно быть*. Когда Сесиль родила близнецов, он был счастлив. И даже подкалывал Дороти, что она стала бабушкой прежде, чем была к этому готова. Дороти привычно огрызалась.

Вечерами, когда становилось тоскливо, он доставал старый путеводитель по Квебеку. Это был его талисман, он везде возил потрепанную книженцию с собой. И перелистывал, читал, вглядываясь в бледные чернила слов. Аромат становился слабее, но Марсель все равно чувствовал его всегда.

Была и еще одна радость. О которой Марсель только догадывался,

которую чувствовал только во снах. Женщина, дороже которой нет и быть не может, не ушла от него. Она всегда была рядом.

Только немного грустно, что в жизни они так и не встретились.

Часть седьмая- Дорога к Дому

На красно-коричневых, местами голых ветках деревьев и кустов висели сотни капель дождевой воды, унизав их подобно хрустальным бусинам в ожерелье. Они дрожали от слабого, почти незаметного ветра.

Она шла, быстро, радостно. Ее глаза вглядывались в противоположный конец аллеи.

Туман почти рассеялся, и через него все мягко золотило солнце.

Она прибавила шаг, не сдержалась и побежала. И он побежал ей навстречу.

Самые главные объятия, единственные. А вокруг – тихий, опадающий сад, запах мокрой земли, прели, яблок, дождя, древесины. Камней аллеи почти не видно, они укрыты ковром влажных листьев, желтых, бордовых, пурпурных, зеленовато-лимонных.

«Ты...» – подумал он ей.

«И ты... – молчаливо откликнулась она. – Я боялась, что натворила ужасных дел...»

«Я тоже боялся. Ты дала маху... Но все исправила».

«Потому что ты пришел мне на помощь. Без тебя я ничто».

«Но я всегда рядом. И мы. Всегда. Вместе».

Рядом соткался из невидимых нитей их Дом, самый прекрасный, самый величественный, самый дорогой Дом. Рука об руку они ступили на дорожку к нему.

К высокому крыльцу вели шесть мраморных ступеней.

Первая почти ушла в рыхлую осеннюю землю, на нее со всех сторон наползала неугомонная трава.

Вторая немного покосилась влево. Но они шагнули на нее без опаски.

Третья треснула ровно посередине, и из трещины торчал чахлый на вид подорожник.

Четвертая была слегка щербата, и щербинки, при известном воображении, можно было принять за чью-то лукавую мордашку.

Пятая ступень была образцовой, ровной и гладкой.

А шестая... была уже не ступенью, а широкой придверной плитой на крыльце. Ветер гостеприимно распахнул дверь, и они оказались внутри. На журнальном столике у дивана лежал путеводитель.

«Ты хранил его для меня... Ты знал, что он был мне дорог», – думала она с нежностью, и он слышал все до одной ее мысли.

Их лица менялись, как зыбь на воде. Они помнили все, но и забывали тоже все. Их жизни, прожитые на земле врозь, казались просто причудой. Только одно воспоминание тревожило, о том ужасе, пережитом на знакомой аллее, когда отовсюду стекался холодный туман.

«Мы выстояли. Не бойся больше, – обнял он ее, проник сквозь нее к самой ее сути. – Здесь нет места страху».

И время опять привычно замерло, мимо текли годы и пространства, и опять это бесконечное яркое марево затопило все вокруг.

Безмятежное счастье, незыблемое и вечное.

«Я больше не смогу быть без тебя. Ни мгновения».

«Я здесь».

«Но там, внизу, я не помню ничего о нашем доме и о нас. Я иду, как слепой котенок, и натываюсь на углы. Мне страшно, что одним таким углом я рассеку тебе жизнь».

«Мы достаточно испытали».

Надежда, пронзившая всю ее, была такая же васильковая, как его глаза.

«Наш путь окончен?»

«Если только мы попросим».

Они попросили. Попросили о том, чтобы никогда не расставаться и всегда быть слитыми, неделимыми, такими, какие они сейчас, в этом безвременье. Не возвращаясь туда.

Попросили – и были услышаны.

Это происходило с ними, сейчас. Величайший дар, которому нет описания. Больше не придется искать друг друга, жить в слепой тоске, в горячей страсти, в холодном унынии. Больше ничто человеческое, плотское, плоское не набросит на них своих вязких покровов.

Они вдвоем остаются здесь. И страшное слово вдруг стало благословенным:

«Навсегда».

Они изменялись, соединялись, длились. Не было больше ни его, ни ее, а только одно общее... Дом растворялся, вился вокруг них, и они становились им. Сливались. Пока не стали одним целым и друг с другом, и с Домом. Тогда все вокруг затопило одно чистейшее, кристальное, ничем не омраченное счастье.

На осенней аллее застыл Дом. Он смотрел на осыпающиеся с тихим шелестом деревья счастливыми глазами, жарко-синими и густо-

каштановыми глазами своих окон.

Дом ждал.

Новых.

Других.

Тех, кто умеет любить так же сильно и безрассудно, поправ смерть и разлуку и через время и пространство протянув друг к другу руки.

Тех, кто умеет любить.

Содержание

—

Часть первая 7

Часть вторая. Цвет черемухи 12

Часть третья 78

Часть четвертая. Вересковые холмы 84

Часть пятая 238

Часть шестая. Аэропорт 247

Часть седьмая. Дорога к Дому 312

notes

Примечания

1

Торгсин – всесоюзное объединение по торговле с иностранцами (Торговый синдикат), существовавшее в 1931–1936 гг. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

Из романа В. Буюкли и А. Будищева «Калитка».

Ламанова Н. П. (1861–1941) – модельер, художник театрального костюма, создатель отечественной школы моделирования.

Намек на теорию «стакана воды», из которой следовало, что удовлетворить сексуальные потребности можно так же легко и без предрассудков, как выпить воды.

АЛЖИР – Акмолинский лагерь жен изменников Родины ГУЛАГа.

6

Начало бомбежки Лондона авиацией нацистской Германии.

Труро – административный центр Корнуолла, самый южный город Великобритании, имеющий статус «сити».

Твигги – Лесли Хорнби, английская супермодель 60-х. Прозвище переводится с английского как «тростинка». *(Прим. авт.)*

«Ромео и Джульетта». У. Шекспир в переводе Б. Пастернака.

Искаженно «amant français»– «французский любовник» (фр.).

Гуроны, алгонкины – названия индейских племен, проживавших на территории Канады.